ИСК@ТЕЛЬ

ДЕТЕКТИВ ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ 10'2002

Галина ПОЛЫНСКАЯ

СУП ИЗ ПТИЧЬИХ ГНЕЗД

Боб ГРЕЙ

КОМНАТА СТРАХА

ИСКАТЕЛЬ 2002

№ 10

ИСК@ТЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА
ДЕТЕКТИВ • ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

2002
10

10 (285)
2002

*

© «Книги «ИСКАТЕЛЯ», 2002

Содержание:

Галина ПОЛЫНСКАЯ
СУП ИЗ ПТИЧЬИХ ГНЕЗД
Повесть
Олег МАКУШКИН
ЦЕНИТЕЛИ КРАСОТЫ
Рассказ
Лоуренс БЛОК
ЖАЖДА СМЕРТИ
Рассказ
Боб ГРЕЙ
КОМНАТА СТРАХА
Рассказ

Галина ПОЛЫНСКАЯ

СУП ИЗ ПТИЧЬИХ ГНЕЗД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На календаре был конец марта, но зима чихать хотела на этот факт: бесконечный снег валил, как перья из распоротой подушки, и, превращаясь в нечто сырое и липкое, усердно плевался в окна. Мое настроение соответствовало погоде в точности до последнего снежного плевка. Душевное состояние требовало немедленной исповеди, й я принялась искать телефон, дабы позвонить подруге. Поиск телефона был занятием отнюдь не простым, мой аппарат имел очень длинный шнур, я таскала его за собою по всей квартире, и телефон мог оказаться где угодно.

На этот раз мой желтый, местами облупившийся приятель, оказался в ванной, в тазу, под грудой белья. Вытащив его оттуда, я отнесла аппарат на кухню и поставила чайник. Присев на табуретку, накрутила номер единственной и неповторимой подруги.

— Алло, — сонно пробормотала она.

— Ты еще спишь? — удивилась я, потому что на часах был полдень.

— Я вчера ездила к двоюродной сестре, у нее личная драма…

— И вы напились, — закончила я. Личные драмы у сестры происходили раз в неделю, иногда чаще.

— Так, выпили немного, — зевнула Тая. — У тебя что-то случилось?

— Да, — я мрачно разглядывала заплеванное снегом окно, — сегодня я как следует обдумала свои перспективы на будущее.

— И что?

— Их нет! Совсем никаких! Я никогда не стану богатой и знаменитой! Я никогда не смогу прожигать жизнь на всю катушку! Я подохну в нищете и безызвестности!

— Сена, что это с тобой? — подруга неприлично, с подвыванием зевнула.

— А того! И прекрати зевать! Понимаешь, я хочу жить красиво, хотя бы иногда! Хочу есть пищащих устриц и плесневелый сыр! И запивать настоящим шампанским! Не из ларька! Неужели я не достойна хоть капельки счастья?!

— Плесневелый сыр я ела, дрянь страшная, ты вполне можешь себе это устроить — вытащи из холодильника кусок обыкновенного и положи в теплое место. Через пару дней можешь наслаждаться.

— Это совсем не то, я хочу есть сыр, заплесневевший в Париже! Надо срочно что-то делать, жизнь так коротка! Ее надо прожигать хотя бы иногда, хотя бы раз в месяц… нет, лучше раз в полгода…

— И что ты решила сделать? — Тая перестала зевать, и ее голос

немного напрягся.

— Решила купить омара! — выпалила я.

— Чего? — начала волноваться подруга. — Омара Хайяма? Книгу?

— Я хочу прожигать жизнь, а не читать, как ее прожигали другие! Хочу купить омара, такого большого рака, они продаются в супермаркете у моего метро!

— Зачем он тебе? Будешь дрессировать? Тебе собаки мало? Ты вообще знаешь, чем эти гады питаются?

— Тая! — застонала я от непроходимой дремучес-ти подруги. — Я не собираюсь покупать живого, я куплю дохлого омара и съем его!

— Бе-е-е! — раздалось в трубке.

— Может, конечно, и «бе», — с достоинством ответила я, — но все-таки я это сделаю!

— Все понятно. Если это улучшит твое самочувствие, буду рада. Когда собираешься за покупкой?

— Прямо сейчас, — я старалась не смотреть в гадское окно.

— Погода ужасная, может, подождешь?

— Не могу, я моментально потрачу зарплату и прожигаться будет не на что.

— Ну, мысленно с тобой.

— Приехать не хочешь?

— Попозже, ладно? Я еще не проснулась окончательно.

— Ладно.

Я повесила трубку и посмотрела в коридор на безмятежно храпящую собаку. Лаврентий никак не намекал на прогулку, поэтому я быстренько собралась и, осторожно переступив через блаженно дрыхнущего сенбернара, вышла из квартиры.

На улице действительно было очень скверно, но я твердо решила довести дело до конца. До самого супермаркета я размышляла об омаре и о том, почему же именно эту идею я вбила себе в голову? Но останавливаться и придумывать что-нибудь другое было уже поздно, если меня куда-то понесло, я буду нестись до конца, даже если впереди маячит бетонная стена.

Народа в магазине оказалось мало, никто не мешал мне бродить вдоль прилавков в эйфории предвкушения встречи с куском красивой жизни.

В отделе рыбы и морепродуктов я увидела *это*. Штук пять омаров разных размеров лежали горкой, рядом красовался ценник с надписью «лобстер», и цена… о таких один известный юморист сказал: «Не поймешь, это цены или номера телефонов?»

— Девушка, — подозвала я продавщицу, — скажите, омары и лобстеры это одно и то же или нет?

Она как-то странно посмотрела на меня и пожала плечами. Это можно было расценить как угодно. Выхода не было, я выбрала среднего, потом подумала и взяла самого большого, решив не мелочиться в прожигательстве. Мой новый друг был замороженным и тяжелым. Для собственного успокоения я продолжала величать его «омаром». На оставшиеся деньги я купила бутылку пива, пару лимонов и поехала домой. По пути напрягала память, пытаясь вспомнить, как же варятся раки. Вспомнились кипящая вода, соль и укроп.

Дома я достала самую большую кастрюлю, решив предоставить почетному гостю максимально комфортные условия, налила воды и бросила пучок завядшего укропа, который был давним жителем моего холодильника. Лаврентий сразу же усек, что хозяйка снова затевает что-то глобальное, и быстренько убрался под письменный стол, который давно приспособил под свою будку.

Пока вода закипала, я разглядывала омара. Он лежал на столе, с усами в разные стороны, с устрашающими клешнями и каким-то недобрым взглядом круглых глазок. Наверное, при жизни он не отличался добрым нравом… Вода закипела, я бухнула в кастрюлю соль и аккуратно опустила туда омара. На всякий случай прикрыла его крышкой, и наружу остались торчать только усы. Сколько варить страдальца, было неизвестно, оставалось верить интуиции. Налив в бокал пива, я заняла дежурный пост на табуретке. Омар тихо булькал, а я время от времени приподнимала крышку и проведывала его. Постепенно по кухне стал распространяться какой-то загадочный запах… Я тщательно принюхивалась, из комнаты пришел Лавр и тоже стал принюхиваться.

Через полчаса мне в голову стали приходить сравнения омара с яйцом — ни у того, ни у другого не поймешь, сварились или нет… И тут до меня дошло, что красный он не от рождения, раньше он был зеленым, значит, омара уже кто-то сварил до меня! Похвалив себя за сообразительность, я аккуратно выудила омара и положила на большое блюдо. Украсив веточками укропа и торжественно водрузив «красивую жизнь» на середину стола, я посмотрела на Лавра. На морде сенбернара читалась только настороженность и больше никаких эмоции. Иногда он поразительным образом напоминает мою подругу…

Разрезав лимон, я чинно уселась за стол. От зверюги валил пар, и

взгляд его был таким же недобрым, как и до варки. Выжав на омара лимонный сок, я задумалась. Как же теперь добраться до самого главного — до мяса? Повсюду был очень крепкий бронежилет и ни малейшей лазейки. Особенно угрожающе выглядел хвост. У меня получилось оторвать маленькие лапки и разгрызть их. На вкус это было довольно странно, и сильно отдавало моим престарелым укропом и холодильником. Я запила эту красоту пивом и попробовала оторвать большую клешню. Она не поддавалась. Тогда я попыталась ее вывихнуть и злостно выломать. После пары попыток, от которых любого садиста бросило бы в дрожь, мне это удалось. Клешня была здоровенная и такая же неприступная, как все остальное, но этот омар еще не знал, с кем связался.

Расчленение, а вернее раздирание, заняло больше времени и сил, чем я предполагала, и все это время проклятый омар подловато косил на меня своими лобстерскими глазенками.

Оторвав хвост и все лапы, я оставила в целости тушку с головой. Неизвестно, что было внутри у этого саркофага, предположительно кишки, а их мне видеть не хотелось. Вытерев со стола все, что натекло с паразита, я предала его конечностям живописный вид и красочно оформила натюрморт замученным укропом. Впереди предстояла нелегкая работа, и, выпив пива, я ринулась в бой. Взялась сразу за хвост и сразу поняла, что омар так просто не дастся. Руководствуясь способом чистки рака обыкновенного, я попыталась сломать его панцирь. Он был твердым, как каменный век. Пот лился градом, слова вылетали нецензурные, я была близка к тому, чтобы начать топтать его ногами, как вдруг… меня осенило. Я бросилась в коридор, стянула с антресолей ящик с инструментами, достала молоток побольше и, исполненная яростной решимости, вернулась на кухню. Омар притаился, прикрывшись укропом, по-моему, он уже откровенно издевался надо мной. Положив его хвостище на стол, я размахнулась, как следует, прицелилась и жахнула его молотком. Во все стороны полетело что-то белое вперемешку с панцирем, и тут в дверь позвонили. Выковыряв из глаза нечто, принадлежавшее морепродукту, я пошла открывать. На пороге стояла Тая, с двумя пакетами креветок в руках.

— Сена, в чем это ты вся? — поинтересовалась подруга, заходя в коридор.

— В омаре! — мрачно ответила я и обреченно махнула молотком.

— А, ну я так и знала, вот, возьми, — протянула она мне пакеты и стала снимать сапоги. — У тебя лимоны есть?

— Да, еще не все извела на этого мерзавца.

— Вот и прекрасно, сейчас креветки сварим и по-прожигаем жизнь в пределах разумного, согласна?

— Согласна, — я печально посмотрела на молоток, — а омара добьем? Ну, хоть из любопытства, посмотрим, как он устроен и что у него внутри.

— Хорошо, — кивнула Тая и направилась на кухню, — ну-ка, показывай, где тут твой легендарный омар?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как жить дальше и что делать, я не знала. Снег продолжал лепить в окно, и я склонялась к удручающей мысли, что весны не будет. Никогда…

С момента злоключения с омаром прошла почти неделя. Замученная работой, Тая звонила редко и в гости не приезжала, я же, как всегда, валяла дурака в редакции родной газеты, писала бредовые статьи, которые выходили под сенсационными заголовками, и временами хотела умереть… Ведь занимаются же люди настоящим делом, точно знают, ради чего силы и здоровье тратят, а тут… тоска сплошная! Совершенно бездарно потраченная жизнь! И на что?! На глупые вымышленные статейки! Если прессу такого пошиба (и зачем она только нужна?!) называют «желтой», то нашу газетенку надо обозвать «желтушной», прямо-таки умирающей от желтухи в последней стадии болезни!

Глядя в окно нашего общего кабинета, я никак не могла сосредоточиться и наврать что-нибудь правдоподобное про египетские пирамиды, голову занимали совсем другие мысли: как же, как разбогатеть? Как прыгнуть выше головы и вырваться из этого болота?.. Погрузившись в думы, я не заметила, как поставила локоть на клавиатуру своей электрической печатной машинки и она начала самостоятельно выстукивать какую-то ахинею…

— Сена, ты закончила статью? — поинтересовался проходивший мимо шеф.

— Да, — брякнула я, очнувшись.

— Давай сюда.

Выдернув из машинки лист, я протянула ему. Шеф внимательно смотрел на листок секунды три, потом вежливо спросил:

— Расшифровать это можно?

— Что именно? — я напустила на себя вид самого трудолюбивого

сотрудника на свете.

— Вот это, — он сунул мне под нос абракадабру, которую настучала машинка под действием локтя. — Как это читать? Справа налево или снизу вверх?

— Через пять секунд все переделаю, — заверила я и добросовестно заколотила по клавишам машинки и только потом заметила, что забыла вставить в нее новый лист бумаги. В общем, день прошел, как обычно.

К концу рабочего дня, после бесчисленных чашек растворимого кофе, сигарет и пустой болтовни в курилке с сотрудниками других газет, гнездящихся под одной крышей с нами, на меня снизошло-таки вдохновение, и я наврала про пирамиды, довольно много и правдоподобно. Положив статью шефу на стол, я собралась было ретироваться поскорее домой, но командный голос начальства настиг меня в дверях.

— Сена! К завтрашнему дню составь гороскоп на неделю!

— Опять я?! — возмущение накрыло меня штормовою волной. — Я же говорила, что ничего в этом не соображаю, я даже не могу запомнить названия планет и все такое!

— У тебя хорошее, легкое перо, у тебя лучше всех получается!

Глядя на мой унылый вид, шеф смилостивился:

— Возьми Влада в помощь, но чтобы завтра все было!

— Хорошо, — вздохнула. я и поплелась на выход.

Я ненавидела составление гороскопов! Раньше любила читать их в газетах и журналах, интересно было, что грядущее готовит, а теперь перестала. Как представлю, что их тоже такой космонавт-астролог вроде меня сочиняет, все желание сразу отпадает.

Добравшись до дома и покормив Лавра, я позвонила Тае.

— Когда ты приедешь ко мне в гости? — обиженно проворчала я. — Решила совсем меня бросить, да?

— Сеночка, работы море, я в такой запарке! Как разгребусь хоть немного, сразу же к тебе! Как у тебя дела?

— По-старому. Знаешь, о чем я думаю все время?

— О чем?

— Как бы разбогатеть. Сразу и навсегда.

— Придумала что-нибудь?

— Нет пока.

— Как придумаешь, скажешь?

— Непременно. Жаль, что я не работаю в твоем банке, — вырвался непроизвольный вздох, — там бы дела пошли быстрее…

— Какое счастье для банка, что ты в нем не работаешь! — с чувством произнесла подруга. — Ладно, на днях приеду, не скучай.

— Постараюсь.

Потом позвонила Владу, нашему внештатнику. Характер он имел беззаботный, безалаберный, бесшабашный… Короче, мы были друзьями.

— Влад, привет, — тяжело вздохнула я.

— Привет, Соломка, а чего такая грустная?

— Да так… Слушай, ты можешь мне помочь в одном деле?

— В каком?

— Гороскоп составить.

— Легко. Когда пересечемся?

— Не знаю…

— У тебя что, депрессия?

— Вроде того, — я собралась раскиснуть и разрыдаться.

— В честь чего?

— В честь ненаступления весны, в честь хронической нищеты…

— Стоп! Хочешь, я сейчас приеду?

— Хочу, а то я под настроение такой гороскопец сляпаю, никому из дома выходить не захочется!

— Еду!

Надев свой любимый махровый халат фасона «мишка на пенсии», я мысленно попробовала набросать план гороскопа. В голове упорно крутилось: «Завтра утром вы посмотрите в зеркало и обнаружите большие ветвистые рога на своей голове. Судя по расположению Плутона, в вашем доме произошла супружеская измена, а судя по расположению Марса, у вас появятся тараканы не только на кухне, но и в голове…» Потом мысли о нищете и бездарно растраченной жизни вернулись, мне стало так квело и кисло, что я пошла на кухню и налила рюмочку ликера.

— Не люблю свою работу, Лавр, — обратилась я к любимому сенбернару, — хочу потратить свою фантазию на нужное дело, написать книгу, большую и хорошую, потом еще одну и еще. Потом прославиться и разбогатеть.

— Я тоже хочу разбогатеть! — раздался из прихожей голос Влада. — Ты опять не заперла входную дверь, между прочим! Можно я буду твоим соавтором?

— Нельзя. — Я выпила ликер.

— Почему? — Влад зашел на кухню и бросил на пол сумку с длинным ремнем.

— Потому что я хочу сама заграбастать все деньги и славу!

— У, жадобища! Гороскоп начала?

— Нет, ерунда всякая лезет в голову… ничего, сейчас я себе такой гороскоп составлю, по которому просто обязана буду разбогатеть в ближайшую неделю!

Попивая кофе и ликер, мы взялись за дело, и к полуночи гороскоп был готов. Пока Влад громыхал на кухне раскладушкой, я внесла в текст несколько поправок: у стрельцов вычеркнула грядущие душевные болезни, у рыб ссору с начальником, переходящую в драку, у водолеев возможность ограбления квартиры в пятницу, у львов разорение подчистую в среду, у козерогов угон автомобиля во вторник. Я решила быть гуманной.

— Сена, я не могу разложить эту чертову конструкцию! — крикнул Влад.

Когда мы засиживались допоздна, он оставался у меня ночевать. С раскладушкой всегда сражалась я, но теперь Влад решил победить ее самостоятельно.

— Иду! — Я сунула горе-гороскоп в папку, а папку в сумку, дабы не забыть ее утром и поспешила на помощь Владу. Моя раскладушка раскладывалась только благодаря точному удару ноги, причем бить надо строго в определенное место и с определенной силой. Продемонстрировав новое слово в каратэ, я отправилась почивать, однако надеждой на спокойный сон себя не тешила, потому что Владу непременно захочется травить анекдоты…

— Сена! — крикнул он из кухни, страшно скрипя раскладушкой, — хочешь, новый анекдот расскажу? Значит так, приходит мужик в ресторан…

И пошло-поехало. И тут вдруг раздался ужасающий грохот. Лавр подпрыгнул на полметра и залаял во все горло.

— Что там опять такое?!! — завопила соседка-пиранья, чей мерзкий голос не могли заглушить ни одни стены, особенно такие картонные, как наши. — Что у вас там за оргии такие?!! Наркоманы проклятые!!!

При звуках ее визгливого голоса меня мгновенно затрясло от злости, я слетела с кровати и помчалась на кухню. Судорожно ткнув пальцем в выключатель, я увидела живописную картину: на полу, холмом высилась раскладушка, кое-где прикрытая табуретками, а где-то в самом низу, копошился Влад.

— Сена, — послышался его приглушенный голос, — вытащи меня отсюда! Как это я так перевернулся?

Пока я спасала погребенного под раскладушкой друга, моя собака носилась вокруг нас кругами и лаяла, а сволочная соседка продолжала орать и звать на помощь милицию.

Так незаметно прошла ночь, и наступило трудовое утро.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Положив на стол шефа гороскоп, я решила выпить кофе в компании редакторши. Не бог весть какая компания, но выбора не было — я заявилась на работу почти первой, что случалось крайне редко, просто после бурных ночных «оргий» с Владом, Лавром, соседкой и раскладушкой, у меня не получилось заснуть. Спать я захотела сразу, как только переступила порог редакции.

Ловко заправив в мундштук папиросищу, редакторша уставилась на меня добрыми змеиными глазами и, растянув тонкие губы в гримасу, которая должна была означать улыбку, спросила:

— Как успехи на литературном поприще?

— Лазурно. — Я не могла не удивляться ее таланту знать наперед все про всех. Причем, знать быстрее, чем человек сам обдумает свои собственные планы.

— О чем будешь писать? О любви? — Она выдохнула столб дыма и шумно отхлебнула кофе.

— Да, — скромно кивнула я, — о любви. Об однополой.

— О какой? — На этот раз столб дыма повис вопросительным знаком.

— Об однополой, — повторила я, — о безумной, всепоглощающей страсти главного редактора к главному корректору газеты «Судный день».

Редакторша задавила папиросищу в пепельнице и посмотрела на меня точь-в-точь, как мой незабвенный омар после варки.

— Поражаюсь, — процедила она, направляясь к своему столу, — как тебя здесь терпят?!

— Да на мне тут все и держится! — крикнула я ей вслед.

Допив кофе и придя к мысли, что день начался неплохо, я решила немного поработать.

Вскоре появился шеф. Швырнув свой пухлый портфель на стол, он сразу же спросил:

— Сена, гороскоп сделала?

— Да, на вашем столе, под вашим портфелем.

— Хорошо. Так, все в сборе? — Он определил на вешалку пальто и

шляпу.

— Вроде все, — пожала я плечами, — Влад попозже придет.

— Тогда слушайте, у меня приятное известие.

Я раскрыла уши пошире, потому что новости, тем более приятные, были огромной редкостью в нашей редакции.

— Нам подвернулась неплохая работенка, за нее мы можем получить приличные чаевые.

Я раскрыла уши на полную мощность.

— Недавно вышла книга одного, пока еще неизвестного автора, не знаю, хорошая или плохая — это не важно. Важно то, что автор очень богатый и жаждет славы. Мы даем на эту книгу рекламную рецензию в следующем… нет, в этом номере, выбросим пока материал про пирамиды. Рецензия должна быть не менее захватывающей, чем «Унесенные ветром», деньги распределяются на всех, но львиную долю получает автор рецензии. Кто возьмется?

— Я! — хором крикнул весь наш доблестный коллектив.

— Хорошо, значит ты, Сена, — кивнул шеф и собрался идти на перекур. А заодно и на обед.

— Почему она?! — не вынесла редакторша. — Почему все время она?!

— Я могу уступить тебе составление гороскопов на полгода, — великодушно предложила я, — также можешь взять очерк про то, что Гитлер был женщиной.

— Не хочу я никакого Гитлера! Я хочу эту рецензию!

— Если у Сены возникнут затруднения, вы ей все поможете. — Шеф извлек из портфеля книгу, страниц где-то, эдак, тыщи на полторы и грохнул ее на мой стол. На обложке красовалась надпись: «Лев Леонов. Мои сны». Сразу стало ясно, что после прочтения такого количества снов Льва Леонова помощь мне обязательно понадобится, причем не только коллег по работе. Шеф заметил мой резко потускневший вид.

— Читай через пять страниц, — посоветовал он, — главное, уловить суть, если она там есть, конечно. Две недели тебе хватит?

— Две недели?! — раздался вопль моего разбитого сердца. — Да вы что?! Месяц, не меньше!

— Две недели, больше не могу, номер надо сдавать в набор. Если не справишься, отдай кому-нибудь.

Я посмотрела на редакторшу, продолжавшую сверлить меня взглядом морепродукта, и согласилась.

— А на работу ходить? — крикнула я удаляющейся спине шефа.

— Нет! — спасительным гонгом прозвучал ответ. — Две недели, ни днем больше!

— Какое счастье, — я принялась собирать свои ручки и блокноты. — У кого-нибудь есть пакет с целыми ручками? Мне Льва Леонова сунуть не во что.

Редакторша молча и демонстративно заколотила по клавиатуре единственного в кабинете старенького компьютера, но пакетом я все же разжилась у нашего художника.

Домой неслась, как на крыльях, подумать только, две недели не надо вставать, плестись на работу и целый день страдать от скуки и нереализованных творческих планов в нашей занюханной газете! Наконец-то представилась возможность доказать, на что я способна! Рецензия, подумать только! Их, если мне не изменяет память, пишут всякие профессора да лауреаты, считающие себя, как минимум, в триста раз умнее автора! А тут я! Блесну наконец-то своим умом и талантом, еще как блесну! А если у этого Льва много книг и ему понравится моя рецензия, то я стану его личным рецензентом, брошу работу…

Я так размечталась, что едва не проехала свою станцию метро. Прижимая к сердцу книгу своего самого любимого писателя, я помчалась домой и сразу же позвонила Тае на работу.

— Представляешь, — тяжело задышала я в трубку, — я буду писать рецензию на его сны!

— Чего?

— Шеф дал мне книгу одного очень богатого автора, и я напишу на нее рецензию! Обещали много денег!

— Сколько? — сразу же спросила практичная Тая.

— Много! Очень много! — Я смутно представляла, сколько конкретно «много» в понятии Льва Леонова и шефа, но пребывала в уверенности, что мне хватит. — Если повезет, буду все время для него писать, брошу работу, разбогатею…

— Сто-о-оп! — Тая опустила шлагбаум перед самым носом моего поезда. — Не слишком ли ты торопишься? Ты же никогда не писала рецензий…

— Чего там писать!

— Ты вообще знаешь, как они пишутся?

— Чего там знать!

— Слушай, я приеду к тебе после работы, привезу пару журналов с рецензиями, ты хоть посмотришь, как это делается.

— Идет, но я и без этого бы справилась, с моими-то талантами!

— На всякий случай все же привезу. Все, извини, больше не могу разговаривать, начальница отдела косится.

— До вечера, пока.

Я положила трубку и немножечко потанцевала вальс с Леоновым в объятиях. Нет, все-таки хороший я себе гороскоп составила на эту неделю!

Ближе к обеду решила приступить к прочтению. Первая глава называлась: «Сон первый». В мою душу закрались нехорошие предчувствия. Пролистав, я нашла вторую главу, она называлась: «Сон второй». Нехорошие предчувствия усилились. Я открыла оглавление. Ну да, так и было! Последней главой был сон тысяча девятьсот девяносто девятый. Я тихо застонала, и Лавр немедленно подошел ко мне посочувствовать. Погладив его красивую, все понимающую морду, я устроилась на кровати и стала изучать, что же там наснилось Леве.

После первой главы я поняла, что ему снится такое, чего мне и привидеться не могло. Возможно, после трех бутылок некачественной водки и может присниться, что ты муравей, живешь в лесу и у тебя очень сложные взаимоотношения с главой муравейника, но зачем же об этом всему миру докладывать?!

Во втором сне бедняге мерещилось, что он солдат армии Наполеона… в третьем… в четвертом… в пятом… К шестнадцатому сну у меня пошла кругом голова и я стала сомневаться, смогу ли теперь вообще когда-нибудь заснуть.

Вечером пришла Тая, открыла дверь своим ключом и обнаружила меня лежащей на полу рядом с Лавром. Вместо подставки под книгу я приспособила комнатные тапки. Самочувствие мое было из рук вон, настроение вообще никуда, а мой пес время от времени сочувственно вздыхал и норовил поцеловать меня в макушку.

— Ты чего это на полу валяешься? — поинтересовалась подруга.

— Понимаешь, я уже не могу лежать на кровати, сидеть в кресле, просто не знаю, куда себя приткнуть!

— Что-то мне не нравится лихорадочный блеск твоих глаз, — присмотрелась ко мне Тая. — Ты не заболела?

— Погоди, они еще не так заблестят, когда я дойду до тысяча девятьсот девяносто девятого сна!

— А на каком сейчас?

— На двадцать первом!

— Книга хоть интересная?

— Я согласна всю жизнь прожить в нищете! Всю жизнь!

— Сеночка, ну нельзя же прямо сразу раскисать, рецензентам и критикам еще и не такое читать приходится. Дай-ка посмотреть.

Я с радостью протянула книгу и, кряхтя, поднялась на ноги.

— Ты смотри, а я пойду пока выпью чего-нибудь для укрепления нервной системы.

Пока я лихорадочно распечатывала бутылку мартини, припасенную на какой-нибудь великий праздник, который когда-нибудь должен был случиться в моей жизни, Тая знакомилась с творчеством сонливого автора.

— И мне принеси! — крикнула подруга. — Без бутылки это читать нельзя!

Прихватив бокалы, я вернулась в комнату. Тая сидела на кровати и сосредоточенно вникала в суть произведения.

— Да-а-а… — покачала она головой, — кто бы мог подумать, что у мужика такие серьезные проблемы! А я думала, что меня кошмары по ночам мучают… Кстати, хочешь у тебя ночевать останусь?

— А ты как думаешь? — я подняла на нее взор, затуманенный снами Льва Леонова. — Конечно, хочу. Если бы ты знала, как мне страшно оставаться одной! В темноте!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Чего-то не хватает, — задумчиво сказала Тая, попивая мартини. — Ах да, музыки! Где твоя кофемолка?

— Не оскорбляй мой магнитофон! Вон там, за письменный стол завалился.

Тая спрыгнула с кровати и на четвереньках полезла под стол, квартировавший там Лавр проснулся и недоуменно тявкнул.

— Прости, прости, Лавруша, — бормотала Тая, пытаясь найти магнитофон, — где же он… где же он… зараза! А, вот! Нашла!

Она извлекла его на свет божий и воткнула вилку в розетку. Заиграла медленная, романтичная музыка, которую мой магнитофон, как всегда, принялся озвучивать своими собственными ₽зд охами, шепотами и поскрипываниями.

— Ну, вот теперь другое дело, — Тая вернулась на диван, — за что выпьем?

— А, все равно! За что ни пьешь, все равно ничего никогда не исполняется.

— Вдруг на этот раз повезет? Я хочу выпить за то, чтобы мы были счастливы и чтобы в жизни у нас все получилось.

— А я хочу за свою мечту, за свою собственную, ладно?

— Какую? Разбогатеть?

— Это само собой, я очень хочу разбогатеть, а потом в каком-нибудь ресторане с видом на Капитолий попробовать суп из птичьих гнезд.

— Чего? — растерялась Тая. — Из чего суп?

— Из птичьих гнезд, — вздохнула я.

— Что-то тебя все время на еду тянет, сначала омары, теперь эти гнезда… слушай, ты, вообще, хорошо питаешься?

— Сносно. Понимаешь, одно дело слопать что-нибудь вкусное, а другое — попробовать именно то, что тебе и не снилось. Это не просто еда, это недостижимый символ совсем другой жизни, совсем другой, в которой тебе все доступно, ты можешь все изведать, все испробовать…

Тая неожиданно всхлипнула и заплакала, проливая мартини себе на свитер, следом зарыдала я, чуть позже солидарно завыл Лаврентий.

— Бедные мы с тобой несчастные! — Тая допила все, что не успела пролить. — Почему нам так не везет? Почему мы не родились дочерьми Ротвейлера?!

— Рокфеллера, а не ротвейлера, — всхлипнула я, — из меня бы такая принцесса получилась! Пирожное с кремом, а не принцесса! Как жить-то, а?!

— Не знаю, — глубоко вздохнула Тая и немного успокоилась. — Слушай, надо хорошенько подумать, как разбогатеть честным путем.

— Почему обязательно честным? — Перед моими глазами возник банк, в котором работала подруга. Тая увидела его отражение в моем взгляде и покачала головой.

— Нет, банк мы грабить не станем.

— Почему? Жалко, да?

— Да нет, не жалко, просто не получится.

— У всего мира получается, а у нас не получится? Чем мы хуже?

— Как правило, это заканчивается воем сирены и криками: «Здание окружено, выходите с поднятыми руками!»

— Ну, это уж как повезет, — я вздохнула и посмотрела в окно, — что же делать… что же делать…

— На рецензиях ты уже не хочешь богатеть?

— Да ну, — отмахнулась я, — на них я до птичьих гнезд не дотяну, в крайнем случае, до супа из крабовых палочек. Надо придумать какой-то другой способ, чтоб наверняка…

— Книгу напиши.

— Ага, а потом всю жизнь носиться по издательствам и пытаться ее пристроить! Тебе хорошо, ты в банке работаешь, в любой момент можешь наворовать денег — и за границу! А я в своей несчастной редакции чего наворую?

— Почему обязательно воровать? Можно выйти замуж за миллионера…

— За какого?

— Ну…

— Вот именно.

— Черт возьми! — Тая слезла с кровати и принялась расхаживать по комнате. — Должен же быть какой-то выход!

— Должен, — вздохнула я и потерла отчаянно слипающиеся глаза. — Давай спать, может, приснится?

Тая кивнула.

Всю ночь мне снилось, что я прихожу во сны Льва Леонова то в виде муравья, то в образе Наполеона и каждый раз, с разными угрозами, требую денег…

Утром, когда я проснулась, Таи уже не было, а на тумбочке лежала записка: «Умчалась на работу, позвоню, мысленно богатею».

— Я тоже, — кивнула я записке.

Следом проснулся Лаврентий и стал требовать своей законной прогулки. Я влезла в растоптанные ботинки, натянула древнюю куртку-пуховик, неоднократно покусанную и подранную Лавром во многих местах, взяла мусорное ведро в одну руку, собачий поводок в другую и поплелась на улицу. По утрам меня совершенно не волновало, как я выгляжу, в это время во дворе не было никого, кроме дворняг и котов, а они ко мне уже привыкли.

Оказавшись на свободе, пупсик тут же принялся беситься по полной программе, пришлось быстренько спускать его с поводка, пока он не перевернул меня вместе с ведром. Лавр умчался гонять ворон и голубей, а я осторожно, дабы не растянуться на подмороженной слякоти, направилась к мусорным бакам. Настроение было страх каким паршивым, да еще и похмельным к тому же… Возле баков было сильно подморожено, и я остановилась, высматривая безопасные тропы.

— Девушка, извините, не подскажете, есть здесь телефон поблизости?

Догадавшись, что обращаются ко мне, я обернулась и, потеряв равновесие, едва не грохнулась вместе со своим ведром.

— Осторожнее! — говорил высокий, чуть лысоватый мужчина

приятной наружности, в очень дорогом пальто. Мелкими шажками я отошла от особо опасного участка гололеда и задумалась, вспоминая, где поблизости телефон.

— Понимаете, у меня что-то с машиной, не могу понять что, полночи простоял в каком-то закоулке, и сотовый, как назло, сел, ни позвонить, ни до мастерской доехать, — поделился мужчина.

— Есть телефон, через три двора. Но не знаю, работает или нет, там постоянно кто-то трубки откусывает.

Я заметила, что мужчина как-то излишне пристально меня рассматривает, наверное, думает, что бомжиха и роюсь в мусорке… вон, уже целое ведро насобирала! Я страшно за себя обиделась, отвернулась от обладателя севшего сотового и неработающей машины и с достоинством поползла к бакам с твердой решимостью избавиться от отходов. Проделав это, я спустилась вниз. Мужчина стоял на прежнем месте и продолжал меня рассматривать.

— Через три двора телефон, — сердито буркнула я, изо всех сил сохраняя величие.

По возможности беззаботно помахивая ведром, я отправилась на поиски Лаврентия. Судьба издевалась надо мной в прямом смысле слова — именно сегодня, когда на мне надеты именно эти лохмотья и в руках мусорное ведро, в моем дворе должен был оказаться миллионер, у которого здесь и сейчас сломалась машина… Господи-и-и!

— Девушка, постойте!

Позор мне, позор!

— Девушка, — он догнал меня, — извините, вас случайно не Сеной зовут?

Я в изумлении уставилась на него.

— Да-а-а, а вы откуда знаете?

— Боже мой, Сена! — воскликнул он. — Ну конечно, это ты! Ты меня не узнаешь?

Я совсем растерялась и отрицательно покачала головой.

— Конечно, почти пять лет прошло, ты могла и забыть! Я Леонид, помнишь? Мы познакомились с тобой на море, ты каталась на катамаране, потом перевернулась, а я тебя выловил, помнишь? Мы с тобой полгода потом встречались…

Челюсть моя медленно отвисла. Леонид… это действительно был Леня, только немного полысевший и явно хорошо преуспевший. Роман с ним был самым длинным в моей жизни, всего с тремя серьезными ссорами и всего с двумя моими уходами навсегда.

— Ну, вспомнила? — улыбался он.

Я захлопнула рот и кивнула.

— Надо же! — продолжал радоваться он. — Пять лет прошло — и на тебе, такая встреча! С ума сойти!

«Да уж, — подумала я, — и надо было встретиться именно так!»

— Рада тебя видеть, — выдавила я, протягивая Лене руку с мусорным ведром, потом опомнилась и протянула другую.

— А я-то как! — Он сграбастал меня в охапку и, не обращая внимания на мой собачий тулуп, прижал к себе и расцеловал. — Ты где-то рядом живешь?

— Да, вон в том подъезде. — Все казалось каким-то плохо отредактированным сном… я же должна быть в вечернем платье, на каблуках…

— А у тебя телефон есть?

— Есть.

— Я никому не помешаю, если позвоню от тебя?

— Нет, я одна живу, вернее, с собакой. Пойдем.

Я громко свистнула, подзывая Лаврентия. Сладкий вылетел откуда-то из-за угла и жизнерадостной торпедой помчался ко мне.

— Ого, — удивился Леня, — здоровенный какой! Сколько ему?

— Три года, приобрела по случаю. Его мама принесла одиннадцать щенков, и хозяйка этого богатства, моя знакомая, оборвала телефон, умоляя взять хотя бы одного, пока щеночки не слопали ее вместе со всей мебелью.

— Замечательный пес! Как я рад, что встретил тебя, как рад!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дома я сразу же бросилась в ванную причесываться и краситься.

— Сена! — крикнул Леонид. — Я не могу найти телефон!

— Посмотри на кровати, под подушкой, если там нет, то на кухне.

Вскоре его поиски увенчались успехом.

— Алло, — произнес Леня, и я навострила уши, — это я. Нет, ничего серьезного не случилось, что-то с машиной, не пойму что именно. Пришлите ребят, пусть все сделают, ага. Адрес скажу. На сегодня все встречи отмени, жене скажи, что буду поздно, пусть не волнуется…

Жене! Руки у меня опустились. Какая невезуха, просто ужас! Без особого энтузиазма закончив марафет, я выплелась из ванной. Леонид уже закончил разговор и с интересом рассматривал мою берлогу. Увидев меня, преобразившуюся, Леонид снова заулыбался и сказал:

— Сена, ты ничуть не изменилась! Как я тебя часто вспоминал, если бы ты знала! Сколько жене про тебя рассказывал!

— Когда это ты женился?

— Год назад, когда в Америке жил.

— Ты жил в Америке?

— Ага. Ты о себе расскажи, чем сейчас занимаешься?

— Чем… — я глубоко вздохнула, — чем я могу заниматься? Пишу дрянные статьи для дрянной газеты, а сейчас буду писать дрянную рецензию на дрянную книгу. Вот этим и занимаюсь.

— Я помню, ты писала замечательные стихи и рассказы, продолжаешь?

— Да так, помаленьку. Хочу написать книгу, может, что-то и получится, — пожала я плечами. — Слушай, может, ты чаю или кофе хочешь? К сожалению, у меня больше нет ничего, в магазин еще только собиралась.

— Я сам схожу, ладно? Где тут ближайший?

— У метро супермаркет, но там це-е-ены!

— Сеночка, — он обнял меня за плечи, — у меня есть деньги, я скоро вернусь.

Он выскочил из квартиры, а я поправила прическу и стала наводить порядок в квартире. Подумать только, Леонид! Насколько я помнила, тогда он где-то на кого-то учился и занимался компьютерами. Мы

отлично ладили, он с удивительным терпением выносил все мои выкрутасы и, кажется, даже любил. Я же относилась к нему больше как другу, потому что в рамки принца на белом коне он никак не вписывался, и в один прекрасный день я гордо хлопнула дверью и отправилась на поиски лучшей доли… И вот! Нашла!

Подойдя к окну, я стала обозревать двор, который постепенно заполнялся собачниками и мамами с колясками. Вскоре к подъезду подъехало такси, и из него выбрался Леонид с огромными пакетами. Я еще раз окинула взором свое жилище, все было вполне пристойно. На лестничной площадке послышались шаги, и Лавр лениво потрусил в коридор приветствовать гостя.

— Ли тебе взял, собаченция, — сказал, заходя, Леня, — и тебе подарки есть! Сена, куда все поставить?

— На кухню.

Пока он выгружал на мой маленький кухонный столик невероятные гастрономические изыски, я подпирала собой дверной косяк, пытаясь вспомнить, что же такого великого я совершила за это время? Чем можно сразить Леню наповал? Вспомнить ничего не получалось…

Помимо всякой разной снеди, на столе оказались: две бутылки французского шампанского, большая бутылка мартини, какой-то ликер, весь в орденах и медалях, бутылка тоника и блок ментоловых сигарет «Davidoff». Эти сигареты я пробовала только один раз в жизни, как раз во время нашего с Леней романа… Теперь наши бывшие взаимоотношения рисовались мне такими идеальными светлыми красками, что у меня даже в носу засвербило от злости на саму себя — как, как я могла его бросить?!

— Сена, — вывел меня из транса голос Лени, — ты не могла бы это все нарезать? — он кивнул на ворох продуктов. — У меня в этом отношении руки криво растут. А креветки надо в морозилку убрать, ты все еще любишь креветки?

Он спрашивает, *люблю ли я все еще креветки…* Я молча кивнула и затолкала три пакета в морозилку, переполненную купленными по дешевке костями для собаки. На фоне устрашающих мослов креветки смотрелись слегка ненормально…

Когда стол был накрыт, Леня откупорил шампанское и разлил его по бокалам.

— За эту потрясающую неожиданную встречу! — Он тихонько звякнул своим бокалом о мой. — Безумно рад тебя видеть!

— Я тоже.

Выпили. Сотая доля мечты сбылась — я попробовала настоящее шампанское… мягкое, не шибает в нос пузырьками газированного спирта… Закурив «Davidoff», я закрыла глаза, чтобы не видеть, как неестественно смотрятся роскошные бутылки на фоне моей чудовищной крошечной кухни… До появления этих бутылок кухня выглядела вполне сносно.

— Сена, а где ты сейчас работаешь?

Пришлось открывать глаза и возвращаться в жестокую действительность.

— В газете, язык не поворачивается ее название произнести.

— А все же? — Леня улыбнулся и тоже закурил.

— Ты же раньше не курил, — удивилась я.

— И сейчас не курю, так, балуюсь, — Леня неловко стряхнул пепел в маленькую, со всех сторон обколотую пепельницу в виде ракушки, — я и не пью, так, в крайних случаях. Так, как газета-то называется?

— «Непознанный мир», — скорбно вздохнула я, — мы ее называем «Неопознанный труп». Сколько я там лет корячусь, только сейчас подвернулась возможность хоть какие-то деньги заработать и то… — я в сердцах залпом махнула шампанское.

Леня молча ждал продолжения, и я вывалила все, и про разбитые надежды, которые я возлагала на рецензию, и про жуткую книгу, и про…

— А книга здесь? У тебя?

— Да, где ж ей быть!

— Можно посмотреть?

— Да ради бога!

Я принесла книжный кирпич и грохнула его перед Леней.

— На! Печатают всякий бред собачий, а талантливым людям не протиснуться, не пробиться! Все дырки денежные мешки законопатили!

— И что, эта книга действительно такая ужасная? — Леня, не торопясь, перелистывал страницы.

— Да! Автору надо было заняться чем угодно, только не литературой! Пусть бы выпендривался как-нибудь по-другому, например, пошел бы в певцы! Наша многострадальная шлюшка-эстрада и такое вынесет! Но зачем же в литературу?! В святое!

— Все понятно, — Леня захлопнул книгу, — значит, больше писать не буду.

— Ты-то здесь при чем?

— При всем, — улыбнулся он, — эту книгу я написал.

— Ладно смеяться, — я продолжала кипеть яростью благородной. Тогда Леня раскрыл обложку и поднес титульный лист с фотографией к своему лицу. Я застыла.

— Но… твоя фамилия не Леонов, — жалко пролепетала я, — и зовут тебя не Лев…

— Лев Леонов — мой литературный псевдоним. — Хорошо, что ты мне все популярно расписала, а то ни от кого правды не дождешься, спасибо, Сена.

— Не за что, — буркнула я, не зная, куда себя девать.

— Я серьезно благодарен тебе, хуже было бы, если б я продолжал писать, думая, что у меня есть талант. И меня бы печатали, естественно, исключительно за мои же собственные деньги. Пустая трата времени и сил. А ты ее всю прочитала? — Леня положил злополучную книгу на стол.

— Нет, меня хватило снов на двадцать с небольшим.

— И тебе действительно так сильно не нравится? — в голосе Лени прозвучала едва заметная грустинка, и я чуть было не пошла на попятную.

— Нет, не нравится, — отступать некуда, позади — Москва, — мне это совсем не нравится, ты уж прости.

— Понятно… Да ну и черт с ней! Мне она самому не нравится! Просто хотелось попробовать себя в чем-то совершенно новом, копнуть и сразу же наткнуться на талант, как на горшок с деньгами! — он усмехнулся. — На горшок я, допустим, наткнулся, но он оказался с другим содержимым! Забудем про эту макулатуру.

Он бросил книгу под стол и наполнил бокалы шампанским.

— За тебя, Сеночка, за моего самого искреннего и любимого друга.

Выпили, и от сердца немного отлегло, по крайней мере, пропало стойкое ощущение, что я все гублю и порчу на корню.

За непринужденной беседой и вкусной едой мы быстро прикончили бутылку, и Леня вскрыл вторую. Мое настроение было уже почти на высоте Эйфелевой башни, и я подумала, что помимо свадеб случаются еще и разводы… И тут же устыдилась собственных подленьких планов насчет Лени.

— Эх, — я распечатала вторую пачку сигарет, — а я ведь два месяца как курить бросила! Но, при такой-то жизни и не хочешь — закуришь! Ты только не подумай, что я жалуюсь! Упаси бог! А ты чем занимаешься, Леня?

— У, чем я только не занимаюсь! У меня сеть магазинов

оргтехники, а также небольшая фармацевтическая фирма, занимаемся поставками медикаментов, в основном витаминов из штатов…

— Вам уборщицы не нужны? — мрачно перебила я. — Могу еще ночным сторожем.

Леня помолчал несколько секунд, внимательно глядя на меня, потом произнес:

— Сена, неужели у тебя все так плохо?

— Да… — Ответ получился полузадушенным, потому что я усиленно боролась с подступающими к горлу слезами.

— Почему ты не уйдешь из своей трупной газеты? Ты же талантливый человек, давно нашла бы нормальное место.

— Ага! Самородок без образования! Было бы кому меня протолкнуть, может, и получилось чего, а так… Хоть с голоду не дохну — и то хорошо!

Я ненавидела себя все больше и больше с каждой минутой, с каждым произнесенным словом. Можно было представить, как же осточертели богатому Лене такие жалкие попрошайки вроде меня! Со всех сторон выходило, что мне от него надо денег, работы, всего сразу! А чего ради он должен мне это все предоставлять? Я бы на его месте положила бы на стол пять долларов на опохмел после шампанского, пожелала бы счастья в личной жизни и отправилась домой, к американской жене, чтобы вечерком, за ужином из лобстеров, сказать с улыбкой: «Помнишь, дарлинг, я рассказывал тебе об одной девице с оригинальным именем? Ну, так еще река в Париже называется! Так вот, я ее сегодня встретил! Да, да! Не поверишь, но это так! Пять лет назад я был для нее недостаточно хорош, и она меня бросила. Дарлинг, ты бы видела это жалкое зрелище! Она живет в собачей конуре, ходит в собачьем тулупе, питается собачьими костями…»

— Сена, ты меня слышишь?

Я так глубоко прониклась мною же вымышленным монологом Лени, что совсем отключилась от реального мира.

— Прости, я задумалась, что ты сказал?

— Я уже битый час рассуждаю о том, как же тебе помочь, подбираю различные варианты…

— И как? — В моем желудке всколыхнулась надежда и закачалась на солнечных волнах французского шампанского.

— Хочется найти что-нибудь максимально подходящее, — Леня задумчиво вертел в пальцах пробку от шампанского, — чтобы эта работа была в первую очередь тебе интересна, ну и естественно хорошо оплачивалась.

— Я сплю и вижу сон! Такого просто не может быть! — рассказывать Лене про свое бесконечное нытье на тему нищеты, коему я предавалась в последний месяц, мне почему-то не хотелось.

Зазвонил телефон. Его резкий, истеричный грохот-звон всегда действовал на меня как электрический разряд, но сделать звук потише было невозможно — колесико, отвечавшее за шумовые эффекты давно было сломано. Поэтому от кошмарных звуков, прорезавших лиричную тишину, я так подпрыгнула, что едва не опрокинула стол со всем банкетом. Помчавшись в комнату, я схватила трубку и рявкнула:

— Да.

— Это Влад, — сразу же отрекомендовалась трубка. — Слушай, Сена, что там насчет какой-то рецензии? Все в лихорадке и толком ничего не говорят…

— Какая может быть рецензия! — радостно икнула я, надо же, и не заметила, как напилась! — Есть в жизни вещи поважнее!

— Ты напилась, что ли? С утра?

— Уже день! Да, я пью шампанское с владельцем фармацепти… фармацефти… ческой фирмы! — выдала я слегка заплетающимся языком.

— Сена!

— Влад, успокойся, со мной все нормально, я не сбрендила, просто встретила старого друга, который кое-чего добился в этой жизни, и мы празднуем встречу. Вот и все, никакого криминала.

— А, ну ладно, — успокоился Влад, — Я тогда попозже позвоню, счастливо.

— Пока.

Я повесила трубку и вернулась на кухню. Леонид снова курил, задумчиво глядя в загаженное с уличной стороны окно.

— Кажется, я кое-что придумал, — неторопливо произнес Леня, и мое сердце запрыгало теннисным мячиком.

— Я собираюсь открыть свое собственное небольшое издательство с филиалом в Бруклине, хочу выводить молодых талантливых авторов на зарубежную арену, пусть знают, что у нас есть не только Эдичка Лимонов, а десятки на самом деле одаренных писателей. На сумасшедшую прибыль не рассчитываю, ставить на нераскрученные имена, может быть, и вовсе провально, но я хочу это сделать. При отборе рукописей мне будет трудно полагаться на свой литературный вкус, поэтому положусь на твой. Разумеется, не ты одна будешь этим заниматься, я возьму спецов в детективном, в фантастическом и во многих других жанрах. Люди должны быть объективными и не

боящимися предлагать к публикации ни на что не похожие вещи — возможно, именно они и станут литературным открытием.

Я слушала Леню со священным благоговением, так чудесно, уверенно и гладко лилась его речь, что невозможно было не представить его на каком-нибудь заседании совета директоров…

— … тебе понадобится загранпаспорт, — продолжал Леонид, — в качестве моего помощника будешь ездить за границу. Со временем осмотришься, выберешь себе должность по душе, согласна?

Я почему-то мгновенно стушевалась и заблеяла что-то вроде: «не уверена, что у меня получится… я не знаю… подведу тебя, все напорчу, напортачу, напозо-рю…»

— Прекрати, Сена! — отмахнулся Леня. — Если бы я тебя не знал, ни за что бы не предложил такое дело. Я знаю тебя и твои силы, главное, я тебе доверяю.

Из моих глазонек едва не брызнули сентиментальные благодарственные слезы: все-таки Леня не подачку дает на бедность, а предлагает отличную работу. Уж я развернусь…

— Лень, а я свою книгу могу в твоем издательстве напечатать?

— Рукопись готова? — оживился он.

— Пока нет, — я не стала уточнять, что пока не готов даже замысел.

— Жаль. Как закончишь — пожалуйста, если не в моем издательстве, так в любом другом, я оплачу. Ты талантлива, тебе надо выходить в свет.

И я подтвердила, что свет явно тускнеет без моего присутствия в нем!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ближе к обеду мы с Леней сидели уже в обнимку. Все воспоминания были прокручены по нескольку раз и, в сотый раз попросив у Ленички прощения за то, что вероломно бросила его, я принялась распевать ностальгические песни. Леня добросовестно мне подпевал, даже если не знал ни слов, ни мотива, а Лаврентий сидел в дверном проеме и молча наблюдал за этим концертом. В кухню он заходить опасался.

— Слушай, Сена, — сказал Леонид, когда мы допели очередную песню, — а чего мы дома сидим? Поехали в какой-нибудь ресторан, отметим встречу как следует! Я уже сто лет не отдыхал, не расслаблялся! Поехали, гульнем!

— Поехали! — радостно согласилась я, и добавила: — Только мне не в чем.

— Ерунда, заедем в магазин и купим!

— А Лавра кто выгуливать будет? — Ничто, даже ослепительная перспектива ресторана и обновок не могла заставить меня забыть о любимой собаченции.

— Сейчас уладим, — он принялся что-то усердно искать по карманам. — Ах, да, телефон-то в машине остался… и не работает он… Черт, кажется я в подпитии!

Леня поднялся из-за стола и, слегка покачиваясь, поплыл в комнату.

— Алло, — донеслось оттуда, — позови Гарика. Гарик, слушай внимательно, бери мой «мерс» с шофером и летите ко мне… нет, я не дома, сейчас адрес продиктую… Что надо делать? С собакой будешь гулять! Что «в каком смысле»? В прямом! Записывай адрес!

Чудеса! На мою голову каскадом обрушились чудеса! Неужто мой ангел-хранитель наконец-то протрезвел и решил обо мне позаботиться?! Пока Леня говорил по телефону, я навела ускоренный марафет, извлекла из шкафа любимые и единственные узкие черные джинсы, парадный свитерок и выходные полуботинки на каблуках. Переодевшись, я распустила и расчесала волосы. Довольно длинные, ниже лопаток, они, после многочисленных моих экспериментов, приобрели странный цвет: на солнечном свету волосы были блондинистыми, при комнатном — темно-русыми, а временами, почему-то пепельно-серыми…

Вернулся Леня. Увидев меня, он расцвел в блаженной улыбке:

— Сеночка, какая ты красавица! Я тебе честно скажу, и тогда тебя любил, и сейчас люблю, и от жены этого не скрываю! Жену мою Наоми зовут, так мы с нею еще только-только встречались, я ей все про тебя рассказывал, какая ты замечательная, ни на кого не похожая! Что ты мой самый лучший друг! Она все познакомиться с тобой хотела, а я не знал, где тебя искать! Дай поцелую тебя, дружочек!

Я тоже расчувствовалась, и мы принялись обниматься и лобызать друг друга. Задребезжал дверной звонок. Я отправилась в прихожую и распахнула дверь. На пороге стоял мужчина, как мне показалось, метра три в длину и столько же в ширину.

— Это Гарик, мой телохранитель, — раздался голос Лени. — Гарик, заходи, знакомься, это Сена!

Мое имя Леонид произнес так, будто я была наследной египетской царицей.

— Очень приятно, — проскрипел Гарик жутким голосом.

— А это Лаврентий, — кивнул Леня на моего добродушного пса, насмерть перепуганного таким визитером, — его и надо прогулять… сколько раз прогулять, Сена?

— Два, сейчас и вечером, — наглела я с каждой минутой. — Пес добрый и смирный, хлопот с ним не будет.

— Значит, два, — подтвердил Леня, — и подожди нас здесь, в квартиру всех впускай, никого не выпускай, на столе еда и выпивка, уяснил?

Гарик кивнул челом, с грохотом сбросил ботинки пятьдесят девятого размера и потопал знакомиться с Лавром.

— Все, поехали, — Леня надел свое длинное светло-серое пальто, распахнул дверь и шумно вышел на площадку.

— Леня, — стоя в дверном проеме, я проводила взглядом громадную спину, удалявшуюся в недра моей квартиры, — а он моей собаке ничего плохого не сделает?

— Что ты! Он животных очень любит, не беспокойся.

Мы спустились вниз, вышли из подъезда, и я увидела здоровенную машину глубокого фиолетового цвета.

— Туда, — кивнул Леня в сторону шикарного авто.

Совсем забыв, что на моих ногах парадные ботинки на каблуках, а на улице гололед, я мгновенно поскользнулась, сделала в воздухе сальто-мортале и полетела к подножью этой самой машины. Несмотря на шампанское, реакция Лени оказалась на высоте: он сделал балетный прыжок и успел перехватить меня за секунду до посадки, причем перехватил очень удачно, я лишь слегка треснулась головой о заднюю автомобильную дверцу. Из машины тут же выскочил перепуганный водитель и успел подхватить Леонида, балансировавшего в удивительной позе. И за всем этим кордебалетом, раскрыв рот, наблюдал весь мой змеиный дворик-серпентарий!

— Спасибо, Саша, — поблагодарил Леня, вернувшись в устойчивое положение. Затем он поставил на ноги меня и распахнул дверцу, на которой — слава богу! — не было вмятины от моей чересчур умной головы. Запихнувшись в машину, мы перевели дух.

— Куда едем, Леонид Николаевич? — спросил водитель, оборачиваясь.

— Сейчас решим. Сена, ты какую фирму предпочитаешь?

— Фирму чего? — не поняла я.

— Одежды.

Я очень глубоко задумалась. Даже вспотела от напряжения.

— Ладно, — спас ситуацию Леня, — по ходу пьесы решим. Давай в центр, Саша.

И мы помчались в центр цивилизации. Всю дорогу шофер украдкой косил на меня в зеркальце, видать пытался понять, кем же я довожусь шефу? Не сумев разобраться в ситуации, он закурил. Должно быть от расстройства.

— Стоп! — изрек вдруг Леня. — Вот это должно подойти! — он кивнул на солидный бутик с зеркальными окнами, чинно проплывавший по левую сторону от нас. — Здесь мой друг директор, он подберет все что надо.

Машина остановилась, и Леонид помог мне вылезти наружу. Теперь он поддерживал меня под оба локтя, как инвалида, дабы я не повторила свое блистательное сальто на бис. но только уже на глазах всей улицы.

Как только мы переступили порог зеркального царства, к нам бросились красивые девушки в форменной одежде и один молодой человек.

— Леонид Николаевич! — радостно воскликнул он, полностью игнорируя мою персону. — Какими судьбами?!

— Вот такими, — Леня кивнул в мою сторону. — Аркадий здесь?

— Увы, увы, его сегодня не будет, может, я могу чем-то помочь?

— Вполне. Кстати, познакомься, это Сена, мой старый добрый друг и моя первая любовь.

Владислав уставился на «первую любовь», и в его приторных шоколадных глазах зажглись знаки вопроса. Мне очень хотелось наступить ему на ногу, но я сдержалась.

— Потрясающе! — вынужден был сказать Владислав, ему даже пришлось поцеловать мне руку. Я тщательно вытерла ее о джинсы.

— Надо подобрать что-нибудь, — сказал Леня, — для вечера, для будней, все, что она захочет. У вас есть сейчас что-нибудь приличное?

— О, разумеется! — Теперь в глазах Владислава сверкали восклицательные знаки.

— Действуйте!

Леонид ободряюще мне улыбнулся и направился к большим мягким креслам, туда же неслась девушка с чашкой кофе для Большого Гостя.

Медленно, растягивая эти потрясающие секунды, я направилась к *Одежде.* Это был воистину звездный час моей жизни! Мгновенно растеряв всякие представления о совести и чувстве меры, я принялась сметать с вешалок восхитительные, божественные тряпочки! Всего-

навсего кусочки ткани, а обладают магической силой превращения лягушки с весьма сомнительной внешностью в царевну… с весьма сомнительным будущим…

Обвесившись обновками, я вышла из примерочной кабинки и направилась к Лене. В его лице ничего не дрогнуло, когда Владислав подсчитал сумму. Леонид вынул из портмоне кредитную карточку и с восхитительным мягким щелчком положил ее рядом с кассовым аппаратом.

— Сена, — он обернулся ко мне, — ты будешь переодеваться или передумала?

— А? — Только тут до меня дошло, что в приступе жадности я забыла выбрать самое главное — костюм для ресторана.

— Секунду! — меня как ветром сдуло в сторону брючных костюмов, в такой одежде я всегда чувствовала себя комфортнее всего. Выбрав самый потрясающий, кремовый, и переодевшись, я хотела оставить магазину на память свою старую одежду, но пожадничала… Неужели это я?! Что со мной такое?!

Закончив переодеваться, я выпорхнула из кабинки, а Леонид выпрыгнул из кресла, и бросился ко мне со словами:

— Сена! Ты прекрасна! Ты принцесса!

Весь персонал в трансе таращился на Леню и его «принцессу», никто ничего не мог понять.

Величественно, как два теплохода мы выплыли из магазина и причалили к автомобилю. Загрузившись в салон, Леня сказал:

— В клуб «Корона», Саша!

— Ура! — рявкнула я.

Саша слегка вздрогнул, и мы поехали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В клубе «Корона» нас наверняка запомнили на всю жизнь не только посетители, но и вся обслуга. В своем веселье мы в Леней превзошли самих себя, мы «гуляли» так, будто завтрашнего дня у нас просто не было и быть не могло.

Заключительную часть фиесты я помнила с трудом, кажется, праздник продолжился на какой-то площади, и мы с Леней танцевали под музыку из нашей же машины. Я требовала такого же освещения, как в клубном танцполе, и Саше пришлось покорно мигать фарами, чтобы я, наконец, заткнулась.

Потом мы поехали ко мне домой, дальше мощный провал в памяти. Очнулась я у собственной двери, уткнутой носом в кнопку звонка. Дверь отворилась, и я рухнула в объятия Гарика, следом водитель внес Леню.

— На кухню, — скомандовала я, и нас транспортировали в нужном направлении. Там, к своему безграничному удивлению, я обнаружила Влада. Посмотрев на него пару добрых минут, я сказала Гарику, державшему меня на руках:

— Посадите меня куда-нибудь, пожалуйста.

Он осторожно пристроил меня на табуретку.

— Меня тоже… куда-нибудь… — подал голос Леня.

— Влад, ты что тут делаешь? — поинтересовалась я.

— Сейчас расскажу, — с готовностью откликнулся он, наполняя свой бокал мартини. — Я все-таки решил тебя проведать, приехал, звонил-звонил, начал уже переживать! Потом дверь открылась, и я испугался по-настоящему! Представь, высовывается большая, очень большая рука и затаскивает меня в твою квартиру! И я оказываюсь нос к носу с этим уважаемым господином! К счастью, я быстро объяснил, кто я такой, и мы пришли к взаимопониманию. Мы тут вас объели и обпили, ничего?

— Ничего, — махнула я рукой и потянулась за сигаретой. — Лавра гуляли?

— Гуляли, — синхронно закивали Гарик и Влад, — долго гуляли.

— Молодцы. Теперь отнесите меня, пожалуйста, в комнату.

— И меня, — проснулся на секунду Леня.

Далее снова следовал абсолютный провал в памяти.

Очнулась я оттого, что весь мой организм чудовищно болит. Разлепив накрашенные вчера ресницы, со скрипом посмотрела по сторонам. Как оказалось, я спала сидя на своей кровати, под головой была подушка и смятый пиджак Лени, сам Леня располагался рядом, в позе корявой буквы Z. Напротив, в кресле, дрыхла монументальная фигура Гарика, чуть дальше, на раскладушке, в позе стойкого оловянного солдатика, почивал Влад, а из кухни доносился тихий храп, по всей видимости, принадлежавший истерзанному нашими ночными похождениями водителю Саше. Под письменным столом, как обычно сопел Лавр, во сне он дергал не только лапами, но и хвостом, и даже ушами, видать моей собаке снились кошмары…

Ощущая себя старой рассохшейся табуреткой, я сползла с кровати и потихоньку, чтобы никого не разбудить и чтобы никто не дай бог не увидел меня в таком виде, бросилась в ванную. Я была до того неповторима, что даже не сразу узнала себя в зеркале!

Закончив тщательную реставрацию своего помятого образа, я успокоилась. Проснувшись, Леня не закричит от ужаса, и не убежит вместе со своими слугами из моего дома… я надеялась на это.

В комнате за время моего отсутствия ничего не изменилось, все по-прежнему спали в тех же позах, почему-то у всех был чрезвычайно торжественный вид… Лаврентий приоткрыл один глаз, посмотрел на меня и снова его закрыл. Рядом с его мордой стояла початая бутылка шампанского, которую я сразу и не заметила. Только я потянула к ней свои похмельные ручонки, как мой пес раскрыл оба глаза и зарычал! Дожилась! Собственный пес для хозяйки шампанского пожалел!

— Ну и гад же ты! — прошептала я и взяла бутылку.

После пары глотков состояние значительно улучшилось, я вернулась на кровать и подумала о том, что Тая пропускает все самое интересное… Тут проснулся Леня. С тихим стоном он приоткрыл глаза и уставился на мой слегка облупившийся потолок.

— Леня! — неуместно бодро сказала я, — доброе утро! Ты находишь в гостях у Сены!

Как я боялась, что он сейчас подымется, вяло попрощается и уйдет!

— Я помню, — безжизненно прошептал Леонид. Он с трудом приподнялся и разогнулся. — Гарик!

Гарик, подобно Вию, медленно поднял тяжелые веки.

— Гарик, принеси минеральной воды, шипучего аспирину, таблеток от похмелья и чего-нибудь пожевать солененького, рыбки там или огурчиков…

— И пива, — внезапно изрек Влад, не открывая глаз.

Леня согласно кивнул и трясущейся рукой ослабил узел галстука, который висел у него где-то на левом ухе.

— Угу, — Гарик каким-то образом синтезировал из воздуха целлофановый пакет, и проскрипел: — Я собаку возьму? Прогуляю заодно.

— Конечно, — с готовностью согласилась я; в это утро прогулка с пупсиком рисовалась чем-то особенно страшным и мучительным, наверное, я бы скончалась на последней лестничной ступеньке, прямо перед подъездной дверью.

Гарик с Лаврентием ушли, а Леня попытался принять вертикальное положение, и я ему заботливо помогла.

— Боже, Сена! Как мне плохо! — простонал он. — Как плохо! Так плохо мне было только три раза в жизни!

— Серьезно? — изумилась я. — Ты напивался только три раза в жизни?!

— Теперь четыре…

Мне стало стыдно за то, что я бессовестным образом распиваю шампанское прямо из горла… Но здоровье решительно требовало поправки!

Вскоре вернулись Гарик и Лавр. Для не подающего признаков жизни Влада было принесено пиво с сушеной таранкой, для Лени таблетки, минералка и огурцы. Леонид принял пригоршню лекарства, и вскоре его взгляд немного прояснился.

— Сена, дай мне телефон, — попросил он.

— Он у тебя под головой.

— Да? — Леня вытащил аппарат и набрал какой-то номер. Сначала он довольно долго говорил по-английски, как я поняла — общался с женой. По тому, как мирно текла беседа, я сделала вывод, что его Наоми не имеет ничего общего с нашими, истеричными отечественными женами. Никаких: «где ты шлялся всю ночь, кобель проклятый?!» Ничего, кроме спокойной, обтекаемой, как морские камешки, приятной английской речи.

Затем Леня набрал другой номер и произнес:

— Шульц? Да, я. Слушай, мне надо срочно отремонтировать квартиру… нет, не мою, моей подруги… однокомнатная… да, в плохом состоянии, — Леня обвел взглядом интерьер, и добавил: — в очень плохом… Мебель? Не знаю, сейчас спрошу… Сена, тебе новая мебель нужна?

— Нужна! Нужна! — быстро закивала я похмельной головой.

— Ага, нужна… не знаю, какая, привези каталог, пусть сама

выберет. Ага… всего доброго.

Повесив трубку, ангел-хранитель в облике Лени потянулся за минералкой.

— Чтобы тебе не мешали рабочие, поживешь у меня на даче. — Напившись водицы, Леня вновь ушел в горизонталку. — Согласна?

— А дача отапливается? Удобства есть? Магазин рядом?

— Да, — ответил Леня на все сразу.

— Можно я подругу возьму?

— Да.

— А друга? — подал голос по-прежнему безжизненный Влад. По его малопьющему организму буржуйские напитки тоже не проехались бесследно.

— Да, — сказал Леня и, обессилев после такого количества слов, без сил упал на подушку. Я выковыряла из-под его головы телефон и набрала номер Таи. На дворе царил выходной, значит, она должна была быть дома…

— Алло.

— Тая? Это я!

— Уж узнала, — зевнула подруга, — чего в такую рань?

— Ты не представляешь, какие у меня новости!

Протяжный громкий зевок.

— У меня просто потрясающие новости!

— Ну?!

— Скоро я буду совладелицей частного издательства и уеду жить в Бруклин… или Бостон, сейчас точно не помню!

— Ты бредишь, что ли?

Опять зевок.

— У меня тут такие дела творятся, а ты ничего не знаешь! У тебя отпуск когда?

— В августе, а что? — подруга мгновенно насторожилась.

— Можешь взять сейчас за свой счет, а?

— Зачем?

— Не телефонный разговор! Приезжай ко мне, все подробно объясню!

И прежде чем Тая начала сопротивляться и говорить, что имеет право выспаться один раз в неделю, я повесила трубку и пристроила аппарат обратно под голову Лени. Проснулся водитель Саша и на пару с Гариком принялся заботиться о своем несчастном шефе и его престранных друзьях. Они поставили чайник, вытащили на середину мой письменный стол, деликатно застелили его газетками, чтобы не

дай бог не повредить остатки полировки, нарезали тонкими ломтиками все, что не успели съесть вчера, и даже помыли посуду! Все было в ажуре, мешала только раскладушка с Владом, из-за нее нельзя было подступиться к столу. Этот вопрос решили быстро, раскладушку с ценным грузом отнесли в коридор, поставили рядом бутылку пива и оставили моего друга в покое. Все это время мыс Леней, как два полуразрушенных памятника молча сидели на кровати и за всем этим делом наблюдали. Когда стол был сервирован, Гарик и Саша осторожно, будто смертельно больных, взяли нас с Леней под белы рученьки, усадили за стол и поставили перед нами тарелки.

— Что-нибудь еще надо? — спросил Саша, нерешительно глядя на Леонида, скорее всего, в таком состоянии он видел свое начальство впервые.

— Да, — медленно кивнул Леня, — отмени все встречи и на сегодня.

— А бизнес твой не пострадает? — Я теперь была лицом заинтересованным!

— Не пострадает. Сена, если я выпью пива, мне станет лучше?

— Да.

— А если вы, шеф, выпьете водки, вам станет совсем хорошо, — поделился богатым жизненным опытом Гарик.

Леню всего страшно перекосило от этих слов, и он потянулся за пивом.

Через полчаса из коридора приполз Влад, а чуть позже подоспела Тая. Она внимательно осмотрела компанию зеленых призраков с потусторонними взглядами и поинтересовалась на повышенных тонах:

— Сена! Кто эти люди?!

— Это я, — начала я свой рассказ, — это Влад, мой собеседник… собутыльник… нет! Сослуживец, вот! Это Леня, мой друг пятилетней давности, это Гарик, телохранитель Лени, а это Саша — водитель. Тоже Ленин.

— Все понятно. — Тая присела на край смятой кровати, не снимая шубы. — Что ты там бредила насчет отпуска?

В дверь позвонили.

— Я посмотрю, — отверз уста Гарик и двинул в коридор. Тая проводила его взглядом и посмотрела на меня.

— Сена…

— Все в порядке, я тебе сейчас все объясню.

Вернулся груженный коробками и свертками Гарик.

— Говорят, из магазина…

— Да, это моя одежда, положи вон туда, в угол, — я подлила Лене еще пива. — Леничка, когда мы поедем к тебе на дачу? Я хочу грибы пособирать!

— Грибов нет, — недобрым голосом произнесла Тая.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что снег на улице лежит!

— Как жаль! Так хотелось грибы пособирать! Леня, ты организуешь грибы?

— Организую, — ответил он, не открывая глаз.

— Надо звонить в психиатричку, — процедила Тая.

— Не надо, мы нормальные!

— Я так не думаю!

— Тая, — пробулькал пивом Влад, — я сейчас сам все расскажу. Если честно, я сначала испугался, когда вылетела рука и втащила меня в квартиру…

Ближе к полудню, общими усилиями, мы все-таки смогли связно объяснить, что к чему. Леня ожил и перестал напоминать зеленушного покойника в мятом галстуке. Он довольно бодро поведал моей подруге захватывающие подробности нашего знакомства и вчерашней встречи. Слушая его плавную, умную речь, Тая успокоилась и начала улыбаться.

Когда Леня пришел в себя окончательно, его снова потянуло на подвиги. Он сообщил, что на дачу мы едем прямо сейчас. Оставив Влада с Гариком дожидаться мастеров, мы спустились вниз, сели в машину и поехали. На половине пути Леня вспомнил, что забыл у меня свой пиджак, в кармане которого осталась записная книжка с какими-то жутко важными телефонами. Пришлось возвращаться… Всегда говорила, что это плохая примета!

Забрав пиджак, мы отправились в путь со второй попытки. Всю дорогу Тая присматривалась к окрестностям, наверняка боялась, что нас завезут в какую-нибудь глухомань, расчленят, как я своего омара-лобстера, и съедят. Мне на окрестности было чихать, я дремала на помятом Ленином плече.

Когда машина остановилась, Леонид сказал:

— Все, приехали.

Я подняла свой заспанный лик и посмотрела в лобовое стекло. Прямо перед нами высился Кельнский Кафедральный собор, обнесенный литым забором. За забором виднелись сосны, голубые ели и огромная спутниковая антенна.

— Это ваша дача? — вежливо уточнила Тая.

— Да, — кивнул Леня, открывая дверцу машины.

— Простите, а можно телефон на минуточку? Мне надо позвонить…

— Кому это? — заподозрила я подругу в желании настучать в налоговую полицию.

— Хочу позвонить домой своей начальнице и сказать, что с понедельника беру отпуск за свой счет!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пока мы с Таей, раскрыв рты рассматривали внутреннее убранство Лениной дачи, он попил водички, подумал и сказал:

— Нет, в офис все-таки съездить надо. Вернусь или сегодня вечером… нет, скорее завтра к обеду. В доме есть все, что надо, но вот, на всякий случай, все мои и Сашины телефоны. Сена, не знаю, сколько рабочие будут возиться с твоей квартирой…

— Ничего, пусть не торопятся, — я вертела в руках пять пультов дистанционного управления, пытаясь разобраться, что от чего.

— Завтра придет домработница, пожилая такая женщина, ее впустите, больше никому не открывайте. Если что — звоните. Все понятно?

— Ага, — рассеянно кивнули мы с Таей, глядя по сторонам.

Леню мы проводили до ворот, помахали ручками, и Тая задумчиво сказала, глядя на голубую ель, растущую у ограды:

— Не верю!

— Я сначала тоже не верила, а потом понемногу привыкла…

— Не могу поверить, что ты могла бросить такого мужчину!

— Понимаешь… тогда он был какой-то… блеклый, скучный, бесперспективный…

— Дура ты Сена! — карие глаза Таи метали коричневые искры. — Блеклый! Скучный! Проворонила ты свое счастье, Нафаня! Он умный, симпатичный, добрый, чуткий, внимательный, заботливый! И это все при таком-то богатстве! Такого просто не бывает! Только такая безмозглая…

— Ну, давай, избей меня ногами по лицу! — огрызнулась я. — Что поделать, если я всегда действую под влиянием порывов! Тогда у меня порыв был такой!

Тая еще раз обозвала меня дурой, и мы отправилась в дом. Осматривая свои новые, к сожалению, временные владения, мы, как две Маняши из дикого края, носились по этажам и распевали:

«Девушкам из высшего общества трудно избежать одиночества», потом подустали, спустились на первый этаж, включили телевизор и развалились на кожаном диване.

— Да-а-а, — Тая смотрела не в экран, а в громадное зеркало напротив, — нравится мне все это, нравится! И я себе в этом интерьере нравлюсь!

Цвет волос Тая меняла так же регулярно, как и прически, но в последнее время она немного угомонилась и стала брюнеткой с красным отливом. Высокого роста, с хорошей фигурой, она постоянно сидела на каких-нибудь диетах, не желая понимать очевидного: у нее просто широкие кости, а они худеть не будут, даже если совсем есть перестанет.

— Согласна я с тобой, Сена, целиком и полностью, — вздохнула она, — надо богатеть, надо. Пускай мужики сколько угодно распевают о том, что женщина должна быть абсолютно нематериальна, что должна она думать только о любви, о том, как ему, мужику, жизнь сделать сказкой, и все! Все это чухня. Без денег — никуда не сунешься. Когда каждый день думаешь, у кого на килограмм картошки занять, ничего не захочешь, — ни любви, ни романтики, ни вообще никакой жизни.

— Что ты мне рассказываешь, — вздохнула я, — сама так живу. Но, надеюсь, мои страшные и суровые будни позади, сейчас напишу книгу… Кстати, ты будешь моим соавтором. Ты в курсе?

— Пока нет, — усмехнулась подруга. — Каким таким соавтором, если я не умею книг писать?

— А ты никому не говори об этом! Половина писателей не умеет, а пишут же! И издаются как миленькие! Ты подожди, мы с тобой еще заживем!

— С одной-то книги?

— Почему с одной? Мы много напишем! Пойдем чего-нибудь перекусим?

На кухне, потрясшей наши меркантильные души мебелью, невиданной техникой, белой видеодвойкой и холодильником с зимним пейзажем во всю дверь, мы освоились быстро, к хорошему вообще мгновенно привыкаешь, что тут говорить! Соорудив обед из разогретой в микроволновке пиццы, копченой курицы и китайского салата, мы принялись пировать. Снег наконец-то прекратился, сквозь низкие бородатые тучи проклюнулось неуверенное мартовское солнышко, и на душе стало светло и спокойно…

— Слушай, Сена, — Тая запила китайский салат ананасовым

соком, — а какая у Лени фамилия?

— Смешная. — Я раздумывала, курить на этой великолепной кухне или не стоит. — И довольно нелепая — Кишлаков.

— Да, действительно, — хмыкнула подруга.

Послышался звук подъехавшей машины.

— Леня, что ли, вернулся? — удивилась я. — Рано же еще…

Внезапно раздался грохот: кто-то что есть силы колотил в железные ворота.

— Это явно не Леня, — мгновенно перепугалась Тая, — и не пожилая домработница!

— А кто тогда? — Аппетит пропал напрочь, и почему-то очень захотелось домой, к Лаврентию. Мы напряженно уставились в окно и увидели, как через забор, один за другим перемахнули два внушительных паренька в куртках одного фасона и с лицами примерно одного покроя.

— Воры? — предположила Тая, отпрыгивая от окна в глубь кухни.

— Нет, — я сделала то же самое, — зачем им шуметь на всю округу? Что-то мне не по себе…

Молодые люди тем временем уверенно пересекли газон и скрылись из вида. Через секунду молодецкие кулаки забарабанили в дверь.

— Бежим наверх, — беззвучно, почти мысленно прошептала Тая, и мы, сорвавшись с места, понеслись наверх. На втором этаже мы бесцельно заметались, не зная, куда деваться.

— В спальню! — прошипела Тая, и мы ворвались в уютное романтическое гнездышко Лени и его американской Наоми. Я собралась было лезть под кровать, но подруга решительным пинком направила меня к платяному шкафу с зеркальными дверями. Запрыгнув внутрь и по возможности плотно закрыв за собою дверцы, мы замерли, сделав вид, что мы просто одежда, или даже обувь, на худой конец — скелеты в шкафу. От висевших на вешалках платьев и пеньюаров приятно пахло ненавязчивыми, терпковатыми духами, и я, несмотря на страх, подумала, что у Лениной жены отличный вкус, незнакомая Наоми нравилась мне все больше и больше… И тут послышались шаги. Мы с Таей перестали дышать и даже закрыли глаза, чтобы они не светились в темноте и не выдали нас.

— Не понял, — произнес чей-то голос, — он же ехал сюда, мы ж видели! Еще с девками ехал! Куда он делся?!

— А я знаю? — ответил кто-то простуженный и чихнул. — Надо дом обыскать.

— Видел, какой свинарник на кухне? Тут кто-то есть!

Устроительницы свинарника несколько раз умерли от инфаркта, инсульта и апоплексического удара. Тая наступила мне сразу на обе ноги — видимо, это было прощальным рукопожатием — и приготовилась упасть в обморок, если незваные гости полезут в шкаф. Незнакомцы топтались в опасной близости от нас, а простуженный все время чихал.

— Черт возьми! — возмутился первый, — чихай свои сопли в платок! Платком пятак закрывай, заразишься еще от тебя! Грипп кругом, еще ты тут!

— Я же не виноват! — прогнусавил простуженный. — Давай дом осмотрим.

Они вышли из спальни, а мы с Таей перевели дух.

— Может, сюда не заглянут? — прошептала подруга.

— Не знаю… — От страха мне было холодно и плохо, а в голове скакали десятки, сотни мыслей, но одна доминировала: надо прыгать в окно, сигать через забор и уходить огородами. Поделиться своими соображениями я не успела: вторженцы вернулись и первым делом полезли в шкаф. Пару секунд мы смотрели друг на друга, потом невысокий плотный паренек громко чихнул, и это всех вывело из столбняка.

— O, may God! — почему-то по-английски произнесла Тая, видимо, от ужаса позабыв родную речь. Парень повыше мгновенно расплылся в улыбке, показывая широкие крепкие зубы.

— Кто это у нас тут? — Он разглядывал зеленую от ужаса Таю. — Уж не супруга ли Леонида Николаевича? Как вас зовут, девушка?

— Наоми, — неизвестно почему брякнула я. На меня никто не обратил внимания, парни были полностью поглощены созерцанием моей подруги.

— Мадам Кишлакова, — высокий протянул Тае руку, — прошу вас.

Тая медленно, как во сне, выпала из шкафа, мне пришлось сделать то же самое, хотя меня никто и не просил.

— Дамы, вам придется поехать с нами, — высокий выглядел таким счастливым, — не беспокойтесь, с вами ничего не случится.

Я не беспокоилась, я впала в какой-то тихий, романтический ступор, а Тая просто таращила круглые блестящие глаза и, по всей видимости, ничего не соображала. Все произошло так быстро, что наши раскисшие от чужого богатства мозги, просто отказывались переключаться и работать в новом направлении.

Нас вывели из дома, и за воротами мы увидели старую,

раздолбанную «Волгу», чему я не могла не удивиться, с каким-то полусонным дядькой за рулем. Высокий усадил нас на заднее сиденье и пихнул мне под бок своего соплистого приятеля. Меня это очень огорчило, потому что любую грипозную инфекцию я подхватывала налету, даже если пролетала она очень далеко от моего носа.

— А тебя как зовут? — спросил высокий, поворачиваясь к нам лицом. Машина уже отъехала, прыгая по проселочной дороге с легкостью старой, больной жабы.

— Сена, — буркнула я, приготовившись в сотый раз рассказывать историю своего имени.

— Сеня? — удивленно переспросил он. — Семен, что ли?

— Последняя буква «а»! Такая река в Париже есть! Мои родители там познакомились!!!

— А… — Он кивнул и отвернулся, видимо, информация требовала осмысления. Минут через пять вопросы возобновились. Теперь ему надо было выяснить, кто я такая и что делала в доме Кишлаковых, в стенном шкафу. Врать у меня всегда получалось превосходно, иначе меня бы не взяли в нашу газету. Сообщив, что я подруга и переводчица Наоми (то бишь Тайки), временно гощу у нее, а сама-то я, лично, из Бостона… А также, войдя во вкус, поинтересовалась, почему, на каком основании и куда нас, собственно, везут?! Высокий (как выяснилось, у него оказалось вполне мирное имя Сережа) охотно и дружелюбно сообщил, что у их «начальства» с Леонидом давние и мучительные разногласия, поэтому похищение его драгоценной супруги видится им самым оптимальным выходом из ситуации. Больше ничего не сказал, как я ни пыталась выведать. А потом нам завязали глаза и, оказавшись в темноте, я почему-то уснула.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Проснулась я оттого, что меня весьма энергично трясут за плечо. Раскрыв глаза и с недоумением глядя на Сергея, я никак не могла сообразить, где я и что происходит. Тая снова повторила:

— O my God, — но теперь это прозвучало тихо и обреченно. И я все вспомнила.

Мы находились перед небольшим аккуратным одноэтажным деревянным домиком, очень милым и таким же мирным, как имя Сергей. Полусонный водитель пару раз просигналил, из домика вышел приятный пожилой господин с роскошной седой шевелюрой — вылитый доктор наук или профессор МГУ. Сергей выскочил из машины, подбежал к «профессору» и принялся докладывать о проделанной работе, время от времени кивая в нашу сторону. Тая сидела истуканом, мне хотелось курить и почему-то было совсем не страшно, а сидевший рядом грипозник деликатно чихал в кулак и вытирал ладонь о сиденье так, чтобы не заметил шофер.

Сергей с «профессором» подошли к нам, «профессор» наклонился и уставился в открытое окно на нас с Таей.

— Которая? — голос у «профессора» оказался сухим и надломленным.

— Вон та, черненькая, — с готовностью пояснил Сергей, — это жена Кишлакова.

— Да что ты говоришь?! — неожиданно взвизгнул «профессор», и мы с Таей непроизвольно вздрогнули. — И с чего ж ты это взял?!

— Она… они сказали, — растерялся Сергей. — И она… это по-английски… Аристарх Аверья…

— Она недостаточно черненькая!

— В каком смы…

— Наоми негритянка, бестолочь!

— Наоми Кемпбелл, что ли? — сипло поинтересовался простуженный.

— Не одну Кемпбелл в Америке зовут Наоми! — уголки губ «профессора» быстро дергались, как при нервном тике, теперь он совсем не смахивал на доктора наук. Мне сделалось не по себе.

— Жена Кишлакова — негритянка!!!

— Как… негри… — Сергей был так потрясен этим фактом, что

выражал свое изумление всеми частями тела: переступал с ноги на ногу, разводил руками, качал головой. Неизвестно, был ли он расистом, скорее всего, просто не понимал, как какой-то российский тип с фамилией Кишлаков мог отхватить себе негритянку.

— А вот так! Где вы раскопали этих дур?!

Сопливый решил, что сидеть в машине больше не имеет смысла, выбрался наружу, присоединился к Сергею, и они быстро рассказали, где конкретно нас раскопали. Когда они закончили, пару длиннющих секунд Аристарх Аверья… молча смотрел на нас с Таей побелевшими глазами, мы же, неизвестно зачем, хранили важный вид оскорбленных в лучших чувствах людей.

— И что мне теперь с ними делать? — скорее выплюнул, чем произнес «профессор». — А?

Сережа с сопливым предпочли промолчать.

— Что вы делали в доме Кишлакова? — наконец догадался спросить Аристарх Аверья… — И выйдите из машины!

Мы нехотя подчинились. «Профессор» повторил свой вопрос.

— Мы его подруги, — ответила я, Тая продолжала молчать и выглядеть коматозницей. Везет же человеку, чуть что случается, сразу же отрубается, как робот Вертер, и всю каку приходится мне разгребать!

— Что, обе? — Аристарх Аверья… ощупывал нас своими цепкими глазками. — Любовницы?

Тая издала какой-то тихий глубинный звук, и это расценили как согласие.

— Неплохо устроился, — зло хмыкнул «профессор», — проводите-ка их в дом, мальчики.

С Сергеем и сопливым произошли разительные перемены, куда-то подевалась вся их воспитанность и почтительность по отношению к гражданкам другой страны, они мгновенно превратились в хамов, писающих в подъездах и собирающих дань с продавцов вьетнамских рынков. Унизительно толкаясь в спины, они «проводили» нас, сопровождая еще и ругательствами.

Внутренний интерьер дома мы не успели рассмотреть, нас пихнули к лестнице ведущей наверх. Поднявшись по узким, матерно скрипящим ступенькам, мы оказались в небольшом помещении с низким потолком, круглым окошком с толстой фигурной решеткой, с некрашеным дощатым полом и охапками сена по углам. С потолочных балок свисали сухие березовые веники и пучки трав.

— И если отсюда раздастся хоть один звук… — многозначительно

произнес Сергей с лестницы и закрыл за нами дверь.

— Шарман… — вздохнула я, разглядывая веники.

— А все ты! — внезапно ожила Тая. — Ты и твой дружок-бандит!

— Ты чего это? — удивилась я и на всякий случай отошла от подруги на пару шагов. — Какой дружок-бандит?

— Леня, вот какой! Ты балда, он — бандит, и я еще с вами связалась! Теперь подохну тут, на чердаке!

— Не забывай, что ты здесь не одна! — я рассердилась и обиделась. — Я тоже тут подохну! А Леня не бандит, он жертва! Они что-то хотят с него поиметь…

— Ну да! А на какие шиши он все свои фирмы организовал, он тебе не рассказывал? Клад нашел или наследство получил?!

— Тая! Прекрати! Какая теперь разница, где и как?! Не об этом сейчас думать надо!!!

Я подошла к окну и увидела, что выходит оно на лесную чащобу, а внизу, под окошком большая облезлая полянка, которая к концу весны обещалась превратиться в очаровательный газончик. Газончик от чащобы был отгорожен высоким литым забором. Потрогав решетку и убедившись, что стоит она намертво, я пригорюнилась, отвернулась от окна, я увидела, что Тая сидит на куче соломы в углу и сердито молчит. Внезапно на лестнице раздались шаги, дверь приоткрылась, и на пороге возник сопливый с целлофановым пакетом в одной руке и железным ведром в другой.

— Это вам еда и туалет, — гнусаво сообщил он.

— А сколько мы тут будем сидеть?! — выкрикнула подруга.

— Не знаю, — он поставил свои дары на пол и удалился.

— И выйдем ли мы вообще отсюда? — запоздалым эхом прозвучала я, обращаясь к глухой двери.

— Есть там что-нибудь попить? — Тая хмуро кивнула в сторону пакета. Чувствуя себя бесконечно виноватой перед подругой, я покорно заглянула туда и вытащила маленькую пластмассовую бутылочку «Тархуна».

— И все?! Больше ничего нет?!

— Нет… — Моя вина стала размером с планету Земля.

— Мы подохнем тут от жажды!!!

Меня же пугало другое. Скоро ночь, на чердаке обязательно активизируются мыши-крысы и прочая гадость, которая выживет даже после атомного взрыва… Но и это пустяки в сравнении с бандитской страстью избавляться от нежелательных свидетелей под покровом темноты. А мы, мало того что были нежелательными, так еще и

совершенно никчемными единицами *их* общества.

— О чем ты думаешь, Сена? — голос Таи предательски дрогнул. Как обычно настроены мы с ней были на одну волну, поэтому думали примерно об одном и том же.

— Надо выбираться отсюда, — подруга вскочила с кучи соломы и принялась мерить шагами небольшое чердачное пространство, — я не хочу такой глупой смерти! Мы тут вообще ни при чем, и почему мы должны…

Она споткнулась о какой-то сучок и едва не загремела на пол. Сучок отлетел в сторону, и в полу открылась небольшая дырочка, как раз размером с мой глаз… Опустившись на колени, я и приникла к ней глазом, ощущая щекой занозистую шероховатость деревянного пола. Прямо под нами была просторная, насколько позволял судить обзор, отлично обставленная гостиная комната. Весело потрескивали поленья в небольшом камине; в кресле, вытянув к огню ноги в клетчатых тапках, сидел Аристарх Аверья… и потягивал винцо из бокала. Просто сказка, а не жизнь! Как противно смотреть, когда кто-то живет в твоей собственной мечте! Дырка в полу имела хорошее стратегическое расположение, и, если хорошенько изловчиться, я вполне могла бы плюнуть на благообразную «профессорскую» седину!

— Дай и мне посмотреть, — прошептала Тая, ползая на коленях рядом со мной. Я нехотя отстранилась. Подруга припала к «глазку» и замерла. Заскучав, я принялась обследовать чердак в надежде найти еще что-нибудь полезное, что могло бы «изменить нашу жизнь к лучшему». Кроме ящика с инструментами, в дальнем углу ничего найти не удалось.

Между тем, в гостиной что-то начало происходить, я поняла это по участившемуся дыханию подруги и по тому, что она улеглась на пол, буквально засунув свой глаз в дырку.

— Что там такое? — я присела рядом с Таей на корточки.

— Кто-то приехал… и эти двое там…

— Дай глянуть!

— Подожди ты!

— Тая, имей совесть!

— У-у-у! — она чуть-чуть отодвинула голову.

Внизу, за столом, сидел «профессор», Сережа с чихающим, и еще какой-то мужчина, видна была только его макушка с аккуратно причесанными черными жесткими волосами.

— Аристарх, мы должны немедленно найти Шуру, — негромко произнес незнакомец глуховатым баритоном, — это единственная

«кнопка» Бенедиктова, на которую можно надавить, а давить на нее не должны, сам понимаешь. Все силы надо приложить и найти.

— Есть какие-нибудь зацепки?

— Только то, что это дело рук Боровика, а на него мы можем выйти только через Кишлакова. У Боровика нет никого, а у Кишлакова — жена, и где она до сих пор?

— Тенгиз, — из губ Аристарха вместо слов сочилось лампадное масло, — пойми, небольшая накладка вышла, ну потерпи еще денек.

— Денек. Потом еще денек. — Тенгиз не повышал голоса, но было ясно — он сердится. — Что-то крутишь ты, Аристарх, ох и крутишь! Не будь ты придворным алхимиком, давно бы потряс тебя на вшивость!

— Тенгиз! Побойся Бога! Зачем мне, старому человеку…

— А ты случайно не знаешь, кто о Шурином похищении прессе разболтал?

— Да откуда же мне знать?! — совсем по-бабьи взвизгнул Аристарх. — А ты никак меня, старого аптекаря, в чем-то подозреваешь? Ну, так и скажи, мол обвиняю вас, Аристарх Аверьянович, во всех грехах смертных! Ты скажи…

— Это точно, что они близкие родственники? — Тенгизу, видимо, не улыбалось слушать квохтанье Аристарха.

— Кто? — не сразу переключился разобиженный «профессор».

— Боровик с Кишлаковым.

— Братья двоюродные!

Тенгиз помолчал немного, потом пригубил коньячок из широкого прозрачного бокала. Я украдкой вздохнула, кому бы сейчас не помешал бы такой бокальчик, да еще с сигареткой, так это нам с Таей.

— Это правда, что у Боровика где-то есть своя собственная тюрьма? — лениво поинтересовался Тенгиз.

От этой новости я чуть было не присвистнула. Вот уж не знала, что у Лени есть брат, пусть и двоюродный, с собственной тюрьмой!

— Возможно, — Аристарх схватил со стола сигаретную пачку, отчего мне курить хотелось все сильнее и сильнее, — даже, скорее всего. Иначе, где бы он мог прятать Шуру?

— И ты не знаешь, где эта тюрьма?

— Тенгиз, да ты в своем уме? — голос старика даже сел от возмущения. — Откуда же мне знать?!

— Ну-ну… — неопределенно промычал Тенгиз. — Боровик опасная гадина, — речь Тенгиза текла так сонно и неторопливо, что казалось, он говорит сам с собой в пустой комнате. — Правду говорят,

что он из мормонов?

— Не знаю, врать не буду, но то, что он криминальный авторитет, каких поискать — не найдешь, это верно, — охотно зачастил Аристарх. — Если он подомнет под себя Бенедиктова, то может хоть завтра в президенты баллотироваться — денег, сил и наглости хватит.

Я так заслушалась беседой, что не заметила, как Тая толкает меня в бок.

— Может, дашь мне посмотреть?! — рассерженной кошкой прошипела она.

Я безропотно уступила ей место. Отойдя к окну, я уселась на тонко пахнущую сосной и прошлогодним солнцем широкую балку и стала смотреть на медленно гаснущее небо. Я всегда успокаивалась и лучше соображала, глядя на умиротворенную природу… Однако сейчас природа выглядела продрогшей голой сиротой, что настроения не улучшало. У Лени, моего доброго старого приятеля Лени, есть брат бандит с собственной тюрьмой, и там, скорее всего, держат какую-то или какого-то Шуру… как все грустно, как все запущено…

Вернувшись к Тае, я потребовала уступить мне место и заглянула в гостиную. Народ ужинал. При виде роскошных отбивных с жареной картошкой, салатов и блюда с горой хрустящих французских булок в центре стола мне стало дурно. Отвалившись от «наблюдательного пункта» я увидела Таю, лихорадочно копающуюся в пакете с нашей провизией, видать, ее это зрелище тоже не оставило равнодушной. Наша трапеза была скромна до отвращения: половина довольно черствого батона, жирный, скользкий кусок вареной колбасы и какой-то непонятный салат в пластиковой чашке — такие продаются во всех круглосуточных магазинчиках. По очереди откусывая колбасу, отламывая хлеб, мы молча жевали, запивая эту роскошь «Тархуном», по вкусу, а может, и по составу, не отличаемого от шампуня за 12 рублей. Казалось, на чердаке вовсю пахнет отбивными и картошкой, а также дымом дорогих сигарет… а также великолепным красным вином, которым эти мерзавцы запивали свою жратву!!!

— Сволочи, да? — с набитым ртом пробормотала Тая. — Чтоб они всю жизнь этим ужином отрыгивались!!

Должно быть, из-за долгой и тесной дружбы мы с Таей научились читать мысли друг друга.

Быстро стемнело, словно кто-то резко задернул темную портьеру, на чердаке сильно похолодало, и наши с Таей зубы принялись выстукивать громкий драбадан. В гостиной было пусто и темно, к нам тоже никто не поднимался, усталость и пресыщение впечатлениями

брали свое, и мы стали располагаться на ночлег. Несмотря на то, что на нас были теплые свитера, ботинки на меху и джинсы, холодно было ужасно. Свалив всю солому в одну кучу, мы закопались в нее и стали трястись от холода в объятиях друг друга. Те, кто врут в книгах о том, как чудесно спать в сене-со-ломе, видать никогда сами в ней не спали! Какие-то палочки, прутики, невыносимо колючие стебельки, лезут везде и впиваются во все! Промучавшись и проворочавшись в этом кошмаре, мы готовы были спать на голом полу, останавливал только лютый холод, в соломе все-таки было чуть теплее.

Наконец я отключилась, рухнула в объятия крепкого спасительного сна без сновидений… К сожалению, бессознательное блаженство долго не продлилось, меня разбудила Тая. Она трясла меня за плечи что есть силы и всхлипывала.

— Что случилось?! — Спросонок я так перепугалась, что немедленно задрожала в ознобе.

— Слышишь? — Таю колотило не меньше моего. Где-то, совсем рядом, раздавались сухие щелчки. Сначала я не поняла, что это такое, а потом дошло — выстрелы. Непонятно где именно стреляли, в доме или во дворе, но это было где-то очень-очень близко… Не сговариваясь, мы с Таей метнулись в угол, ввинтились в солому и замерли. Неожиданно все стихло. Не слышно было ничьих шагов или голосов, тишина была просто *гробовой.*

— И что теперь? — прошептала Тая.

— Наша дверь на замок закрыта? — вместо ответа спросила я. — Или так?

— Н-н-н…

— Я сейчас.

Сняв ботинки, я выбралась из соломы и на цыпочках, не чувствуя холода, подкралась к двери. Вслушивалась я в тишину до тех пор, пока не околели ноги, потом все же решилась и ткнула пальцем в дверь. Она бесшумно приоткрылась. Протиснувшись в крошечную щелку, я замерла на верхней ступеньке, отлично помня, какая эта лестница скрипучая. По-прежнему было тихо и темно.

— Ну? — неожиданно раздалось у самого уха. От ужаса я едва не завопила во все горло, слава богу, вовремя поняла, что это Тая.

— Дура… — в сердцах прошептала я трясущимися губами, — идиотка…

— Прости, не хотела тебя напугать, — в темноте глаза подруги горели лихорадочным огнем, как у нервного оборотня, — я больше не могла там сидеть! Одна! На вот, твои ботинки…

Она сунула мне в руки мои старые зимние раздолбаи со сбитыми каблуками. Прижав их к груди, я стала медленно спускаться, тщательно нащупывая пальцами ног края ступенек. Каждый скрип рассохшегося дерева отдавался противной резью в желудке, дыханье застряло судорожным комом в горле, а в голове крошечным молоточком стучало только одно: «Господи!

Если мы отсюда выберемся, я больше никогда, никогда не буду такой тщеславной и жадной! Господи! Пусть только мы выйдем отсюда!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

К тому времени когда мы спустились вниз, я вся взмокла от страха. По-прежнему было темно и тихо, дверь, ведущая в гостиную, была распахнута, там, на широком полотне лунного света, посреди комнаты, скорчились два тела. Логично было бы предположить, что это Сережа со своим сопливым другом. Загипнотизированные этим зрелищем, мы приросли к полу и не могли пошевелиться. Внезапно треснуло полено, и в темном каминном нутре полыхнул острый язык пламени. Мы с Таей так вздрогнули, что я случайно прикусила себе язык. Перед глазами вспыхнули яркие круги, а в ушах загрохотала кровь… какие нервы надо иметь, чтобы пережить все это?! В кресле, у камина, сидел Аристарх, которого мы сразу и не заметили. Весь светлый пуловер на его груди был залит кровью, а глаза смотрели прямо на нас жутковатым, бессмысленным взглядом.

— Пойдем отсюда, — тихо проскрипела Тая, — где тут выход?!

Я во все глаза смотрела на Аристарха и не могла понять, показалось мне или нет, что он шевельнулся?

— Сена!

— Тише ты! Кажется… кажется, он еще жив…

В камине снова треснуло полено, и огонь полыхнул ярче, теперь я не сомневалась, Аристарх еще дышал. На мгновение в его глазах промелькнуло что-то живое.

— Эй… — вдруг произнес он, и Тая, шарахнувшись в сторону, врезалась в дверной косяк, — сюда иди…

Я повиновалась, как мартышка под взглядом питона. Обогнув напольные трупы, я подошла к полутрупу сидячему.

— На камине… полке… — еле-еле шевелил губами Аристарх, глядя сквозь меня, — за хрен дерни… отдай Шу…

И все. И умер. Я перевела взгляд на каминную полку, там

красовалась батарея всяких разных скульпту-рок и статуэток, наставленных как попало. Огонь совсем затух, поэтому пришлось возвращаться к столу с остатками пиршества — помимо тарелок там стоял еще и подсвечник. На это мне потребовалось все мое мужество, потому что пришлось переступать через трупы, лежавшие на пути… Каждую секунду я ожидала, что кто-нибудь из них схватит меня за ногу… Сделав это, я посмотрела в дверной проем, там полыхали глаза моего приятеля — нервного оборотня.

— Тая! Иди сюда! Стоишь, как памятник!

Подруга молча повиновалась. На столе мы разыскали зажигалку (пачку сигарет я не раздумывая сунула себе в карман), зажгли три свечи и вернулись к камину.

— О-о-он чт-то-т-то т-теб-бе с-ска-з-зал? — заикаясь, прошептала подруга, стараясь не смотреть на окровавленного Аристарха с остановившимися глазами.

— Да, — я внимательно рассматривала статуэтки, — ищи, у которой тут хрен есть.

— Чего?

— Половой орган!

— Пойдем отсюда, — всхлипнула Тая, — я сейчас с ума сойду!

— Минуточку… минуточку… — взгляд упал на большое, безобразное изображение какого-то толстого, пузатого мужика, смахивающего на восточного божка, он был больше всех и стоял во втором ряду.

— Подержи, — я сунула Тае подсвечник, — посвети мне. Повыше подними!

В дрожащем пламени рожа статуэтки оказалась на редкость противной: толстые зеленоватые губы растянулись в глумливой улыбке, крошечные глазки спрятались в складках железного жира, а ушные мочки свисли до круглых плеч. Взяв урода за уши, похожие на ручки заварочного чайника, я с трудом его подняла, он оказался очень тяжелым. Однако, я умудрилась вытащить его, не столкнув и не разбив ни одной фигурки. Нижняя часть толстяка выглядела не менее замечательно, чем верхняя, — короткие ноги согнуты в коленях и широко расставлены в стороны, будто он пытается как-то странно присесть, а между… г-м… торчал очень внушительный «инструмент». Я за него дернула. Ничего не произошло. Тогда я дернула несколько раз подряд — тот же результат.

— Сена, по-моему, сейчас не этим надо заниматься, — неуверенно произнесла Тая, — пойдем отсюда, у меня нехорошее предчувствие…

те… или тот, кто здесь был, наверняка вернется…

— Да, сейчас, — на всякий случай я тщательно осмотрела остальные фигурки, больше ни у кого не было ничего *такого*. Обув ботинки и едва удерживая в руках тяжеленного пузана, я двинула на выход вслед за Таей, в трясущейся руке которой прыгал и скакал подсвечник.

Входная дверь была распахнута настежь, резкий ночной ветер мгновенно затушил свечи и пробрал нас до костей. Тая швырнула подсвечник за забор, и мы бросились к калитке, она тоже оказалась приоткрытой.

— И куда дальше? — Тая озиралась, силясь хоть что-то рассмотреть в чернющей мартовской ночи. Мы стояли на грязной проселочной дороге, слева гремела ветками чащоба, позади дом с «безвременно ушедшими из жизни», где-то далеко, справа, виднелись другие дома, а впереди… впереди мелькнул тусклый свет автомобильных фар.

— Я же говорила, — выдохнула Тая, — возвращаются…

Не сговариваясь, мы брызнули в гремящую чащобу, и понеслись, не разбирая пути, по замерзшей грязюке и остаткам сугробов.

— Стой… — я затормозила, задыхаясь, — заблудимся…

Тая остановилась, привалилась к дереву.

— Надо вернуться назад и посмотреть, кто приехал, может, это и не… — Я поставила статую на землю и вытащила из кармана украденные сигареты с зажигалкой.

— А кто? — Тая была на редкость спокойна, на свободе к ней вернулось самообладание. — Ты видела, какая здесь глухомань? Кто будет разъезжать тут так поздно в начале весны? Дачники? Дай и мне сигарету!

— Ты же бросила…

— Дай, говорю!

Пару минут мы молчали, жадно вдыхая сигаретный дым. Сигареты были незнакомой мне марки, но табак оказался прекрасным, крепким, с каким-то специфическим ароматом. Для меня они оказались слишком крепкими, голова закружилась, ноги сделались ватными, и очень захотелось уснуть где-нибудь в теплой постельке. Но вместо этого пришлось плестись по бурелому, трясясь от холода и ветра. Вскоре я забыла про свои руки — пальцы, примерзшие к железному болвану, полностью утратили чувствительность. Я хотела предложить Тае понести пузана хоть немного, но передумала, подруга его сразу бы выбросила.

В кромешной тьме приходилось плестись практически наугад, я со своим топографическим кретинизмом давно потеряла всякие ориентиры, оставалась одна надежда на Таю… Внезапно деревья расступились, и мы вышли к нашему дому с покойниками. Во всех окнах горел свет, и какие-то люди, ничуть не стесняясь своего присутствия, рыскали по комнатам. У забора стояла пустая иномарка.

— Сена, — прошептала Тая, прячась за толстым стволом дерева, — шанс…

— Где ты его видишь? — удивилась я.

— Машина! Ты же умеешь водить!

— Ну и что? — Я не могла поверить, что она говорит серьезно.

— А то! Наверняка тачка не заперта…

— Нет! — замотала я растрепанной головой. — Ни за что! Досидим в лесу до утра, потом пешочком до ближайшего шоссе…

— А дальше?! Мы даже не знаем, где находимся! Мы, грязные, голодные, холодные, да еще и с этой бочкой в руках будем шляться по округе?! Да нас каждый дурак запомнит на всю жизнь, а потом этим, — она кивнула в сторону дома, — расскажет! Они сейчас все обшарят и поймут, что там еще кто-то был! Понимаешь?!

— Не смогу, понимаешь?! — жалобно заскулила я. — Нервы закончились! На это меня уже не хватит!

— Меня зато хватит! — сердито сопела подруга. — Я подкрадусь и посмотрю, открыты там двери или нет… смотри, она даже стоит к нам левой стороной, там руль… Это судьба!

И, не успела я ничего пискнуть, Тая согнулась в три погибели и рванула к машине. За считанные секунды у меня перед глазами промелькнули сотни ужасных картин: машина взрывается, машина орет сигнализацией, в машине кто-то есть, кто-то спит на заднем сиденье…

— Сена! Иди сюда!

Следуя на звук полузадушенного шипения, я повторила Таискин путь. Она уже вскрыла переднюю дверь и занималась задней. Вместе с пузаном я втиснулась на водительское место и посмотрела на замок зажигания. В нем болталась очаровательная связка ключей. Пристроив статую на сиденье рядом, я, затаив дыхание, повернула ключ. Машина оказалась супер, никакого моторного рева, только тишайшее урчание. Не зажигая фар и обливаясь холодным потом, я сдала назад. Послушная железочка мягко покатилась по дороге…

— Мы долго раком будем ехать? — подала голос Тая с заднего сиденья.

— Сейчас развернемся где-нибудь, — я так ждала криков и выстрелов в нашу сторону, что почти оглохла от напряженного звона в ушах.

«Раком» нам пришлось доехать до самого шоссе, на узкой дорожке развернуться было катастрофически негде. На шоссе я лихо развернулась, едва не вписавшись в ближайшее дерево, включила фары и понеслась, слегка отрываясь от земли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Тая перебросила болвана на заднее сиденье и перебралась вперед, ко мне. Закурив, мы перевели дух; ни мне, ни ей еще не верилось, что побег из дома и кража машины сошли нам с рук.

— Сена, может, ты немного сбавишь скорость? — вжавшись в сиденье, подруга с тревогой смотрела, как мимо свистят березы.

— Сейчас, — я расцепила судорожные, сросшиеся с баранкой пальцы, и сбросила скорость до восьмидесяти. — Интересно, куда мы едем?

— Не знаю. — Таю всю слегка потряхивало от нервного перевозбуждения, и она все время что-то маниакально искала, то под сиденьем, то в бардачке… — Сена!

От ее выкрика мои руки дрогнули, руль дернулся, и я едва не врезалась в придорожное ограждение.

— Тая! Блин! Коза! — Я выровняла машину. Приеду домой, напьюсь в свинство!

— Ой, прости, пожалуйста! Посмотри, что я тут нашла!

Я скосила один глаз, вторым наблюдая за (слава Богу!) пустой дорогой. В бардачке лежал пистолет с глушителем, небрежно замотанный в кусок белой тряпки.

— Не трогай его, — посоветовала я, — и вообще, закрой бардачок! И не лазай тут нигде!

Тая послушалась, но сидеть смирно она была не в состоянии. Перетащив себе на колени пузана, подруга принялась его исследовать.

— Какое уродство, — качала она головой, — ну надо же, срамотень… а стоит, наверно, ахово!

Я молчала, сосредоточенно глядя вперед и боясь пропустить указатель. Хотелось знать хотя бы приблизительно, где мы и куда движемся. Наконец-то высветилась надпись, сообщившая, что до Москвы 10 км.

— Слава богу, — прошептала я, — правильно едем… такое

везение, наверное, раз в пятилетку бывает…

— Не сглазь! Интересно, он сам по себе такой тяжелый, или там что-нибудь внутри есть? — Она методично обследовала урода, в надежде найти щелочку или зазор, указывающий на наличие тайника.

— Уверена, что есть, хотя… может он сам по себе какая-то историческая или художественная ценность?

— Вот это?! Брось! Я бы в жизни такое не купила!

— Ну, это ты…

Слушая Тайкину болтовню, я надивиться не могла тому, как человек от полного шока и ступора легко и быстро возвращается в прежнее нормальное состояние. Мои же мысли текли по строго определенному руслу: я напряженно размышляла над тем, что делать, куда девать машину? То, что от нее надо было избавляться, не доезжая до Москвы, было очевидно, еще желательно тщательно протереть отпечатки… как хочется спать…

— Сена! Ты меня слышишь?! — Тайкин рев раздался в самом моем ухе, но от усталости я уже не могла пугаться.

— Что такое? — глаза отчаянно слипались.

— Смотри сюда!

То, что я увидела, заставило меня свернуть на обочину и затормозить. Видать, подруга все-таки дернула пузана за хозяйство так, как требовалось, верхняя часть его черепа откинулась, как обычная крышка, и нашим взорам предстало… *зрелище…* Полая статуя, размером с два футбольный мяча, по самые уши была набита странными ювелирными украшениями: все имели форму какого-нибудь жука или насекомого. Сверху красовался удивительный по красоте золотой скорпион, инкрустированный драгоценными камнями, спина которого представляла собой цельный продолговатый бриллиант, оплетенный тончайшими золотыми нитями.

— Епс… — тихонько выдохнула Тая и посмотрела на меня диковатыми глазами, — Сена, мы с тобой…

— Покойники, — закончила я и потрогала скорпионью спинку мизинцем, — лучше бы пузан оказался пустым!

— Да ты сдурела! — лицо подруги раскраснелось алым маком, она запустила руку внутрь и выгребла жменю пчел, мух, скарабеев, кузнечиков… все — золото, камни и изумительная, тонкая работа. — Да это же дикие деньги! Да это же…

— Камни на крышки наших гробов! — Я засунула драгоценности обратно и захлопнула черепушку пузана, чтобы блеск «золотого тельца» окончательно не лишил подругу разума. — Мы *украли* это из

дома, где совершено три убийства, — я вывела машину на дорогу, — кто знает, может, убили именно из-за этой коллекции…

— Коллекции? — Тая была страшно недовольна мною.

— Конечно, ты же видела, там одни букахи, ясное дело — собиралась одна тематика…

— Какие мы стали умные и рассудительные!

— Жизнь заставила!

До Москвы оставалось всего ничего, я заметила проплешину в стройной лесной чащобе, и свернула туда.

— Ты куда это?! — Тая обхватила статую руками и прижала к груди. Машина скакала по замерзшим кочкам, и Тая не только отбила себе коленки железной кубышкой, но и едва не выбила об пузана зубы. Выключив зажигание, я закурила, чувствуя себя состарившейся лет на пятьдесят за эту проклятую ночь. Тая сидела в обнимку с кубышкой и упрямо смотрела вперед, меня она игнорировала.

— Дальше пойдем пешком, — я пыталась говорить твердо и безапелляционно, но при громадном желании уснуть немедленно, это плохо получалось, — машину, вместе со всем этим добром, придется оставить здесь.

— В таком случае и вместе со мной тоже! Золото не брошу!

— Тая…

— Что «Тая»?! — взвилась она. — Кто-то совсем недавно только и делал что нудил: «Хочу разбогатеть! Не могу больше жить в нищете!!» У нас в руках драгоценностей, наверное, на миллион баксов, а ты хочешь бросить их в лесу!

— Не в лесу, а в машине, в бардачке которой лежит пистолет. Чем быстрее мы отсюда исчезнем налегке, тем больше шансов дожить до старости! Я не хочу из-за этого умирать! Ни одно золото мира не стоит человеческих жизней, тем более наших! Бросай его, пошли отсюда!

— Слушай, — голос Таи внезапно смягчился, — а что тебе Аристарх еще сказал?

— Что-то вроде: «Отдай Шу…» — я настороженно смотрела на подругу.

— Ага! — она довольно улыбнулась и стала похожа на сытую пантеру, — Он не сказал: «Брось в лесу»! Он сказал: «Отдай Шу…»!

— И что?! — вконец рассердилась я. — Придумала бы что-нибудь поумнее! Лишь бы только не…

В этот момент по шоссе мимо нас, одна за другой пронеслись две милицейские машины, как раз в ту сторону, откуда мы приехали.

— Выходим! — скомандовала я, мы вылетели из машины и

бросились в лес. Тая что-то замешкалась, но я не рискнула кричать, опасаясь привлечь чье-нибудь внимание. Кого именно я собиралась встретить в полуночном подмосковном лесу, я не знала, просто было страшно и все. Заметив, что Тая где-то застряла основательно, я остановилась, озираясь. Все-таки пришлось крикнуть пару раз. Сопя, как взбесившийся слон, откуда-то из кустов вынырнула подруга.

— Где тебя носит?!

— Это я у тебя хочу спросить! — выпалила она, пытаясь отдышаться. — Куда… какого черта мы побежали?!

— А надо было дожидаться милиции, сидя в бандитской машине с пистолетом, из которого наверняка перестреляли бог знает сколько людей, да еще и со статуей, битком наби… кстати, где она?

— Оставила в машине, где же еще, — Тая смотрела абсолютно честными глазами вруна, — как ты и говорила.

— Куда ты дела пузана?! — Мне казалось, что еще немного, и я просто тресну по швам от усталости и злости.

— В машине он!!! Смотри, — она протянула пустые ладони. — Не засунула же я его в карман!

Мне оставалось только махнуть рукой и двинуться в чащу напролом, честно сказать, мне было уже все равно, куда идти и что с нами будет дальше. Я так промерзла, что перестала чувствовать холод и ветер, ног я не ощущала уже давно и не знала, промокли они или нет. Так как простывала я всегда мгновенно и от любого сквозняка, в этом случае, мне наверняка грозила крышка гроба… Захотелось плакать, но я подумала о моем бедном песике, и это придало мне сил.

Мы выбрались на какую-то дорогу, два часа ждали машину, как мартышки выбирая из волос друг друга солому, ветки и прошлогодние листья, потом еще минут двадцать уговаривали сонного и злого мужика отвезти нас в Москву. Ехать решили к Тае, во-первых, там были деньги, Чтобы расплатиться за машину, во-вторых, решили, что там будет безопаснее.

Только я оказалась в теплом, хоть и насмерть продымленном «Явой» салоне, как мгновенно отключилась. С меня хватит.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Сена! Проснись!

Тая трясла меня за плечи, мужик матерился и твердил, что из-за нас он везде опоздал, но проснуться я не могла. Я все слышала, все понимала, но открыть глаза была не в состоянии. Подруге пришлось

вытаскивать меня из машины и, как раненого чекиста, тащить на себе в квартиру. То просыпаясь, то проваливаясь в какую-то кому, я сбросила с обмороженных ног ботинки, стащила свитер и рухнула на неудобный и жесткий Тайкин диван, на этот раз показавшийся мне облаком, райским облаком…

Проснулась я глухой ночью от страшной жажды и ломоты во всем теле. Так и есть! Я разболелась вдребезги!

— Тая! — получилось хриплое карканье. — Тай!

Ни ответа ни привета. Пришлось самой сползать с дивана и, держась за стену, плестись на кухню. Кухонная дверь была плотно закрыта, теперь понятно, почему она меня не слышала! Вломившись в кухню, я замерла на пороге. За золотым сияющим столом сидела Тая. Я медленно закрыла глаза, потом открыла, но видение не пропало.

— Сена… — испуганно пролепетала подруга, — я думала, ты спишь…

Подойдя к золотому столу поближе, я без сил опустилась на табуретку. Так и есть. Светлая крышка столика сплошь была усеяна золотыми мухами-жучками, любовно разложенными в порядке убывания: от больших до самых маленьких, а с подоконника глумливо хихикал проклятый пузан.

— Тая, между нами все кончено. — Мне даже пить расхотелось от такого предательства.

— Сена, я тебя очень прошу, выслушай меня!

Как я могла ее выслушивать, когда к отвороту ее плюшевого турецкого халата был приколот скорпион с бриллиантовой задницей, стоимостью в две Тайкины квартиры?! Я молчала, мои глаза слезились от золотого сияния, такого дикого в двухметровой кухоньке-хрущобке.

— Аристарх и этот, как его… Тенгиз говорили о каком-то Шуре, которого где-то спрятали, — тем временем торопливо излагала бывшая подруга, — и тебе Аристарх сказал: «Отдай Шу…», ясный пень, кого он имел в виду. Ни Аристарха, ни двух его полканов уже нет, а больше никто не знает, был ли кто-то в доме…

— А еда с ведром на чердаке? А подсвечник в кустах? А угнанная машина, украшенная нашими отпечатками пальцев? — Я хлебнула водички из графина, приготовленного для поливки цветов.

— Хорошо, они, так или иначе, поймут, что в доме кто-то был, но как, скажи, *как* они могут выйти на нас?!

— Остался Тенгиз, не забывай, если он не уехал до перестрелки, то он и есть убийца. Он даванет на Леню, в процессе выяснится, что на его даче сидели две клуши, которые куда-то потом пропали… Эх, что

тут говорить!

— А может, Тенгиз остался в доме? В комнате для гостей? С дыркой в голове? — Тая то и дело теребила скорпиона на халате, и он постреливал мне в глаза ломкими лучиками.

— Гадать нет смысла. Говори, как пузан тут оказался?

— Ну, ладно… — она пристально посмотрела в потолок. — Когда ты побежала, я схватила кубышку и бросилась за тобой. По пути увидела ямку, бросила туда пузанчика, завалила сверху ветками и всякой дрянью, а сегодня съездила туда и забрала.

— А наша… то есть не наша машина там еще стояла?

— Нет, ее уже не было.

— Все ясно, — в мозгах тупыми толчками колотилась боль, а от слабости мелко подрагивали руки, — мы снова вляпались…

— На этот раз все будет в порядке, вот увидишь! Главное, ни в коем случае ничего не говорить Лене!

— Это почему еще? — я как раз собиралась ему звонить. — Что еще за глупости? Он там, наверное, уже с ума сходит от волнения и непоняток — куда же мы подевались?

— Если ты ему все расскажешь, мы пропали, — спокойно произнесла подруга, машинально перебирая украшения.

— Почему?! Я не понимаю!

— Сама посуди, если Леониду и его жене будет угрожать опасность, думаешь, он смолчит про нас и про то, что мы сделали? Кто мы ему такие, в конце концов? Нет, нет и еще раз нет, он не станет нас покрывать, тем более в таких вещах.

— Он не способен на такую подлость, — впрочем, без особой уверенности сказала я, откуда мне было знать, на что способен Леонид, а на что нет? — И как мы объясним наше исчезновение? Куда мы сорвались в первый же день роскошного житья на даче?

— Наврать можно все, что угодно, — отмахнулась Тая, — к примеру, ты заболела и нам пришлось срочно возвратиться в город, чтобы не оставлять тебя без присмотра, я взяла тебя к себе домой. Вот и все, все донельзя правдоподобно и болезнь налицо.

Я задумалась, не зная, что решить, а Тая продолжала свое черное дело:

— Ты понятия не имеешь, что на данный момент из себя представляет твой драгоценный Ленечка, кроме того, что он очень богат, женат на негритянке и у него есть брат — криминальный авторитет с собственной тюрьмой. Прямо букет гладиолусов, да? Ты ничего не теряешь, если бросишь его во второй раз, просто передумала

общаться с ним и все тут, а причин сколько угодно! Например, ты не желаешь мешать его семейному счастью, потому что у тебя внезапно разыгрались к нему былые чувства!

Я вялопротестующе махнула рукой.

— Ну, или что-нибудь другое, не так важно! — Тая перевела дух и глотнула водички из того же кувшинчика для поливки цветов. — Главное, порвать с ним все отношения и ни в коем случае не говорить, где мы были, что видали, стоять намертво на своем: заболела — уехали, и все. Больше ни о чем слыхом не слыхивали.

— Он мне работу предлагал… — слова получались вялыми, как переваренные макаронины, и хотелось только одного, положить голову на прохладную подушку и испустить дух!

Тая с жалостью посмотрела на меня и тяжело вздохнула.

— Какую работу, Сена? — она кивнула на стол, заваленный золотом. — Погляди сюда!

— Не хочу! — Желания действительно не возникало. — Неизвестно, откуда это все украдено! Наверняка все в розыске!

— Да почему же именно украдено?! — заголосила Тая. — Это может быть куп-ле-но! Неизвестно, кем был Аристарх, может, у него денег завались, вот он и вкладывал их в эту коллекцию, а перед смертью хотел Шуре завещать! А ты заладила: «Украдено! Украдено!»

— Ох… — только и могла ответить я. Страшно мутило, болело все, особенно глаза и зубы, хотелось плакать тихонько, с подвыванием…

— Давай-ка, подруга, в кровать, — наконец-то сподобилась заметить мое плачевное состояние Тая, — у меня где-то бисептол был, сейчас гляну.

Наевшись таблеток и забравшись под одеяло, я тряслась от озноба и искренне надеялась, что завтра все исправится и прояснится: окажется, я просто бредила..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

За окном красовался нудный серенький денек. Подруга была на работе, а я слонялась по пустой Тайкиной квартирке, избегая заходить на кухню. Там, на подоконнике, торчал пузан, а в целлофановом пакете, в шкафчике рядом с крупами, притаились золотые мошки-блошки… Но чувство голода взяло свое. Избегая резких телодвижений, провоцирующих головокружение, я покопалась в холодильнике. Хотелось чего-нибудь эдакого… Увы, Таин холодильник был еще более жалким зрелищем, чем мой: полбанки старого майонеза, два сморщенных соленых огурца в пакетике, кусочек сыра, совсем чуть-чуть ветчины, три яйца и одинокий куриный окорочок в морозилке. М-да… одинокая жизнь вряд ли идет кому-то на пользу.

Я бросила ножку в кастрюльку, налила воды, поставила на газ и присела отдохнуть. Взгляд, как заговоренный, опять остановился на пузане. Пришлось встать, снять его с подоконника, поставить на стол и заняться тщательным изучением. С детства обожала исследовать и изучать всякие непонятные штуковины, дрожа от волнения и нетерпения, поскорее прикоснуться к тайне, а здесь… здесь я ничего подобного не испытала, напротив, мне все время было страшно… меня на самом деле пугала какая-то несчастная скульптура!

Чтобы не дергать его лишний раз за противное «хозяйство», я попробовала расковырять черепушку толстяка ножом, но безрезультатно — не отыскалось ни малейшего зазора! Если бы своими глазами не видела, как у него открывается башка, в жизни не поверила бы в это. Пришлось дергать. Получилось где-то с двадцать пятой попытки. Раздался тишайший щелчок, лысая макушка откинулась, и я уставилась внутрь болвана. Что я там собиралась найти, неизвестно. Пришлось сесть под самую лампочку, но все равно, видимость была так себе. Преодолевая брезгливость, я сунула руку во чрево пузана. На ощупь исследуя железные закоулки, я надеялась, что внутри нет никакой хитроумной ловушки для пальцев или чего-нибудь острого… Внезапно я на что-то наткнулась. Это что-то, похожее на плотно свернутый лист бумаги, пряталось в полом «хозяйстве» уродца. Осторожно вытащив находку, я еще раз исследовала железное нутро, но больше ничего не нашла, теперь пузан был пуст окончательно и

бесповоротно. Готовясь к раскрытию какой-нибудь тайны, я развернула листок. Корявыми, небрежными буквами там была записана какая-то химическая формула. В химии (как и в физике, как и в математике, как и в анатомии) я была полным дундуком, посему раскрытие тайны не состоялось.

Куриный окорочок тихо булькал в кастрюльке, по кухне разносился такой мирный, такой домашний запах вареной курицы… Как же там моя бедная собачка? На стене, у самого обеденного стола, был привинчен телефонный аппарат. Слушая долгие гудки, я почему-то ждала, что трубку снимет мой Лаврик… трубку действительно сняли, и совершенно незнакомый мужской голос произнес:

— Я слушаю.

Нажав на клавишу отбоя, я долго глядела на пищащую телефонную трубку. Кто это, интересно, торчит в моей квартире? Слушает он, видите ли… Что с моей собакой?! Имею право знать! Я набрала номер редакции и простужено каркнула:

— Позовите Влада, пожалуйста!

— А кто его спрашивает? — противная редакторша в упор меня не узнавала.

— Его жена, — с удовольствием ответила я. Разумеется, никакой жены у нашего оболтуса внештатника не было и не предвиделось, но редакторша так сильно засыхала по Владику, что я не могла отказать себе в маленькой радости представиться его супругой.

— Да? — раздался голос Влада. — Кто это?

— Влад, это я, Сена.

— О, бог мой, Се…

— Тише! — зашипела я, — не надо никому знать, с кем ты говоришь! Рядом с тобой есть кто-нибудь?

— Конечно, — голос Влада прозвучал глухо, видать, прикрыл трубку ладонью, — весь персонал. Куда ты пропала? Все в ужасе…

— Я тоже. Слушай, ты мог бы приехать ко мне сейчас?

— Конечно! А ты где? Дома?

Несколько секунд я колебалась, потом все же назвала Тайкин адрес.

— Сейчас буду!

Запищал отбой. Выключив газ и налив в кружку остатки не успевшего выкипеть бульона, я пошла в комнату и включила телевизор. На душе было гораздо светлее, Владу можно было доверить любые тайны, спросить любого совета… Хорошо иметь друзей!

Прихлебывая бульон, я смотрела в экран, но продолжала думать о

своем.

— … на своей подмосковной даче был убит Семашко Аристарх Аверьянович, — расслышала я голос обозревателя новостей, — выдающийся ученый, известный химик, биолог, фармацевт…

На экране появилась фотография хорошо известного мне персонажа. Покинув диван, я подошла к телевизору вплотную и уселась на пол, не хотелось пропустить ни слова. Из куцего репортажа следовало, что Семашко расстреляли в упор неизвестные и… на даче он был один. Я растерялась. Не заметить еще два трупа у его ног было очень непросто, однако их не заметили. Либо хозяева украденной нами машины позаботились об этом, либо… У меня опять заболела голова. В дверь позвонили. Поставив чашку с остывшими остатками бульона на пол, я прокралась в прихожую. Когда мне страшно, я всегда крадусь…

Глазок в Тайкиной двери очень замечательный — вылитый стрекозиный глаз с периферийным зрением, всю лестничную площадку обозревал, поэтому я сразу увидела Леню, стоящего чуть в стороне, еще какого-то мужика за его плечом и только потом уже Влада.

— Ты уверен, что она дома? — тихо спросил Леня.

— Конечно, она только что мне звонила и, судя по голосу, была в хлам простужена.

— Сейчас эпидемия, — до боли знакомым голосом прогнусавил третий и чихнул. В обморок я падаю только тогда, когда у меня кровь на анализы берут, но в этот момент я ощутила все симптомы приближающейся потери сознания. За дверью, вне всяких сомнений, торчал сопливый приятель Сережи и Аристарха, а мы-то были уверены, что он остался там! А он жив!

Влад маниакально давил и давил на кнопку звонка, потом подергал дверную ручку.

— Может, вышла куда, — предположил сопливый, — в магазин, например.

— Пойдемте, подождем, — сказал Леня и, судя по звуку шагов, все спустились ниже, к грязнючему окну на лестничной клетке.

«Скоро Тая придет с работы, — громко произнес Внутренний Голос, — и столкнется с ними…» На цыпочках я прокралась на кухню и набрала рабочий номер подруги. Слушая долгие гудки, я злилась на нерадивых служащих банка: минута в минуту убегают с работы!

— Алло, — внезапно ответила трубка чужим женским голосом.

— Здравствуйте, — залепетала я, — позовите, пожалуйста, Таисью

Ливанову.

— Она уже ушла.

— А давно?

— Минут десять назад.

— Спасибо, — я медленно положила трубку. Работала Тая совсем рядом с домом, минут через двадцать, она должна была показаться на горизонте.

Стараясь не шуметь, я отодрала какие-то старые лейкопластыри, которыми экономная Тая заклеила окна на зиму, открыла форточку и выглянула во двор. К сожалению, у меня не получилось распахнуть все ссохшееся и слипшееся за зимнюю спячку окошко, но, третий этаж не пятый, Тая должна была меня заметить и услышать даже из форточки.

Когда моя головушка бедовая уже просто трещала от холода и ветра, Таисья, наконец-то выплыла из-за угла гастронома.

— Тай! — хрипло крикнула я и, высунув руку, замахала. Подруга притормозила и начала озираться. Крикнув еще пару раз, я все же привлекла ее внимание.

— Там засада! В подъезде! Не ходи туда!

Неизвестно, что поняла подруга из моих торопливых выкриков, но она молча бросилась куда-то в глубину двора и скрылась из вида. Я закрыла форточку и спрыгнула на пол, голова настолько хорошо проветрилась, что мысли запрыгали в ускоренном темпе. Одна скакала выше всех: почему Леня и сопливый вместе? Ведь сопливый собирался похитить его жену, а в результате прихватил двух подружек… да, теперь-то мы с Таей точно не отвертимся, свидетель нашего пребывания на даче Аристарха имеется… Влад, предательская морда, Бог тебя обязательно покарает!

В прихожей раздался какой-то шум, кто-то возился с входной дверью. Прихватив с собой, скорее для самоуспокоения, чем для реальной надобности, молоток для отбивания мяса, я прокралась в коридор и приникла к глазку. Там возилась Тая собственной персоной, она пыталась открыть дверь, запертую мною изнутри. Подруга была одна-одинешенька. Я быстро впустила ее, и мы снова заперли дверь на все замки.

— Они ушли, да? — прошептала я.

— Не знаю, — так же шепотом ответила подруга.

— А как же ты прошла?

— По пожарной лестнице!

Надо сказать, что дом, в котором жила Тая, несколько отличался от остальных, психически здоровых жилых строений. Лет девять тому

назад воздвигли «коробку» под общежитие уж не помню какого завода, но завод благополучно вылетел в трубу, а «коробка» так и простояла до наших лучших времен. Потом администрация обязала строительную компанию переделать не-состоявшуюся общагу под жилые квартиры и распродать по бросовой цене. Так и осуществилась Таина мечта о собственном жилье. Квартиру она приобрела в самом конце длинного «общажного» коридора, рядом с милой застекленной дверцей, ведущей на маленький балкончик и комфортабельную пожарную лестницу.

— Так кто там, в засаде? — Подруга деловито сбросила сапоги, и мы прошли в комнату.

— Влад, Леня и сопливый.

Тая застыла на пол пути.

— Да, тот самый сопливый с дачи!

— А как они здесь оказались? — подруга развернулась в мою сторону, — а?

— Я позвонила Владу…

— Дальше можешь не продолжать, — отмахнулась она, — ты безнадежна! Постой, а что сопливый делает вместе с Леней?

— Сама поражаюсь.

Затем я в двух словах рассказала о своей находке в чреве пузана и о теленовостях.

— Химическая формула, говоришь? — Тая задумалась и присела на подлокотник кресла. — А Аверьяныч был химиком-фармацевтом… а Леня хозяин фармацевтической компании… а брат его бандит…

— Что ты хочешь сказать? — Мне до слез не хотелось верить в причастность Лени ко всему этому безобразию.

— По-моему, только дураку не ясно, что я хочу сказать! — отрезала Тая. — Похоже, Аристарх тоже был не совсем чистоплотным гражданином, видать совмещал научную деятельность с антиобщественной, возможно, ему нужны были деньги для экспериментов…

Глаза Таи засияли, шлюзы ее воображения раскрылись, и подругу понесло по волнам фантазии.

— … а потом он изобрел какой-то препарат и не захотел делиться, а наоборот…

Ни с того ни с сего входная дверь затряслась под тяжелыми ударами.

— Все, звоню в милицию, — я подбежала к телефону и схватила трубку. В аппарате было тихо и глухо. Телефон не работал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Аппарат на кухне тоже молчал. Мы растерянно стояли и слушали, как выбивают входную дверь.

— Совсем недавно телефон работал, — зачем-то пояснила я. — Что делать будем?

— Молиться, чтобы Марья Степановна была дома, — прошептала подруга побелевшими губами.

— Какая Марья Степ… ты о чем?

— Это что тут за хулиганство такое?! — раздался в коридоре женский визг, больше похожий на звук бензопилы «Дружба». — Что это вы тут затеяли такое, бандюки поганые?! Милиция!!! Грабят!!!

— Она дома, — расцвела Тая, — мы спасены! Она моя соседка напротив, катастрофа, а не баба.

— У меня такая же, только за стеной. Ну, хорошо, сейчас она их прогонит, а дальше что? У меня дома какой-то неизвестный мужик сидит, и с собачечкой моей неизвестно что случилось! Да пусть они подавятся своим золотом…

— Наверное, им все ж-таки не золото нужно, — задумчиво произнесла Тая, — скорее всего…

— Да мне все равно, что им нужно! Я хочу домой, к Лавру!

— Тише ты…

Коридорные визги постепенно стихли, дверь больше не трогали, и мы решились подойти и посмотреть в глазок. Горизонт был чист.

— И что теперь делать? — сказала я, разглядывая коридор с бледно-зелеными стенами. — У меня нет никаких идей.

Тая щелкнула выключателем, но свет не загорелся.

— Лампочка перегорела? Да? — визгливым от страха голосом предположила я.

— Нет. — Тая держалась на удивление спокойно. — Где-то у меня свечка была…

При тусклом свете крошечного огарка мы оделись как можно теплее, Тая извлекла из тайника все свои сбережения, а я, на всякий случай, напилась таблеток впрок, хотя чувствовала себя вполне сносно. Но, увидев, как Тая сосредоточенно пеленает пузана со всем его внутренним содержимым в старый пододеяльник, я почувствовала, как у меня снова поднимается температура.

— Таечка, миленькая… — заныла я.

— Погоди рыдать! — отмахнулась подруга, запихивая болвана в большую клетчатую сумку — визитную карточку челноков. — С

собой мы его не потащим, но и здесь не оставим.

— А куда ж?

— К соседке отнесу.

— Да ты спятила!

— Наоборот, — хмыкнула подруга.

Ее лицо было серьезным и торжественным одновременно, и я почему-то вспомнила о том, что она гораздо старше меня, а значит, умнее, мудрее и рассудительнее… и вообще, раньше она занималась дзюдо и акробатикой, а это требует большой душевной дисциплины.

— Марья Степановна еще тот Штирлиц, она вдова одного из крупнейших коллекционеров антиквариата бывшего СССР, и бабку до сих пор не обокрали и не облапошили. Кажется, я единственный человек в доме, да и во всем мире, кого Мария Степановна считает достойной во всех отношениях, она мне даже доверяет! — Тая приподняла сумку, пробуя, выдержат ли ручки. — Компаний шумных у меня не бывает, здороваюсь регулярно, да еще и выслушиваю ее безразмерные истории обо всей несносной многочисленной родне и чудовищных жильцах этого дома. Короче, я такое золото, что Марья Семеновна так и норовит меня своему среднему сынку просватать, «авось я из шельмеца эдакого домашнего человека-то и сделаю», — передразнила Тая соседку.

— А чего ты не просватаешься?

— Ехать в деревню Кузяеве кур пасти, пока он самогон хлещет? Спасибо.

— А вдруг бабка сунет нос в сумку? — вырулила я на прежние рельсы.

— Ну и что, — пожала плечами подруга, — внутрь болвана она уж никак не залезет, а в остальном пусть думает что хочет. У старушки кубышка будет в сохранности, как в сейфе. Я сейчас.

Посмотрев еще раз в глазок, Тая выскользнула из квартиры, а я осталась переминаться с ноги на ногу в темной прихожей, время от времени бесцельно щелкая выключателем. Вскоре подруга вернулась.

— Все в порядке, даже врать особо не пришлось. Пойдем отсюда.

Повесив на плечо небольшую тряпочную сумку с предметами первой необходимости, Тая вышла в коридор и посмотрела в обе стороны. Никого. Стараясь не шуметь, мы вышли на балкончик и спустились по замусоренной лестнице к первому этажу, и к своему безграничному ужасу, я увидела, что пожарная лестница заканчивается где-то метрах в двух-трех от земли. Глядя в этот зияющий ночной провал, я поняла, что не прыгну ни за что и ни при каких

обстоятельствах.

— Как же ты сюда залезла? — пролепетала я, усаживаясь на последнюю ступеньку и намертво вцепляясь в какой-то ржавый прут.

— Подпрыгнула, подтянулась и залезла. — Подруга бросила вниз сумку и посмотрела на меня. — Сена, сейчас я прыгну вниз, а ты давай следом, я тебя поймаю.

— Нет… — мой голос дрожал как овечий хвост, — не могу…

— Как можно быть таким трусом?! — рассердилась Тая, — не с седьмого же этажа сигать надо! Тут всего-то ничего!

— Сначала скажи, куда мы идем? — Я решила оттянуть страшный, но неизбежный момент.

— К моему бывшему мужу.

— К кому?! — я так изумилась, что разжала руки. Тая, воспользовавшись такой деморализацией, мгновенно отодрала меня от лестницы и спихнула вниз. Я пребольно шлепнулась на мерзлый газон и даже не успела испугаться, вскоре приземлилась и подруга. Не слушая мое нытье и жалобы на отбитые ноги и попу, Тая схватила сумку, меня и понеслась в глубь дворов.

— Когда это ты замужем была? — умудрялась я спрашивать, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Вруниха!

— Ну, мы не были официально расписаны, просто прожили вместе два года, потом расстались.

— А, ну так бы сразу и сказала!

Теперь у нас были деньги, поэтому Тая остановила такси, и мы с удовольствием расположились в теплом и таком безопасном салоне чужой машины.

— Слушай, что теперь будет, а? — тихонько спросила я, чтобы не привлекать внимания дядьки за рулем. — Может, зря я не открыла дверь? Вдруг на этой бумажке что-то важное? Надо было отдать людям…

— Прекрати, бога ради! — раздраженно отмахнулась подруга. — Приедем, потом поговорим!

Тая попросила остановить у станции метро «Речной вокзал», и минут пять мы шли дворами. Остановившись у длинного высотного дома с десятью подъездами — не меньше, Тая вздохнула и медленно произнесла:

— Вот уж не думала, что когда-то снова здесь окажусь.

Она подвела меня ко второму подъезду с кодированной дверью и быстро набрала код. Мы поднялись на второй этаж, Тая остановилась у двери, обитой жутковато-малиновым дерматином, и решительно

надавила кнопку звонка. Раздался резкий, пардон, пердящий звук, я даже вздрогнула от неожиданности — в жизни не слышала подобного звонка! Никто не открыл.

— Может, его дома нет? — Мне, право, было неловко беспокоить человека на ночь глядя.

— Должен быть, — Тая еще пару раз позвонила, — он феноменальный лентяй, куда-то сорваться вечером — не его стиль, дрыхнет, скорее всего.

— А ты не заметила, в окнах есть свет?

— Его окна на другую сторону выходят.

Тая нагнулась и внимательно осмотрела замки.

— Кажется, те же самые, — пробормотала она, извлекая из сумочки увесистую связку ключей, — надеюсь, не выбросила…

Я была не из тех, кто годами хранит ключи от квартир бывших «мужей», а вот Тая хранила или же просто забыла выкинуть. Верхний замок оказался открытым, дверь была захлопнута только на нижнюю защелку. Мы вошли в большую, но жутко захламленную прихожую.

— Дима! — крикнула Тая. — Ты дома?

Ни ответа ни привета. Прямо перед нами были двери в ванную и туалет, по левую сторону виднелись кухонный проем и одна комната, справа была комната вторая, и из нее острой полоской падал электрический свет. Мы заглянули туда и сразу же увидели сидящего на диване небритого черноволосого мужчину в штанах и майке, под стать дерматину и звонку. Его голова была неестественно запрокинута на спинку дивана, а по лицу все еще стекала тоненькая струйка крови. Было очевидно — он мертв. В таких позах, с такими струйками люди не спят.

— Это Дима? — прошептала я. Тая судорожно кивнула.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я первой вышла из ступора.

— И что теперь?

— Погоди, Сена, — Тая прислонилась к дверному косяку, — оказывается все хуже, чем я думала…

— А я тебе говорила…

— Прекрати, ради Бога!

— Нет, мне просто интересно, как они сюда-то добрались?! Откуда они про Диму узнали? Если даже я не…

— Это все Влад, — ее лицо было на удивление спокойным, — понимаешь, когда-то я с ним встречалась…

— Чего?! Когда это ты успела?!

— Успела, — невесело усмехнулась Тая, — так вот, я ему всю свою жизнь и рассказала.

— Замечательно! — Злость и обида боролись друг с другом в моей душе — единственная подруга вообще ничего не рассказывает мне о своей личной жизни, это как так?!

— Молодец ты! — обиженной язвой проскрипела я.

— Так кто бы мог предвидеть?!

— А надо было!

— Не сейчас, ладно?

— А что ты предлагаешь? Куда мы теперь пойдем?

— Никуда, пересидим здесь.

— Чего?! — я ошарашено смотрела на нее, — ты хочешь сказать…

— Да, именно, — Тая устало потерла лоб, — здесь мы в относительной безопасности. Кто нас тут будет искать, сама подумай.

— Милиция, вот кто!

— Думаешь, тот кто убил Диму после вызвал милицию? — усмехнулась подруга. Я смотрела на нее и глазам своим не верила — такую спокойную и хладнокровную Таю я видела впервые.

— И возвращаться ему сюда незачем, — продолжала она, — пойдем, посмотрим, есть что-нибудь в холодильнике, есть безумно хочется.

— Мы будем ужинать в компании трупа, да?! И тебе не страшно?! — Я никак не могла поверить собственным ушам и глазам, неужели это моя Тая?!

— Живых бояться надо, — грустно улыбнулась она, — а за стол мы его с собою сажать не станем. Пойдем.

Она направилась в сторону кухни, я, в оторопи, последовала за нею. Глядя на квартиру Димы, я думала, что такой невероятный раскардаш устроили незваные и нежданные гости, но, увидев кухню, поняла — дело совсем не в них. Никакие бандюки не смогли бы так закоптить стены, засалить мебель и полы, развести столько тараканов и напачкать такую груду посуды в раковине. По-хорошему говоря, квартирка Димы, царствие ему небесное, выглядела натуральным бомжатником.

— Слушай, у него всегда было так нечеловечески грязно? — поинтересовалась я, стоя на пороге кухни и брезгуя продвигаться дальше.

— Так — не всегда, — Тая с горечью смотрела по сторонам, — раньше мне хоть как-то удавалось поддерживать маломальский порядок. Но, видишь ли, Сена, он просто по натуре своей свинья… правда, теперь это уже не важно.

Она подошла к допотопному пузатому «ЗИЛу», открыла почти черную дверь и заглянула внутрь холодильника. Я избегала туда смотреть, опасаясь увидеть что-нибудь незабываемое, вроде жареной крысы с макаронами.

— Тая, давай уйдем отсюда!

— Куда? — Она извлекла из вонючего холодильного нутра какие-то консервы, полбатона в целлофановом пакете и… половину ананаса! Я с удивлением уставилась на этого самодовольного чешуйчатого туриста, невесть как оказавшегося на такой Колыме. Следом на свет явилась чуть початая бутылка водки.

— Мне просто необходимо выпить, — извиняющимся тоном произнесла подруга, — будешь?

— Вообще-то, водку я не очень… ладно уж, давай. Только я постою, на эти стулья мне как-то не хочется садиться.

— Сейчас все поправим. — Она вышла в коридор и принесла кипу бесплатных рекламных газет, настелила их на стулья и на стол, и сказала: — Прошу!

— Стаканы с мылом помой, пожалуйста! — Я присела, стараясь не смотреть по сторонам. — Тая, как ты могла… с таким… Димой!

— На самом деле он замечательный человек. Со своими, конечно, странностями, но в остальном очень интересный, как личность.

— Да уж…

— Просто я к нему домой попала после пяти месяцев нашего

знакомства.

— Все-таки как-то это не очень, — я внимательно рассматривала свою рюмку, — за стеной труп, а мы тут жрем и пьем.

— В отличие от нас он уже в порядке, — с циничной философией заметила Тая, — а нам еще предстоит крутиться. Давай, наконец, поедим, неизвестно когда это получится в следующий раз.

Мы выпили не чокаясь и закусили кисловатым ананасом, на душе было тревожно, скверно и хотелось жить.

— Давай все отдадим, а? — яс мольбой смотрела в карие глаза подруги. — Это же не тот способ разбогатеть, о котором мы мечтали. К чему нам это?

— Поздно уже. — Тая снова налила себе и выпила, не дожидаясь меня. — Нас теперь просто так в покое не оставят. Теперь мы уже свидетели, а в чем-то еще и соучастники.

— В чем это? — испугалась я. — Слушай, а телефон тут есть?

— Ага. — Тая вышла и вернулась с телефонным аппаратом, подтаскивая за собой длинный черный шнур. — Только проверь, работает ли, не отключили ли за неуплату.

Аппарат уверенно гудел. Я Набрала номер Влада. Трубку сняли после первого же гудка, как будто он держал над телефоном протянутую руку.

— Влад, зачем ты это сделал? — тихо спросила я, — тебе заплатили, да? Тебя запугали?

— Господи, Сена! — заорал он, — где ты?!

— Так я тебе и сказала, — горько усмехнулась я, — поганец!

— Сена, мы тут с ума все сходим, куда вы делись? — захлебывался Влад. — Леня говорит, что с вами что-то ужасное случилось, а мы не можем вас найти! Он уже изнервничался весь!

— Бедненький! — Я налила себе еще водки. — Как исстрадался!

— Не ерничай Сена, он действительно в ужасе, скажи хоть, где ты? С тобой все в порядке?

— Лучше, чем ты думаешь! — со злости я так грохнула трубкой о рычаг, что едва не расколола аппарат.

— И что? — Тая деловито наливала и пила, наливала и пила. — Что он сказал?

— Гадюка злая! Ты была права — он нас и подставляет. Все выкладывает Лене как на духу.

— Вообще бардак!

— И не говорите!

Это сказал кто-то третий. Чей-то хриплый голос прозвучал так

неожиданно, что мы даже не успели испугаться. В дверном проеме стоял Дима и размазывал кровь по своей давно не мытой башке.

— Сволочь, — прошипела Тая, хватаясь за сердце, — ты еще и живой!

Я сидела, прислонившись к этажерке, и только она не давала мне упасть в обморок с удовольствием и навсегда.

«Труп» прошел на кухню, взял мою рюмку и смачно выпил. После этого взгляд ожившего покойника прояснился, сфокусировался на бледной до синевы Тае и внезапно вспыхнул колючей ненавистью.

— Зачем ты сюда опять приперлась?! — зло выкрикнул Дима. — Я же сказал уже, нет у меня ничего! Ничего ты мне не оставляла!

Мыс Таей медленно переглянулись.

— Уходи отсюда! — кипятился Дима. — Чуть не убили меня! Мало, что ли, показалось?!

— Постой, — Тая быстро взяла себя в руки, — когда это я к тебе приходила?

— Да пару часов назад, забыла уже, что ли?! — Он схватил со стола бутылку и метко плеснул водки в мою рюмку. Выпив, перевел дух и снова ненавидяще уставился на Таю.

— Одна приходила или с нею? — подруга кивнула в мою сторону, не обращая внимания на Димину ярость. Он мельком глянул на меня.

— С мужиком ты приходила! — отрезал он. — Может, хватит из меня идиота делать?! Слушайте, убирайтесь обе! Я спать хочу!

— Почему у тебя кровь на голове? — Тая четко гнула свое, не реагируя на возмутительное поведение своего бывшего.

— А ты не помнишь, да?! — Он поискал взглядом свободную табуретку, но их было только две. Я тихонько сползла со своей и забилась между плитой и холодильником. На грязь мне уже было наплевать.

— Дима, расслабься и успокойся, я к тебе не приходила, это была какая-то другая…

— Какая другая?! — передразнил он. — Ты это была!

— Нет, — Тая глубоко вздохнула и потянулась за сигаретной пачкой, — мы влипли в одну очень неприятную историю, у нас в руках оказались очень важные вещи, и теперь кто-то, выдавая себя за меня, обходит моих знакомых, наверняка навестят и приятелей Сены. Пожалуйста, расскажи нам все по порядку, и мы немедленно уйдем, клянусь!

— Дурдом на прогулке! — Дима никак не желал успокаиваться. — Ладно, если вы действительно уйдете, тогда слушайте сказочку,

детишечки!

Господи, неужели он мог когда-то нравиться Тае?! Вот уж где дурдом-то!

— Вы позвонили в дверь, я открыл…

— Стой, а во что я была одета? — Тая стряхивала сигаретный пепел прямо на пол.

Дима задумался на секунду.

— Кажется, в джинсы какие-то, короткую дубленку…

— А волосы? — Коротких дубленок у Таи отродясь не было.

— Что «волосы»?! — Диме не терпелось избавиться от нас, а тут еще приходилось отвечать на идиотские вопросы.

— Собраны? Распущены?

— Распущены!

— А челка была?

— Хватит! Слышишь, хватит издеваться! — Он схватил со стола нашу пачку сигарет, вытряхнул одну, с пятой попытки прикурил. У него довольно сильно тряслись руки и вообще, он выглядел человеком с серьезным нервным расстройством. И мне почему-то стало безумно его жаль: сидит тут один в таком-то свинарнике и явно чувствует себя не в порядке, а тут еще и черт знает что творится. Пока я предавалась этим грустным размышлениям, Тая продолжала допрос. Как выяснилось из куцых и бессвязных Диминых фраз, девушка, выдававшая себя за Таю, довольно бесцеремонно потребовала «отдать то, что она ему приносила на хранение». Дима, естественно, послал ее куда подальше, сказав, что ничего она ему не приносила. После этого спутник девушки, судя по описанию — Леня, вынул из кармана пальто пистолет, врезал рукояткой Диме по лбу и больше он ничего не помнит. Когда очнулся, увидел, что в квартире все перерыто, а на кухне сидим мы и жрем его продукты, кто ж после этого не взбесится?!

— А теперь вы уйдете, наконец, а?!

— Уйдем, не беспокойся, — Тая поднялась из-за стола, — прежде чем истерику закатывать, мог бы выслушать меня спокойно, что ты за человек такой вообще? И запомни, если я к тебе еще раз приду, то это не я, *не я,* потому что я ни за что и никогда… пойдем отсюда, Сена.

Тая выдернула меня из моего укромного убежища и поволокла в прихожую, я едва успела прихватить наши сигареты, досадуя, что так и не пожевала Диминых консервов, есть хотелось зверски. Оказавшись на лестничной площадке. Тая остановилась, она вся кипела от ярости, мне же было как всегда страшно.

— Вот гад! — процедила она. — Он ведь не был таким, не был!

— А дальше что? — Дима Димой, а что делать-то? Ситуация уже не радовала ни с какой стороны.

— А я откуда знаю? — огрызнулась расстроенная подруга.

— Послушай, — я уселась на ступеньку, начхав на последние представления о санитарии, — ты можешь представить Леню, бьющего человека пистолетом по голове?

— Я его видела один раз в жизни, — пожала плечами Тая, — откуда же мне знать?

— Если есть девица, изображающая тебя, то почему не может быть мужика, изображающего Леню?

— Сена, уже третий час утра, я ничего не соображаю, спать хочу, просто с ног валюсь. — Она присела на ступеньку рядом со мною и уронила голову на руки. — Ты права, — ее голос прозвучал глухо и устало, — не надо нам было все это брать, надо было просто сбежать оттуда и все… сейчас сидели бы дома и ни о чем не думали…

— Не уверена, все-таки мы были свидетелями тройного убийства.

— Зато теперь мы соучастники…

На лестнице внизу раздались чьи-то шаги, кто-то медленно поднимался к нам. Стараясь не шуметь, а сделать это на гулкой пустой лестничной клетке крайне сложно, мы поднялись на ноги, прихватили сумку и бросились наверх. Неизвестно, кто там поднимался, запоздалый ли жилец или враги по нашу душу — выяснять не хотелось. Взлетев двумя этажами выше, мы перегнулись через перила и посмотрели вниз. Кажется, поднимались двое мужчин, поднимались молча, не спеша. Остановились они на Димином этаже, чиркнула зажигалка, чуть позже потянуло сигаретным дымом, очень вкусным дымом, со специфическим ароматом… Потом мы услышали характерный неприятный звук — ночные визитеры звонили в Димину дверь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ушли незнакомцы довольно быстро, а мы так и досидели на лестнице до рассвета. Я крепко уснула, привалившись к стене — не раздражало даже близкое соседство с мусоропроводом, и проснулась оттого, что что-то холодное и мокрое ткнулось мне в щеку. Разлепив глаза, я увидела кудрявую пуделячью моську и мальчика с поводком в руке, с интересом разглядывающего нашу живописную скульптурную группу: Тая вообще спала прямо на грязном полу, подложив под

голову сумку.

— Сколько времени, мальчик? — мой голос прозвучал как скрип рассохшейся двери.

— Восемь утра, — охотно ответил он. Пуделек тем временем принялся исследовать Таю, она не реагировала на мокрый нос, тычущийся ей то в лицо, то в шею.

— Спасибо, мальчик.

Я еле-еле поднялась на ноги и немного размялась, потом разбудила Таю. Она сонно жмурилась, зевала, непонимающе глядя по сторонам, а противный мальчик все стоял и рассматривал нас с большим интересом.

— Иди собачку прогуливай! — не выдержала я. — Описается сейчас!

Он нехотя поплелся вниз, то и дело оборачиваясь.

— Здесь в двух шагах есть круглосуточное кафе, — Тая, кряхтя, отряхивала джинсы от подъездной грязи, — пойдем, поедим нормально, кофе попьем.

Я даже застонала в предвкушении. Спустившись на Димин этаж, мы потоптались у дверей его квартиры, но позвонить так и не решились.

Маленькое грязненькое кафе на пять столиков с еще не протрезвевшей и не проспавшейся толком барменшей показалось нам шикарным рестораном, никак не меньше! Понабрав с голодухи всего подряд по списку и присовокупив к этому изобилию по две большие чашки кофе, мы присели за самый уютный столик в углу и минут пятнадцать были полностью поглощены нашим варварским завтраком.

— Надо позвонить твоей соседке. — Я прикончила первую чашку кофе и принялась за вторую, кажется, ничего вкуснее в жизни, чем это варево я не пробовала! — Надо узнать, жива она там? Никто к ней не приходил?

— Надо, — кивнула Тая, — но сейчас еще рано. Слушай, ты будешь доедать картошку?

— Да! — я отодвинула свою тарелку подальше от хищных Тайкиных лап. — Я все доем!

Насытившись, мы закурили и попытались адекватно оценить создавшуюся ситуацию.

— Тая, помнишь, мы прихватили с дачи Аристарха сигареты? На столе лежали, помнишь? У них еще очень специфический вкус и запах, табак явно чем-то ароматизирован, а на пачке надпись, то ли «Анселон», то ли еще как-то.

— Ну?

— Те, кто приходил ночью к Диме, — один из них закурил точно такую же сигарету.

— Подумаешь, — пожала плечами подруга, — мало ли кто такие сигареты курит.

— Не скажи, я все же склоняюсь к мысли, что к Диме приходил тот самый Тенгиз, который сидел за одним столом с Аристархом, тот самый Тенгиз, озабоченный поисками какого-то Шуры.

— Сена, — широко зевнула Тая, — нам-то что за дело до всего этого?

— Как это? — я совсем растерялась.

— А так, — наевшись и напившись кофе, Тая воспряла духом, ее лицо порозовело, а взгляд стал довольным и безмятежным. — У меня есть предложение. Давай поедем к тебе в редакцию, ты напишешь обо всем этом деле подробную статью, уверена, твой шеф просто с песнями тиснет такой материал в ближайший номер. И мы будем в безопасности.

— Не поняла.

Я действительно не поняла!

— К сожалению, пузана втихую стащить не получилось, каким-то образом сопливый свидетель уцелел, вот досада! Поэтому мы берем пузана, высыпаем из него золото и несем в милицию, вот и все. А предварительно заедем к тебе в редакцию. Расскажем об этой истории всем и каждому и тогда будем в безопасности.

И она как ни в чем не бывало принялась доедать салат «оливье».

— Насчет пункта «высыпаем золото» хотелось бы уточнить.

— Ну, никто же не знает, что там было у него внутри, — пожала плечами подруга, — бумажку можем оставить… нет, бумажку тоже заберем. Короче, сдадим милиции всех виновных!

— Мы понятия не имеем, кто и в чем виновен.

— Это не важно, — отмахнулась Тая, — просто расскажем все с самого начала, потребуем охраны…

— Ага, нам так ее и дали! По судам затаскают!

— Пусть лучше затаскают, чем прибьют где-нибудь потихоньку! Ты же видишь, как они оперативно действуют, аж дух захватывает!

— Не знаю. — Я допила свой кофе и решила взять еще. — Мне это все не нравится.

— А что ты предлагаешь?

— Не знаю.

— Вот именно.

В кафе вошли двое мужчин, заказали яичницу, пару пива и присели за столик рядом. Попивая кофе, я машинально рассматривала их. Один крепко сбитый, за тридцать, с короткой черной стрижкой, в дорогой кожаной куртке на меху, вяло ковырялся вилкой в тарелке. Второй, худощавый, светловолосый, с неуловимо подвижным тонким лицом, в куртке похуже, быстрыми глотками цедил пиво и все время смотрел куда-то через плечо своему спутнику.

— О чем ты думаешь? — Тая обеспокоено смотрела на меня.

— Ни о чем, голова совсем пустая, ума не приложу, что делать. Позвони своей соседке для начала.

Тая кивнула и отошла к барной стойке. Похмельная барменша включила телевизор, и я уставилась в экран. Шли новости, я навострила уши — в последнее время это стало моей любимой передачей. На этот раз про Аристарха Аверьяновича ничего не сказали, зато я услышала следующее:

— Продолжаются поиски Бенедиктовой Александры Юрьевны, дочери известного политика, главы промышленного концерна «Бенедикт» Юрия Станиславовича Бенедиктова. — На экране появилась фотография молодой симпатичной девушки с медно-рыжими волосами. — Как мы уже сообщали, Александра Юрьевна была похищена в прошлый вторник из собственного автомобиля, когда возвращалась домой, и до сих пор ее местонахождение неизвестно. Пока похитители не выдвинули никаких требований, в интересах следствия подробности не разглашаются.

Начался следующий репортаж, а я все таращилась на экран. Александра — Шура… Шура — Александра… Вернулась Тая.

— Ты слышала? — прошептала я.

— Конечно, не глухая, — она уселась на свое место, и взгляд подруги остановился на мужчинах за соседним столом. Я тоже посмотрела в их сторону. Они оба, застыв как на картине, сидели и смотрели на телеэкран замороженными взглядами. Навряд ли их так сильно интересовало наводнение в Перу, скорее всего, сообщение о дочке политика и промышленника не оставило их равнодушными.

— Вот скоты, — негромко произнес первый, в дорогой куртке, — все продолжают сообщать!

— Работа у них такая, — пожал плечами второй. — Что-то мы везде опаздываем, тебе не кажется, Тенгиз?

Мы с Таей, как по команде, уставились в свои тарелки и принялись тщательно выгребать вилками остатки еды. Затылок и ладони мгновенно вспотели, и невидимые иголочки принялись противно

покалывать кожу. От Тенгиза и его спутника мы были на расстоянии вытянутой руки и отлично слышали каждое слово.

— Кажется, — Тенгиз отправил в рот кусок яичницы, — не пойму только, кто у этого хмыря до нас побывал? Прямо целая толпа, с интервалом в три минуты.

— Ну, со вторыми-то он водку пил — ясно. Вернее, со вторым, рюмок же две.

— Слава, рюмки не показатель, народу могло быть сколько угодно.

— Может, надо было его вытащить из ванной и поговорить как следует?

— И так все ясно, у него уже побывали все, кто мог, то-то он в такой истерике бился.

Мы с Таей быстро переглянулись, и она принялась деловито возить хлебным мякишем в тарелке.

— Как Юрий Станиславович себя чувствует? — Слава допил пиво и аккуратно, будто боялся помять клеенку на столе, поставил бокал.

— Неважно. — Тенгиз вытащил из кармана куртки пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, и в воздухе разлился знакомый аромат. — Препарат заканчивается, Аристарх мертв, кроме него никто формулы не знал. Вот ведь сучара! — в спокойном голосе Тенгиза прозвучала ярость. — Я ж знал, что он говнюет в сторону, что стучит Боровику, а доказать Юре не успел! А он все: «Аристарх мне жизнь спасает, меня б уж не было давно! Как ты можешь плохо думать о таком кристальном человеке!»

— Ага, а компоненты для лекарства сам готовил, — поддакнул Слава, — брехал, что никому не доверяет такой сложный процесс. Хотел, чтоб Юрий Станиславович всю жизнь от него зависел!

— Да что теперь говорить? — Тенгиз с досадой затушил сигарету в пепельницу. — И формула должна быть где-то и компоненты. Опередить бы людей Боровика..

— А мы, как ишаки, везде опаздываем, — вздохнул Слава и посмотрел на часы. — Все, время уже, пойдем.

Они поднялись и быстро вышли из кафе.

— Тая, они ушли, хватит хлебом елозить! — я вся горела и не понимала, почему мы сидим здесь, а не бежим вслед за Тенгизом и Славой. — Пойдем за ними!

— Зачем это? — Тая бросила Измочаленный мякиш в пепельницу.

— Ты что, ничего не слышала? У нас же есть…

— Я знаю, что у нас есть, и все прекрасно слышала, но никуда мы не пойдем.

— С меня хватит! — я вскочила на ноги. — Мне кажется, я тебя никогда не знала! Я не знала, что ты за человек на самом деле!

Я выбежала из кафе и огляделась. Тенгиза со Славой уже не было.

Не торопясь, вслед за мной вышла Тая.

— Теперь успокойся и послушай меня, — сказала она. — Твои порывы благородства прекрасны, но рассуди здраво — мы не просто хранители «священной формулы», мы свидетели. Мало того, ненужные для всех лишние свидетели. Если народ направо и налево крошит и похищает таких известных и богатых людей, то кто мы для них такие, а? Есть одна замечательная фраза: «Кто узнает о том, что ты умер, если никто не знал, что ты жил?» Сена, от нас избавятся в любом случае.

— Так что же делать? — я малость поостыла.

— Мы можем снять пару копий с этой злосчастной бумажки и отправить одну из них письмом господину Бенедиктову, а сами уедем на время, пока все не утрясется.

— Куда?

— К моему потенциальному жениху, в деревню Кузяево.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мы подошли к автобусной остановке.

— Кстати, — вспомнила я, — ты так и не сказала, что там твоя соседка?

— Потому и не сказала, что хотела время оттянуть. — Тая присела на край грязнючей скамеечки и вытянула ноги.

— Что такое? — прошептала я, мгновенно лишившись голоса.

— Дело в том, что сумку она мне отдала сегодня утром.

— Как так? — тупела я с каждой минутой.

— Я пришла к Марье Степановне, она отдала мне сумку с пузаном, что тут непонятного? Вот видишь, теперь мы свободны, как ветер, дорогая, и ничем не отягчены, как совесть младенца. Ты счастлива?

Я молчала, переваривая.

— У тебя еще сигареты остались? — Тая с отвращением посмотрела по сторонам на шумную, грязную, суетливую и нищую жизнь.

— Да, Тенгизовы, — я медленно полезла в карман.

Внезапно, из общего потока машин вырвалось одно авто и, визжа покрышками, притормозило рядом с нами. Мы с Таей даже не пошевелились, продолжая апатично созерцать мир, меня же, после

такой неприятной новости, вообще перестала интересовать вся эта дурацкая история. Из машины выскочил Леня и бросился к нам с похвальной скоростью и с непередаваемым выражением на лице.

— Сена! Тая! — он пребольно схватил меня за плечо. — Глазам своим не верю! Неужели я вас наконец-то нашел?! Скорее, пойдемте в машину, здесь вам оставаться небезопасно!

Мы молча поплелись за ним. В машине, на заднем сиденье, мы увидели Влада собственной персоной. Мы втиснулись туда же, Леня расположился впереди, а на водительском месте сидел и чихал совершенно неизвестный нам субъект, не имеющий ничего общего с сопливым с дачи Аристарха. Я просто ошиблась… эпидемия гриппа, только и всего. Машина тронулась с места, Леня и Влад что-то говорили одновременно, но у меня не было никакого желания слушать их трепотню. На душе было гадко, в желудке тошнилось после помоечного кофе.

— Ну надо же! — ликовал Леня, — подумать только, проезжаем, смотрим — вы! Я даже глазам не поверил, честное слово!

— Послушайте, вы можете, наконец, рассказать, что это все такое было? — недружелюбно проворчала Тая.

— Конечно, дорогие мои, — охотно откликнулся Леня, — но прошу вас, поверьте, у меня даже в мыслях не было, что вы хоть как-то окажетесь причастны к этой м-м-м… истории. Я так перепугался, когда вы исчезли из дома, просто места себе не находил.

Тая шумно и многозначительно вздохнула.

— Так вот, — приблизился к теме Леня, — дело в следующем: у меня есть брат…

— Двоюродный, — подсказала Тая.

— Да, — Леня, казалось, не обратил особого внимания на такую осведомленность, — у него свой бизнес, у меня свой, но мы вынуждены, как говорится, принимать участие в делах друг друга, сами понимаете — родственники. У моего брата, кстати, зовут его Вадим, давние и мучительные разногласия с одним очень известным и влиятельным человеком…

— Бенедиктовым, — вставила подруга.

— Ну надо же! — Леня обернулся и улыбнулся, — Совершенно верно! С Бенедиктовым! В последнее время эти разногласия дошли до своего апогея, и стороны пошли на крайние меры.

— Ваш браток украл дочку Бенедиктова, — снова влезла Тая, — за границей, между прочим, за киднеппинг пожизненное дают!

— Да, — кивнул Леня, — хорошо жить за границей. Может, не

стоит дальше рассказывать, раз вы сами все знаете?

— Продолжай, пожалуйста, — сказала я и наступила на ногу Тае.

— Бенедиктов очень болен, — Леня приоткрыл окно и закурил, — у него лейкемия, и он это тщательно скрывает. Чувствовать себя в порядке ему успешно помогал некий Семашко, в гостях у которого вы, судя по всему, побывали. Семашко — выдающийся ученый, создал препарат нового поколения — ливасол, на несколько порядков эффективнее борющийся с лейкемией, нежели все остальные. Формулу этого способного совершить революцию на фармацевтическом рынке препарата, он держал в строжайшем секрете, все компоненты изготовлял сам. Семашко знал, что, покуда ему одному известен рецепт ливасола, он имеет громадное влияние на Бенедиктова. Патологически жадный и тщеславный Семашко никак не мог удовлетвориться властью над больным человеком и средствами, которые, не считая, отсыпал ему Бенедиктов, он стал еще и добровольным соглядатаем в доме и в офисе Бенедиктова. За нескончаемый поток информации мой брат ему тоже очень неплохо проплачивал. Разумеется, Бенедиктов мог заподозрить в шпионаже кого угодно, даже собственную дочь, но только не своего ангела-спасителя.

Разумеется, сотрудничая с Семашко, Вадим преследовал еще одну, пожалуй, самую главную цель — ему нужна была формула ливасола, мало того, что это огромные деньги, это еще и сам Бенедиктов со своим концерном в придачу. Скорее всего, Вадим дожал бы Семашко, но ему совершенно случайно стало известно, что этот одуревший от собственной борзости «аптекарь», собирает компромат и на него самого. Вадим очень рассердился и отдал приказ убрать Семашко, но предварительно выяснить, где он держит ингредиенты и формулу ливасола. В голове формулу он никак не мог держать — память у Аверьяныча всю жизнь была стариковской. Зная, что Семашко на даче, а это очень было кстати, места там сами знаете какие глухие, ребятки поехали к нему, но у Семашко, как назло, гостевал женишок Шуры Бенедиктовой, по совместительству — начальник безопасности концерна. Ребятки оказались в глупой ситуации, допрашивать Семашко было уже некогда, поэтому они просто перестреляли всех, кто там был, к сожалению, за исключением женишка. Глупо, конечно, но что взять с растерявшихся ребяток? Женишок-то никак не планировался. Тенгиз умудрился уйти, ранив обоих, но, слава богу, не сильно. Вернувшись к машине, ребятки подумали немного, решили вернуться и как следует обыскать дачу, в надежде найти тайник. Увы,

безрезультатно. Расстроились, позвонили Вадиму. Узнав, что мальчики так опростоволосились, он подъехал на дачу самостоятельно, он бывал там неоднократно. У Вадима фотографическая память, это ему очень помогало в жизни, и он сразу же заметил, чего именно не хватает в интерьере. Разумно было предположить, что большая статуя — полая, и является тем самым тайником. Тенгиз ее забрать не мог, он уходил с пустыми руками, ответ напрашивался сам собой — забрал ее тот, кто сидел на чердаке. А я знал, кто там сидел, потому что люди Бенедиктова уже успели мне сообщить, что «моя жена, вместе со своей подругой находятся у них». Смех, да и только. Пришлось все силы бросить на ваши поиски, девочки, в этом нам очень помог Влад.

— Мне Леонид Петрович совсем другую историю рассказал, — подал голос Влад, — сказал, что вы в беду попали… я помочь хотел…

Вид у Влада был самым разнесчастным, и мне от всей души стало жаль нашего простофилю внештатника.

— А кто это вместо меня по моим знакомым ходит? — подала голос Тайка.

— А, — махнул рукой Леня, — у Вадима целая команда имитаторов, проще простого.

— А как вы догадались, что тайник у моей соседки? — мне казалось, что еще немного, и она заплачет.

— Как говорится, методом научного тыка, — не без гордости ответил Леня, и я могла предположить, что научно «тыкал» именно он, — ему просто негде было больше быть.

— Вы хоть старушку-то пистолетом по голове не били? — Тая с отвращением смотрела на Ленин затылок.

— Ну, что ты, зачем? Она добровольно и с радостью отдала нам сумку.

— Сена, дай мне, наконец, сигарету!

Я выковорила из кармана пачку, зажигалку и протянула подруге. Самой даже курить не хотелось. Интересно, куда мы едем? Только я хотела задать этот вопрос, как Леня подпрыгнул, обернулся, повел носом и уставился на прикурившую Таю.

— Ну, что еще не слава богу? — хмуро поинтересовалась она, выпуская дым Лене в лицо.

— Откуда у вас эти сигареты?!

— Тенгизик угостил! — Тая с наслаждением затянулась и выдохнула целое облако ароматного дыма, в упор глядя на Леонида.

Запиликал Ленин сотовый. Продолжая сидеть все в той же

неудобной позе, глядя на Таю, он вытащил аппарат из кармана своего пальто и рявкнул:

— Слушаю!

В следующий момент мы имели возможность наблюдать, как удивительно быстро может меняться цвет человеческого лица.

— К-как… пу-пу… — прохрипел в трубку Леня, — не мо-мо… Мы едем к Ваде, подъезжайте!

Он уселся нормально и рявкнул водиле:

— К Вадиму!

Машина резко свернула.

— Плохие новости? — полюбопытствовала подруга, курила она издевательски медленно, дабы ароматизированный дым как можно дольше озонировал салон автомобиля.

— Да, — отрезал Леня. — Хотел я вас домой отвезти, да видать — не судьба, будем еще общаться.

— Ав чем дело? — я и не надеялась, что он везет нас домой, дабы отпустить по добру по здорову, но узнав, что теперь домой мы точно не попадем, расстроилась.

— Будем выяснять, куда вы подевали содержимое тайника! — процедил Леня.

— В каком смысле? — растерялась Тая.

— В прямом! Скульптура пустая!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Мы с Таей молчали, наверное, минут пять, осознавая услышанное.

— Совсем пустая? — подала, наконец, голос подруга. — Пузан пустой?

— Да! — голос Лени был таким злым… Я попыталась представить его лицо в этот момент и… не смогла. Перед глазами упорно маячил мой веселый добрый Леня. Глаза защипало.

— Но этого не может быть! — видать Тая успела свыкнуться с мыслью о потере кубышки, да и домой ей наверняка хотелось не меньше моего. — Мы отдали соседке все в целости и сохранности!

— А, значит, внутрь вы заглядывали? — немного оживился и обернулся к нам Леня. Ну, кто же мою дуньку все время за язык-то тянет?!

— Ну-у-у… — неопределенно промычала подруга и зачем-то посмотрела на Влада. Тот разглядывал свои руки.

— Значит, заглядывали! И что ж там было?

— Листок с формулой, — нехотя ответила подруга.

— И все?

— Ну, и еще кое-что.

— Что именно?!!

— Не скажу! — Тая снова злорадно закурила.

— Ну-ну, — хмыкнул Леня и отвернулся, но молчал он недолго. — Что там было, девочки? — голос его прозвучал тихо и устало. — Это очень важно. Там должны были быть ингредиенты лекарства, должны… обязаны!

— Не было там никаких ингредиентов, — уверенно произнесла подруга, — формула была, и больше ничего. А соседка моя жива?

— Да что с ней сделается, со старой мухомориной! — досадливо передернул плечом Леня.

Наконец машина затормозила. Я выглянула в окно. Стояли мы у милого двухэтажного особнячка, где-то в центре города, хотя, у такого городища, как Москва, трудно разобраться, где центр, такое чувство, что он повсюду. Выкрашенный в светло-бежевый цвет особнячок имел вполне мирную вывеску: «Издательский дом «Глаголь».

— Прошу всех выходить, — изо всех сил вежливо изрек Леня и полез из машины. Чихающий водитель остался в машине, а мы вместе

с понуро-хмурым Владом последовали за Леней. Издательский дом «Глаголь» абсолютно ничем не отличался от своих собратьев, и в душе у меня шевельнулась робкая надежда на то, что сейчас мы, как цивилизованные люди, обсудим с Вадиком создавшуюся ситуацию, проясним все непроясненное и отправимся домой, хоть и нищие по-прежнему, но живые и здоровые.

Остановившись у солидной двери с табличкой, гласившей: «Главный редактор Кочетков М. Ю.», Леня толкнул дверь и вошел внутрь. Кабинет был пуст.

— Присаживайтесь, — кивнул он на стоявшие вдоль стены стулья, а сам принялся расхаживать от двери к окну. Вскоре в кабинет вошел высокий подтянутый господин, я почему-то сразу поняла, что это и есть Ленин брат, хотя внешнего сходства меж ними не было практически никакого.

— Вот, Вадь, — Леня устало махнул рукой в нашу сторону, — я сделал все, что мог.

— Угу, — Вадя мельком взглянул на нас спокойными светло-карими глазами и развернулся к Лене. — Точно пустой?

— Твои же звонили, — пожал плечами Леонид. — А они не могли взять?

Вадим отрицательно качнул головой.

— Мы тоже не брали! — выпалила Тая. — Клянусь вам!

Вадя снова мельком глянул в нашу сторону, но этого мимолетного взгляда хватило на то, клясться в чем бы то ни было нам сразу же расхотелось, причем всем троим.

— А что старуха?

— А ничего, — развел руками Леонид, — в ее отсутствие всю квартиру вверх дном перевернули — ничего, разумеется, нет.

Вадим молчал с добрых полминуты. Было видно, что этот человек очень устал, долго не спал… и вообще, что-то мне всех было жалко, уж не признак ли это нервного расстройства?

— Подумать надо, — изрек Вадим, — а этих вниз пока давай, потом порешаем.

Таино лицо вытянулось, а я хоть и вздрогнула, но спокойствие сохранила. В кипах дурацких писем, приходивших в нашу редакцию, малограмотные читатели желтушной прессы, зачастую вместо слова «решим» использовали «порешаем». Хотелось надеяться…

Вадим остался в кабинете, а мы, в сопровождении Леонида, вышли в коридор и направились почему-то в противоположную от лестницы сторону. В конце коридора Леня свернул в совершенно неприметный

крошечный закуток и спустился на ступеньку вниз. Последовав его примеру, мы оказались перед лифтом. Его дверь сразу же открылась, мы втиснулись в тесную кабину, и Леня нажал одну-единственную кнопку на панели. Ехали молча, Тая все время сверлила взглядом эту одну-единственную кнопку и ее глаза постепенно снова начали походить на глаза нервного оборотня.

Кабина мягко остановилась, дверь открылась, и нашим взорам предстали складские помещения, заваленные ящиками, коробками и упаковками с отпечатанными книгами. Петляли мы по этим, тоже вполне мирным, подвалам довольно долго, затем Леня остановился у совершенно ровной, выкрашенной масляной краской стены, наклонился к плинтусу (зачем в подвале плинтуса?), и в стене вдруг раскрылась узкая дверь. После тайника в пузане, без единого зазора, мы с Таей не удивились, Влад же, казалось, вообще ни на что не реагировал и двигался как сомнамбула. Леня по очереди впихнул нас всех в дверной проем и следом протиснулся сам. Мы снова оказались на лестнице, но на этот раз стали подниматься наверх, Поднимались до тех пор, пока не уперлись в железную дверь. Леня открыл ее и приглашающе махнул рукой. Войдя внутрь, я застыла, раскрыв рот. Передо мной была самая настоящая тюрьма на восемь камер, частная тюрьма в центре Москвы! Камеры были сделаны по западному образцу — двери не глухие, а сплошь из решеток.

— Идемте, — Леня деловито направился вглубь по проходу между камерами. Проходя, я заметила в одной из них рыжеволосую девушку, без движения сидящую на кровати. Бедная Шура Бенедиктова, сколько же она тут мается?

Леня не стал нас рассовывать по разным клеткам, запихнул всех в одну, запер дверь и, пробормотав нечто вроде: «Мне на самом деле жаль, но вы же должны понять», удалился. Как только стихли его шаги, Тая набросилась на Влада с кулаками. Чтобы она и меня случайно не задела, я отошла к входной решетке с проемом для тарелки с едой и попыталась рассмотреть камеру Шуры. Просматривалась она плохо.

— Гад! Сволочь! Иуда! — раздавалось за моей спиной и сопровождалось то увесистыми тумаками, то звонкими пощечинами. Влад молча сносил не совсем заслуженную экзекуцию.

— Шура! — свистящим шепотом произнесла я и огляделась, не появился ли какой-нибудь надсмотрщик. Никого.

— Шура! — уже громче крикнула я. — Бенедиктова! Да заткнитесь вы! — обернулась я к остальным заключенным. Тая перестала

дубасить Влада и замерла, тяжело дыша. Влад сразу же ретировался на единственную в камере кровать и засел в самый дальний угол. — Шура! — снова крикнула я. — Шура, ты меня слышишь?!

— Слышу, — в дальней камере мелькнул рыжий всполох. — Вы кто?

— Твои друзья! И, так сказать, товарищи по несчастью!

— Мы знаем Тенгиза! — подскочила к решетке Тая. — Он твой жених, да?

— Прекрати! — я отпихнула ее к стене. — Ничего мы его не знаем, хватит врать! И не твое дело…

— Когда вы его видели?! — голос Шуры прозвучал ужасающе громко, и я подумала, что сейчас сюда точно сбежится народ. — Он жив?! Как папа?! С ним все в порядке?!!

— Да! — ответила я и показала Тае кулак. — Все хорошо! Надо подумать, как отсюда выбраться! Ты, главное, успокойся и расскажи, как тут и что!

Из довольно путаного и бестолкового Шуриного рассказа я уяснила, что четыре раза приходит один и тот же мужик — три раза в день он приносит еду, а в четвертый раз, самый поздний, меняет ведро, заменяющее парашу. И больше она никого не видела, сюда ее привезли с завязанными глазами, так что она даже не знает, где находится.

— Мы в подвале издательского дома «Глаголь»! — не выдержала Тая, так долго молчать — это не для нее!

— Где?! — Видать Шура так сильно изумилась, что из ее голоса мгновенно исчезли все истероидные ноты. — Мы в «Глаголе»?!!

— Да, — удивилась я, — а что?

— Год назад это пыльное издательство моему отцу принадлежало, а потом он его продал!

Я тихонько присвистнула. На месте Бенедиктова я б не догадалась искать дочь в бывшей собственности, тем более не предположила бы, что за сооружение размещается теперь в подвалах. А вот на месте Тенгиза…

— Шура! А Тенгиз знает, кому продали издательство?

— Не знаю… — Шура помедлила и добавила уверенно: — Не знаю!

— Понятно.

Я призадумалась. Тая, присела у стены на корточки и тоже напряженно думала.

— Тай, Сен, — подал жалобный голос Влад, — ну, простите меня,

я же не знал! Я правда не знал! Если бы я знал…

— «Знал-не знал»! — передразнила Тая, — теперь-то что?!

— Предлагаю объявить перемирие в джунглях, — вздохнула я, — на время, так сказать, водопоя. Забудем все распри и направим свои духовные и физические силы на освобождение из плена.

— Ты проповедник? — хмыкнул Шурин голос.

— Да. Пожалуй, мне пора в монастырь сестер Августинок. — Ноги устали, и я присела на край кровати, застеленной тонким казенным покрывалом.

— Что это еще за Августинки? — заинтересовалась Тая.

— Да так, слышала по телевизору… в другой жизни!

Страшно хотелось в туалет, но исполнить это в жестяное ведро на виду и на слуху, пусть даже друзей, было выше моих сил. Влад сполз с кровати и принялся тщательно исследовать глухую стену камеры.

— И что ты собираешься там найти, Монте-Кристо хренов?! — незамедлительно изрекла Тая. — Подземный ход на Сицилию?!

— Почему на Сицилию? — Влад тщательно ощупывал стену.

— Так, к слову пришлось!

— Тая, прекрати его цеплять! — рассердилась я. — Не время, в самом деле!

— Ладно уж… — недовольно буркнула она, отлепляясь от стены и присаживаясь на кровать.

— Эй, вы где? — крикнула Шура.

— Здесь, где же еще, — машинально ответила я. И тут меня одолела мысль. Я сорвалась с места, подбежала к решетке и буквально просунула голову меж прутьев.

— Шура! — заголосила я, чихая на возможность подслушивающих гадов, — ты хорошо это здание знала?!

— Достаточно!

— А что было или могло быть на месте этой тюряги?!

Долгое молчание Шуры уже было почти обнадеживающим, но она выкрикнув: «Понятия не имею! Я ж по подвалам не шаталась!» — разрушила она мои надежды.

— А еду когда принести должны? — Тая брезгливо потрогала пальцем одеяло.

— Часов у меня нет! Время не засекала!

Насколько я помнила по фото в новостях, Шура выглядела такой милой девушкой, а по разговору — типичная богатая крыска! Я б на ее месте рада была бы до смерти, что судьба послала ей в соседнюю камеру дружески настроенных союзников, а она еще и огрызается!

Тем временем Влад, обследовав добрую часть камеры, присел в уголок на корточки, рядом с Таей он не рискнул приземлиться. Усевшись в углу, Влад облокотился о стену, и вдруг провалился куда-то внутрь. Посыпались куски штукатурки, еще чего-то… и тишина. Как тени бесплотные молча и бесшумно метнулись мы с Таей к нему и, наступая на лежащего навзничь Влада, залезли в образовавшийся пролом. И лицом к лицу столкнулись с группой каких-то мужчин со странными приборами в руках.

— Там еще кто-нибудь есть? — не давая нам опомниться, спросил темноволосый дядька с какой-то плоской круглой пилой в руке.

— Шура в другой камере, — отрапортовала присыпанная известкой голова Влада, — а наши все тут.

— Угу, — дядька посторонился, и бравы молодцы в две секунды извлекли нашу компанию из провала. Я глянула вокруг, очевидно, мы были в каком-то гараже, чья стенка была частью стены нашей тюрьмы. Пока мы хлопали глазами и чихали, плюясь известкой, мужички принялись деловито, слаженно и практически бесшумно пропиливать и проковыривать проломленную стену, расширяя дыру. Дверь гаража приоткрылась, и к нам заглянул молодой паренек в страшном тренировочном костюме.

— Гена, — быстро сказал дядька с пилой, — увози-ка этих поскорее.

— А откуда они… — паренек удивленно смотрел на нашу пыльную группу.

— От верблюда! — рявкнул дядька. — Увози!

— А куда? — парень был так растерян, мне его было так жалко…

— Туда!!!

И паренек его сразу понял.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Гена вытолкал нас на свет божий, и мы увидели, что находимся явно в каком-то гаражном кооперативе, с подземными и наземными боксами, но осмотреться нам толком не дали. Паренек засунул нас на заднее сиденье паршивенького «москвичонка», сам прыгнул на переднее, а водитель, даже не обернувшись в нашу сторону, спросил:

— Куда?

— На южку, — ответил паренек, и в моей душе всколыхнулась робкая надежда на то, что едем мы к метро «Южная», где жила Тая. Машина тронулась, он обернулся к нам и доброжелательно спросил:

— Курите, ребята?

— Да! — рявкнули все мы трое.

— Меня Геной зовут, — паренек протянул нам пачку «LM». — А кто из вас, извините, Тая?

— Я! — незамедлительно вякнула я, дабы отвести беду от подруги, ведь взяла же она на себя роль жены Кишлакова! По недоразумению, конечно, но все же…

— Да я это, я, — отмахнулась от меня подруга и прикурила, — что там еще?

— Ой, как здорово с вами познакомиться, — обрадовался Гена, — нам Мария Степановна столько о вас рассказывала…

— Кто?! — так возопили мы с Таей, что Влад подавился сигаретным дымом.

— Мария Степановна, — охотно повторил Гена, ваша, Таисья Михайловна, соседка.

— А вы-то ее откуда знаете? — подруга деловито стряхивала пепел мне на джинсы. — И что вообще происходит? Лучше сразу и по порядку, а то мы и так уже на грани!

— Конечно, — кивнул паренек и уселся поудобнее, одним глазом глядя на дорогу, другим на нас. — Когда вы принесли Марии Степановне свою сумку, она сразу поняла, что у вас какие-то неприятности, а она вас очень уважает, вы знаете?

— Да, — кивнула я вместо подруги.

— А после к ней заявилась девица, выдававшая себя за вас, — продолжил Гена, — она ей сумку-то отдала, но тут же позвонила своему сыну…

— В Кузяево? — растеряно брякнула я.

— Почему? — он удивленно покосился на меня. — Нет, в Кузяево дача Марии Степановны, а сын ее на Проспекте Мира живет, да вы его видели только что!

— Кто-то из людей в гараже? — Я думала, Тая и сигарету свою о мою коленку загасит, но она все же додумалась выбросить ее в приоткрытое окно.

— Ну да, Алексей Сергеевич… ну, с пилой, помните?

Мы кивнули.

— Он в урозыске работает, — пояснил Гена, — замечательный человек! Он ведет дело о похищении Саши Бенедиктовой и, честно признаться, не думал, не гадал, что мамина просьба «помочь замечательной девочке, с которой что-то ужасное произошло», приведет именно к Саше.

— А… как? Э-э-э… — Есть хотелось невыносимо, еще бы я. с удовольствием распила бутылочку «Хванчкары»…

— Проследили, — ответил на все незаданные вопросы Гена. — Сначала только для того, чтобы удостовериться, что с вами ничего не произошло, а потом выяснили, что что-то действительно скверное случилось. А потом…

— Потом мы сами знаем, — Тая откинулась на спинку и закурила. — Куда на этот раз везете?

— К вам домой, Таисья Михайловна, куда же еще?

— Как?! — изумилась Тая. — Без охраны?! Да как вы…

— Не беспокойтесь, пока мы доедем к вам, беспокоить вас уже будет некому, не волнуйтесь.

— И по судам не затаскают? — не могла не спросить я.

— А за что? — удивился Гена.

— А почему вы в таком виде, если из милиции? — ожил, наконец, Влад.

— «Мужика из гаража» изображал, — усмехнулся Гена, — пришлось так нарядиться.

Я смотрела на его стриженый затылок с тонкой, пацанячьей шеей… такой молоденький и уже на такой работе… Мне так стало его жалко… не пора ли мне в дурдом?

Машина остановилась у Тайкиного дома. Гена поднялся вместе с нами и первым делом позвонил в соседкину квартиру. Дверь немедленно распахнулась, и на пороге возникла сухощавая, подтянутая Марья Степановна.

— А, Геночка, здравствуй, — быстро улыбнулась она острой улыбочкой и вперила колючий взгляд в Таю. Через секунду Марья Степановна улыбнулась тепло и живо. — Таечка, детка, слава богу, все с тобой хорошо! Проходите, проходите, — она посторонилась, — быстренько!

Гена, как послушный школяр, протопал в прихожую, мы, как обычно — молча и следом.

Квартира Марии Степановны потрясла мое воображение — это был самый настоящий музей, поставленный на самую современную сигнализацию, а я еще внимания не обратила, когда Тайка сказала, что Марья вдова крупнейшего коллекционера антиквариата в стране… Пока я таращилась по сторонам, накрыли круглый старинный столик в центре большой комнаты, и я подумала, что такой Марье Степановне с таким интерьером надо обитать в сталинском доме, а не в…

— Кто как, а я предпочитаю виски! — изрекла Марья Степановна.

Я очнулась и сфокусировала взгляд. Из книжного секретера, приспособленного под бар, старушка извлекла большую бутылку «Черной лошади». — Если кому чего другого, то сами берите! — она кивнула на секретер. — Лед в холодильнике!

— Марья Степановна, — мялся Гена, — вы простите, мне ехать надо, там операция в самом разгаре.

— Езжай, касатик, — она поставила бутыль в центр стола, — смотрите, аккуратнее с этими сявками! Чтоб их нечистый оприходовал! Девоньки, ну что вы там застыли?

Тая смотрела на свою соседку, разинув рот.

— Можно я после зайду, Марья Степановна? — Гена с обожанием смотрел на старушку.

— Конечно, касатик, — кивнула она, деловито разливая по толстокожим турецким стаканам напиток, — и передай сынку со всем его отделом, чтобы «Rad Lable» больше мне не носили, дрянь, а не виски!

— Хорошо, Марья Степановна!

Гена улетучился, а мы присели за стол. Тая попыталась что-то сказать, но хозяйка ее остановила:

— Выпейте-ка, ребятоньки для начала, вот, лимончики с солью, закусите. Они, правда, под текилу хорошо идут, но и сейчас неплохо будет.

Мы молча повиновались, на самом деле, все пошло прекрасно.

Когда мы более-менее пришли в себя и очухались, Тая снова принялась расспрашивать соседку:

— Марья Степановна, а как вы догадались, что это не я к вам приходила?

— Таюшка, — старушка по-беличьи погрызла дольку соленого лимона, — я же профессиональный художник-портретист…

Глядя на изумленное лицо Таи, я поняла, что с соседями надо дружить близко и плотно.

— Ты уж прости мое старушечье любопытство, но заглянула я в твою сумку, не утерпела! — Марья Степановна щедро плеснула в стаканы виски.

— Да ладно, чего уж там, — махнула рукой Тая, — теперь-то что…

— Ох, ну ничего не понимает эта молодежь! — старушка покачала головой, поднялась из-за стола, вышла из комнаты и вернулась с Тайкиной клетчатой сумкой. — Вот твое имущество! — с гордостью изрекла старушка. — Мне можно доверять! Все всегда в целости будет!

Мы с Таей переглянулись. Спотыкаясь и падая, мы кинулись к сумке, раскурочили ее и… увидели глумливую улыбочку пузана, с которым уже всяко распрощались.

— А что же вы отдали мнимой Тае? — поинтересовался совершенно пришедший в себя после выпитого Влад.

— Такую же точно статую, — довольно улыбнулась Марья Степановна, — их вообще только три в СССР, одна была у моего Стешеньки, вторую я в вашей сумке увидала. Вот и подменила от греха подальше, когда эта, что Таечку изображала, пожаловала.

Я уж не стала на глазах у старушки дергать пузана за хозяйство, чтобы удостовериться, что все сокровища в сохранности — он был достаточно тяжел… достаточно!

Сидя на ковре и прижимая к груди уродца, Тая удивительно чувственным голосом пролаяла:

— Марья! Степанна! Вы! Вы… Марья Степан…

И я твердо решила: завтра же покупаю торт и отправляюсь налаживать отношения со своей соседкой-пираньей… Завтра же! Лучше прямо сегодня! Нет, сейчас!!!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— А кто ж в моей квартире сидит? — вспомнила я, наконец, и о своем бедном песике. — Там кто-то есть!

— Это одноклассник мой, — сказал Влад, как следует приценившись к остаткам виски. — Когда мы уезжали из твоей хатки… кстати, Сена, у тебя в квартире все так отремонтировано! — то попросил своего приятеля присмотреть и за хаткой, и за песиком. Его как раз жена опять выгнала из дома, так он с восторгом согласился, до сих пор у тебя! Он с собаками никогда не общался, так чтобы не напортить, гуляет с ним раз по шесть на день и кормит… все время…

— О! — взвыла я, — нельзя же так!!! Испортит мне Лаврика!!!

— Сейчас к тебе поедем, — тихо икнула Тая, копаясь в секретере Марьи Петровны. Старушка тем временем что-то готовила для нас на кухне. Тая извлекла бутылку мартини, и я подумала, что этим стоит запить виски. Тая щедро налила нам вина и полезла к пузану.

— Я не смогу успокоиться, пока не убедюсь… не убеждусь…

— Вскрывай! — я присоединилась к ней. Тая в остервенении принялась дергать выдающуюся часть статуи, а Влад, попивая мартини, с интересом за нами наблюдал. Вскрыв тайник, подруга запустила внутрь руку и вытащила пригоршню драгоценных буках,

сверху сиял скорпион.

— Ох… ты! — изрек Влад и пролил себе на штаны мартини. — Вау!

Он схватил скорпиона и завертел в руках.

— Золото, что ли?

— Отдай, дурак!

Не успела Тая выхватить жука у Влада, как вдруг бриллиантовая спина скорпиона подалась в сторону под пальцами Влада, и на ковровую дорожку посыпался какой-то желтоватый порошок.

— Ливасол! — крикнули мы с Таей одновременно и подставили ладони под драгоценную струйку.

Собрав все до крупицы на чистый листок бумаги, мы перевели дух.

— Пожалуй… — начала Тая.

— Пожалуй, да, — кивнула я, — ты права, передадим формулу и порошок Бенедиктову! И не надо так на меня смотреть, Тая! Я же сказала: формулу и порошок!

— Да? — расцвела подруга, прижимая к себе пузана с золотом. — Я согласна!

— А вы уверены, что это все золотое? — сказал Влад, рассматривая жучка скарабея, — что-то не похоже… Чья-то коллекция, да?

— Еда готова! — Мария Степановна внесла поднос с дымящейся вкуснятиной.

— Что это? — сладострастно принюхалась я. — Пахнет так божественно!

— Картошка с обжаренной кровяной колбаской, — Марья Степановна поставила явство на стол. — Однажды мы со Стешенькой были в Китае, зашли в ресторан, и нам предложили фирменное блюдо — суп из птичьих гнезд, звучало это так красиво, что мы заказали. А потом выяснилось, что это — слюна каких-то чаек… короче, не к столу будет сказано, ребятоньки! Так я и затребовала тогда что-нибудь получше, породнее, и принесли нам вот такую вот картошечку. Я в нее на всю жизнь и влюбилась! Ну? Что ж вы, ребятки, замерли? Стынет же вкуснятинка!

Олег МАКУШКИН

ЦЕНИТЕЛИ КРАСОТЫ

Нежные лепестки белых роз дышали влагой и свежестью, прозрачные капли застыли на складках цветочных венчиков. Бархатные на ощупь, розовощекие персики лежали на блюде дымчатого стекла, согревая своей мягкой ворсистой шкуркой его льдистую поверхность. Блюдо и ваза с розами стояли на маленьком столике с изогнутыми ножками, эбеновую поверхность которого украшала инкрустация из багряно-красной яшмы и густого, как мед, янтаря. Дополняли композицию два хрустальных фужера, наполненные прозрачным, но таящим в себе золотую искру южного солнца белым вином из авиньонской лозы.

Кардинал очень любил этот столик. Каждый день его слуга по-новому расставлял неизменные букет роз, вазу с персиками и бокалы с «Шато д'Орей», меняя форму, но не содержание безупречной композиции, столь изысканно совмещавшей в себе элегантность вкуса, цвета и запаха. Усевшись возле столика и расправив складки своей мантии, кардинал подолгу любовался этим произведением искусства, вдыхая нежный аромат роз, поглаживая кончиками пальцев шелковистую поверхность их лепестков, смахивая капли влаги с кожицы крутобоких сочных персиков. Он проводил ногтем по краю бокала и легким прикосновением своего металлического перстня пробуждал звонкий мелодичный голос холодного и прозрачного, как ледяная слеза, хрусталя, а затем не спеша выпивал вино, смакуя букет.

Кардинал был эстетом. Еще в молодости, до посвящения в сан, он, участвуя в хмельных студенческих пирушках, являлся на вечеринки во фраке и с бабочкой, эпатируя «золотую молодежь» своим явным пренебрежением их разнузданной манерой одеваться; пил шампанское, когда все остальные употребляли водку, причем пил всегда с большим достоинством, а ежели за здоровье дам, то и стоя, пусть дамы не всегда были способны это оценить; носил в кармане надушенный носовой платок, который доставал временами просто, чтобы понюхать, и предпочитал устрицы и фуа-гра более прозаическим блюдам даже в те времена, когда его наличные средства уподоблялись истине, которая всегда «где-то рядом».

Он был убежден в том, что пять чувств даны человеку для того, чтобы тот мог оценить красоту этого мира. Ведь мир, творение Господа, прекрасен сам по себе, но для человека, не умеющего увидеть эту красоту, он подобен изображению, скрытому за мутным стеклом, блеклому и нечеткому. Только тот, кто умеет ценить прекрасное, достоин называться человеком, а не скотиной. Этот принцип своего

мировоззрения кардинал давно воплотил в политике Церкви, политике, может быть, не всегда гуманистической, но направленной во благо всего человечества.

Сегодня у кардинала было мало времени полюбоваться композицией на эбеновом столике, который стоял у него в гостиной. Все утро он провел в кабинете, разбирал почту и диктовал ответы на письма глав государств, обращенные к папе, многие из которых приходили на его адрес, так как ни для кого не было секретом, что именно он, кардинал Цезарини, является фактическим главой Церкви. Но после обеда он ожидал визита своего старого друга Абу Адальбека, человека светского, однако, подобно кардиналу, настроенного на волну поэтического восприятия мира.

С палестинцем Адальбеком они повстречались много лет назад на конгрессе в Иерусалиме, когда Новая Церковь призвала собраться руководителей наиболее крупных концессий для урегулирования вопросов взаимодействия в обстановке всеобщей нестабильности. В состоянии анархии, в котором пребывало общество в то время, да и сейчас, когда правительство обладало лишь номинальной властью, Церковь оставалась единственным институтом, способным хоть как-то повлиять на раскрепощенные до предела умы граждан.

Адальбек работал переводчиком у одного из лидеров мусульман, Цезарини был незначительной фигурой в свите кардинала Джованни, молодые люди быстро нашли общий язык и, отстранившись от политики, посвящали себя беседам на философские темы и диспутам об искусстве и эстетике. За прошедшие тридцать лет в их отношениях мало что изменилось, они по-прежнему оставались друзьями и довольно часто встречались, тем более что Адальбек жил теперь в Европе. Правда, последнее время они все чаще вступали в спор относительно взглядов Цезарини на устройство общества и место Церкви в нем, и это не нравилось кардиналу, который считал, что его друг слишком высоко ставит так называемые демократические принципы.

«Надеюсь, сегодня не будет споров, и мы просто побеседуем о поэзии или живописи», — подумал кардинал, получив сообщение службы безопасности о приходе Адальбека. Он попросил слугу подать вино в гостиную, а секретаря — отвечать на телефонные звонки и спустился на первый этаж своих апартаментов, чтобы лично встретить палестинца. Тот стоял возле лестницы, заложив руки за спину, поджидая кардинала.

После приветственных объятий кардинал взял старого друга под

локоть, помогая ему подняться по лестнице. У Адальбека было худо с ногами, и ходил он с трудом, а лифтов и других технических устройств в апартаментах Цезарини, расположенных в старинном особняке XVI века, не было. Поднявшись на второй этаж, Адальбек вежливо отстранил кардинала и дальше пошел самостоятельно, сохраняя величественную осанку, несмотря на то, что каждый шаг давался ему с трудом. «Волевой и гордый человек», — подумал кардинал, одобрительно кивнув головой. Он хорошо знал своего друга.

Они вошли в гостиную и расположились в деревянных креслах с высокими резными спинками, причем возраст кресел, по меньшей мере, втрое превышал возраст друзей.

— А, я вижу, у тебя новая картина, — заметил Абу Адальбек, осушив бокал вина.

Цезарини сделал знак слуге, тот вторично наполнил бокалы и удалился.

— Я так и знал, что ты обратишь на нее внимание, — сказал кардинал, довольно оглядывая настенное полотно. — Это один из новых живописцев, Франческо Дзамбретти. Прелестно, не правда ли?

— Да, я давно убедился, что по части искусства наши вкусы совпадают. Все, что есть у тебя, я хотел бы иметь сам. Потому я и прихожу к тебе так часто, чтобы полюбоваться твоими картинами, — шутливо произнес Адальбек.

У него был хрипловатый голос, приятная внешность, хотя и выдававшая его азиатское происхождение, и удивительные руки с длинными гибкими пальцами — Адальбек виртуозно играл на рояле. Он был одет в легкий летний костюм светлых тонов, тогда как кардинал носил простую черную мантию — красную он одевал только во время официальных визитов. Цезарини был красив суровой и горделивой старческой красотой, улыбка редко посещала его надменное лицо, и лишь в общении с близкими людьми он позволял себе расслабиться и сбросить маску высокомерия.

— Интересный ракурс, не так ли? А манера письма напоминает самого Леонардо, как ты считаешь? — Кардиналу хотелось, чтобы Адальбек поддержал разговор о живописи.

Но Абу хитро улыбнулся, и перевел беседу в другое русло.

— Смотреть на картины, написанные рукой мастера, всегда приятно. Но вот мне было бы интересно посмотреть на другую картину: как к тебе приходят гости на какой-нибудь званый вечер и как все они проходят через этот детектор внизу. А?

Цезарини пожал плечами:

— Ты же знаешь, я не устраиваю званых вечеров. А детектор — это необходимость. Кардинал Джованни был убит в расцвете лет, не сумев исполнить всего, что задумал. Мне бы не хотелось повторить его участь, хотя, конечно, на все воля Господа.

Психодетектор, через который в обязательном порядке проходил любой человек, желающий посетить апартаменты Цезарини, определял степень лояльности этого человека к кардиналу. Этот прибор был настолько чувствителен и точно настроен, что по биотокам мозга улавливал даже такие оттенки чувств, как неприязнь или зависть, не говоря уже о ненависти. Конечно, прибор не мог гарантировать полную защиту от всех потенциальных убийц, но все же позволял разоблачить фанатиков, пытающихся проникнуть в приемную кардинала под видом журналистов или учредителей благотворительных фондов.

Нельзя сказать, что кардинал боялся смерти. Он был готов умереть в назначенный день и час, во всяком случае, он так думал. Да, на земле у него есть еще дела, но в случае его смерти найдется кому продолжить его начинания, а свидание с Господом важнее любых земных дел. Одно только смущало Цезарини, когда он думал о смерти, причем в последнее время эти думы посещали его особенно часто. Он боялся умереть некрасиво, как-нибудь безобразно скривиться во время припадка или быть разорванным на куски бомбой террориста. Он желал для себя смерти пристойной, такой же, как и вся его жизнь. Закрыть глаза — и уснуть, разделив душу и тело; умереть спокойно и со вкусом — вот чего желал кардинал.

Адальбек между тем продолжал иронизировать:

— Мне интересно, а твоя юная племянница — она тоже проходит через детектор?

Цезарини нахмурился:

— К чему такие вопросы, Абу?

— Простое любопытство.

— Что ж, если на то пошло, да, она проходит через детектор. Но это лишь формальность, как и в твоем случае. Я не хочу, чтобы посетители переругивались у меня в приемной, кому проходить проверку, а кому нет. Процедура обязательна для всех — и точка.

— Ясно. Как она поживает, хорошо ли ладит с мужем? Индийцы — народ непростой, европейским женщинам иногда бывает трудно с ними ужиться.

Племянница Цезарини, дочь его младшего брата, вышла замуж за индийского дипломата и собиралась вместе с мужем переехать в

Индию, когда кончится срок его миссии.

— Вот, возьми это, — продолжал Адальбек. — Это подарок ей на свадьбу, я ведь так и не сумел его подарить, все болел, даже церемонию из-за этого пропустил.

— Ты сам сможешь его вручить, в воскресенье они с мужем обедают у меня, приходи и ты.

— Нет-нет, лучше ты вручи. У меня опять может что-нибудь разболеться.

Цезарини взвесил на ладони черный овальный футляр, потом раскрыл его и откинулся на спинку кресла, оценивая шедевр ювелирного искусства. Туманно-белые агаты, серебрясь змеиной чешуей своей поверхности, лежали на черном бархате в окружении золотистых опалов, оправленные в сияющий металл высочайшей пробы.

— Вот это королевский подарок, Абу, — восхищенно произнес он.

— Красиво, правда?

— Муж будет тебя ревновать, — сказал с улыбкой кардинал, и Адальбек усмехнулся в ответ.

Цезарини положил раскрытый футляр на столик эбенового дерева, расширив таким образом композицию. Прекрасное — к прекрасному.

— Вернемся, однако, к твоему детектору, — сказал Адальбек и потер указательным пальцем горбинку на носу, так он делал всегда, когда хотел завести серьезный разговор. — Ты действительно веришь, что он способен защитить тебя от убийцы?

— Вопрос не в том, во что верю я, — ответил Цезарини. — Вопрос в том, во что верит убийца. Фанатиков детектор обнаруживает, а профессионал, убивающий за деньги и не испытывающий к жертве личной неприязни, не пойдет на то, чтобы убрать меня. Проникнуть сюда он, может быть, и сможет, но выйти обратно — нет. Таким образом, остается лишь убийца поневоле, которого заставили шантажом пойти на это. Но, не имея оружия, ему будет затруднительно выполнить свою задачу, ведь посетителей еще и обыскивают, а во время аудиенций рядом со мной всегда находится вооруженный охранник. Исключение составляют лишь близкие мне люди, и, кроме тебя, все они — мои родственники. А за ними и за тобой следит моя служба безопасности. Если бы тебя, мой дорогой Адальбек, начали шантажировать, я бы узнал об этом незамедлительно.

— Да, у тебя действительно все схвачено, — покачал головой Адальбек. — Практически все.

Они еще выпили вина, немного, чтобы не утруждать свои стареющие тела борьбой с чрезмерной дозой алкоголя. Адальбек довольно долго держался в русле беседы об искусстве, но под конец не выдержал и снова завел разговор о политике.

— И все-таки, почему ты не хочешь понять, что нельзя привить человеку любовь к прекрасному, как это пытаешься сделать ты, насильно? Никогда насилие не доводило до добра, тем более, твоя церковь столько веков пропагандировала доброту и смирение.

Цезарини недовольно поджал губы:

— Ты отлично знаешь, что я тебе отвечу. Мы десятки раз беседовали на эту тему, и всегда с одинаковым успехом. Мой постулат: красота спасет мир. Бог сотворил мир прекрасным, и Бог наделил людей способностью видеть эту красоту, так разве не преступление пренебрегать божественным даром? Мир катится в бездну анархии и вседозволенности, и только чувство прекрасного поможет людям выбраться из пучины плотских наслаждений. Пусть пока это приходится делать насильно, пусть нарушаются эти твои демократические принципы, за которые ты так радеешь, но это неизбежное зло. Чтобы спасти большее, в данном случае, все человечество, приходится жертвовать малым, то есть свободой тех людей, кто не в состоянии уразуметь, что мои действия направлены им же во благо.

— Ах, кардинал, кардинал, как ты не можешь понять, что насилие — не тот путь, которым мы должны следовать. Человечество рано или поздно выберется из тупика, преодолеет кризис духовности, с нашей помощью, разумеется, но эта помощь должна оказываться только тем, кто того желает. Иначе мы можем усугубить болезнь, воспитав в людях инстинктивное неприятие культурных ценностей, и эта твоя политика Возрождения может обернуться новым средневековьем.

— Давай не будем обсуждать эту тему более, — твердо сказал Цезарини. — Человек не всегда волен в своем выборе. Мой выбор и мой же долг — быть пастырем и следить, чтобы вверенные мне души содержались в чистоте и благопристойности, а не утопали в грязи разврата и кокаиновых мечтах.

— Нет, Чезаре, ты неправ. Пастырь — не значит диктатор, а именно к этому ты, вольно или невольно, стремишься. Я слишком хорошо вижу, к чему все идет, слишком хорошо. Сейчас страдают тысячи людей, и гибнут десятки, а скоро страдать будут миллионы несогласных с тобой и тысячи, десятки тысяч людей отправятся на костры новой инквизиции, твоей инквизиции. Это страшно, Чезаре.

Цезарини молчал, возмущенно глядя на Адальбека. Как тот мог обвинить его в подобных устремлениях, и это называется старый друг! С минуту он молчал, грозно сведя брови, потом произнес:

— Тебе лучше уйти. Сегодняшнее вино явно не пошло тебе на пользу.

— Увы, Чезаре, все не так просто. Если бы дело было только в вине!

Адальбек покачал головой, потом снова заговорил:

— Еще один вопрос: как ты относишься к смерти? Я знаю, что ты католик и веришь в загробную жизнь, и все же?

— Как подобает католику. Мы живем, пока это угодно Богу, но должны быть готовы в любой момент принять кончину, если такова будет Его воля.

— Что ж, такого ответа я и ожидал. Но ты думаешь, Богу будет угодно, если ты умрешь от руки убийцы-фанатика?

Цезарини недоуменно поднял брови:

— Что за странный вопрос? Не я же выбираю, как мне умереть. Я приму любой конец, ниспосланный свыше.

— Нет, мой друг, как раз в том будет твоя вина, если ты будешь убит взрывом бомбы или пулей снайпера. Ибо своими жестокими действиями ты провоцируешь ответное насилие. Не думаю, что это богоудное дело.

— Я в тысячный раз повторяю — красота есть ключ, овладев которым, человек может прийти к пониманию божественной природы, к пониманию Его заветов! — воскликнул Цезарини.

— И ради этого стоит лишать людей жизни? Ведь ты обрекаешь многих людей на страдания и смерть своими действиями.

— Да! Красота, божественная красота, требует жертв! — ответил кардинал.

— Значит, ты готов пожертвовать своей жизнью тоже во имя красоты? Во имя своей веры в прекрасное, ты готов умереть?

— Да, конечно.

— И если тебе будет суждено умереть здесь и сейчас, ты воспримешь это как должное?

Кардинал удивленно взглянул на Адальбека. Тот смотрел слегка насмешливо, иронично.

— Ты ведь должен быть к этому готов, Чезаре. Готов к жертве во имя красоты.

— Я готов. Во имя красоты и во имя Бога, — тихо ответил Цезарини. — Только я не ожидал, что это будешь ты.

Адальбек достал из кармана небольшой серебряный флакончик.

— Здесь достаточно ядовитого газа, чтобы убить нас обоих, мгновенно и без мучений. Мне достаточно снять колпачок, чтобы вскрыть ампулу, заключенную в этом флаконе. Газ быстро распадается в воздухе, так что твои слуги не пострадают.

Цезарини покачал головой:

— Странно, Абу, ведь ты не фанатик и не убийца, как же ты смог пройти через детектор?

— Ничего странного, — улыбнулся Адальбек своей доброй и мягкой улыбкой. — Просто я люблю тебя, ты мой самый близкий друг. И я люблю тебя настолько, что готов умереть ради тебя. Ради того, чтобы твое имя не было вписано в историю, как имя самого жестокого диктатора третьего тысячелетия.

— Ты сумасшедший, — грустно произнес Цезарини.

— Нет, мой друг. Просто наше время пришло. Твое — потому, что ты встал на ошибочный путь и не хочешь с него свернуть. Мое — потому, что пришло твое. Вот так.

Цезарини долго смотрел в глаза Адальбеку, а тот отвечал ему спокойным глубоким взглядом своих черных блестящих глаз. Эти двое очень хорошо знали друг друга. Тысячи несказанных слов, тысячи мыслей пронеслись из одного разума в другой. «Во всяком случае, это будет достойная смерть», подумал кардинал. Он глубоко вздохнул и улыбнулся.

— Что ж, Абу, ты доказал, что ты самый лучший и преданный мой друг. Я счастлив тому, что мы были друзьями.

Он сорвал лепесток розы и слегка помял его в пальцах, потом ласково провел рукой по гладкой, как черное стекло, поверхности стола. Взгляд его задержался на бархатном футляре. Только теперь он понял, что эти агаты предназначались в подарок вовсе не его племяннице, а ему самому. Кардинал снова повернулся к Адальбеку:

— Надеюсь, твой газ, по крайней мере, без запаха? Не хотелось бы, чтобы он перебил аромат роз.

Адальбек улыбнулся, слегка покачивая головой:

— Узнаю своего друга. Ты был и остался эстетом, Чезаре.

Его длинные красивые пальцы не спеша свинтили колпачок серебряного флакона.

Солнце опускалось к горизонту, бросая пологие тени на каменные стены особняка времен Медичи. Последний луч скользнул сквозь высокое стрельчатое окно в гостиную, пробежался по картинам на стенах, ярким бликом отразился от черной поверхности стола, золотой

каплей сверкнул в высоком бокале и упал мягким пятнышком на неподвижную руку, лежавшую на подлокотнике кресла. Двое стариков сидели друг напротив друга, умиротворенно улыбаясь. Казалось, они спали. Один сжимал в руке серебряный флакончик, другой — лепесток белой розы.

Лоуренс БЛОК

ЖАЖДА СМЕРТИ

Полицейский заметил машину на мосту, но не обратил на нее особого внимания: водители частенько останавливались на полпути через реку, особенно поздними вечерами, когда поток машин иссякал и можно было не опасаться, что в спину, будто нож, вонзится истошный визг чьего-то сердитого клаксона.

Мост был стальной, ажурный и грациозный, а под ним, в теснине крутых берегов, бежала Морисси, которая делила город точнехонько пополам. С середины моста открывался замечательный вид: справа — сбившиеся в кучку дома старого центра, слева — выстроившиеся вдоль реки мельницы. Мягкая, радующая взор панорама и чайки над водой. Вот почему здесь часто останавливались люди. Полюбовавшись минуту-другую, они опять садились в машины и катили дальше.

Впрочем, не одни зеваки облюбовали этот мост. Поначалу полицейский не вспомнил о самоубийцах и спохватился, лишь когда из машины вылез мужчина. Тот медленно подошел к бордюру, ступил на тротуар и застыл в нерешительности, положив руку на перила моста. Что-то в этой одинокой фигуре, окутанной полуночной мглой, что-то в осанке и позе мужчины, что-то в сером ночном воздухе и наползавшем с реки тумане насторожило полицейского. Он чертыхнулся. В голове промелькнула тревожная мысль: успею или не успею?

Полицейский резво зашагал по пешеходной дорожке. Ему очень не хотелось кричать и дуть в свисток: он прекрасно знал, что будет, если напугать человека, который хочет прыгнуть с моста.

Увидев, как пальцы мужчины стиснули поручень, как он приподнялся на носках, полицейский едва сдержал крик и почти побежал. Но в этот миг пятки мужчины опять коснулись асфальта, руки расслабились. Он достал сигарету и закурил. Полицейский успокоился. Теперь он знал: время есть. Все самоубийцы непременно выкуривают последнюю сигарету, прежде чем перемахнуть через перила и кануть вниз.

Когда до незнакомца оставалось шагов десять, он испуганно вздрогнул, обернулся и кивнул, всем своим видом выказывая покорность судьбе. Ему было лет тридцать пять. Рослый, с узким продолговатым лицом, глубоко посаженными глазами и густыми черными бровями.

— Чудесная ночь, — сказал полицейский.

— Да уж…

— Любуетесь видом?

— Совершенно верно.

— А я гляжу, стоит человек, и думаю: дай-ка подойду, поболтаю малость. В такую пору частенько чувствуешь себя одиноко. — Полицейский похлопал по карманам. — Не найдется ли у вас лишней сигаретки? Мои, похоже, все вышли.

Мужчина угостил полицейского сигаретой. Она была с фильтром, полицейский к таким не привык, но тут уж не до сетований Он поблагодарил незнакомца, прикурил от его зажигалки, опять поблагодарил и, взявшись за перила, перегнулся через ограждение моста.

— Красота… — проговорил он, оглядывая реку и город.

— Правда?

— По-моему, да. Чудесный вид. Успокаивает. Дает ощущение душевного равновесия.

— Я этого не почувствовал, — сказал незнакомец. — Хотя думал как раз о том, что надо делать, чтобы обрести душевный покой.

— По мне, так лучший способ — жить, как живется, — рассудил полицейский. — Жизнь, она ведь имеет обыкновение рано или поздно налаживаться. Иногда на это уходит немало времени, и кажется, что все на свете — хуже некуда, но в конце концов дела поправляются.

— Вы действительно так считаете?

— Конечно.

— Несмотря на то, с чем вам приходится сталкиваться на службе?

— Даже так, — ответил полицейский. — Наш мир суров, но ведь это ни для кого не новость. Другого у нас все равно нет, я так думаю. И то, что ждет вас на дне реки, ничуть не лучше.

Мужчина долго молчал. Потом щелчком выбросил окурок в реку, и собеседники проводили его глазами. Рассыпая искры, окурок полетел вниз и с тихим шипением упал в воду.

— Почти без всплеска, — заметил мужчина.

— Угу, — согласился полицейский.

— Большинство из нас тоже уходит тихо. — Мужчина помолчал, повернулся и взглянул на полицейского. — Меня зовут Эдвард Райт, — представился он. — Не думаю, что я прыгнул бы в воду. Во всяком случае, не сегодня.

— Глупо играть с судьбой.

— Наверное.

— Но именно этим вы сейчас и занимаетесь. Стоите на мосту и раздумываете, прыгать или нет. Все, кто увлекался такими размышлениями, рано или поздно отправлялись вниз. Нервы сдавали.

И еще задолго до соприкосновения *с* водой выяснялось, что они, по сути дела, и не хотели этого. А ничего уже не поделаешь, слишком поздно. Не надо упорствовать, раз за разом искушая судьбу. Она этого не прощает.

— Полагаю, вы правы.

— Вы к врачам обращались?

— Бывало.

— Говорят, это помогает.

— Только они сами так и говорят.

— Кофе хотите?

Мужчина открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Он закурил новую сигарету и выпустил большое облако дыма, которое тотчас унесло ветром. Проводив его глазами, мужчина сказал:

— Теперь все будет хорошо.

— Вы уверены?

— Поеду домой, вздремну немного. Последнее время мне не спится. С тех пор, как умерла жена. Она была моей единственной отрадой. И вот ее нет.

Полицейский положил руку ему на плечо.

— Вы справитесь, мистер Райт. Надо держаться, вот и вся премудрость. Рано или поздно полегчает. Сейчас вам, небось, кажется, что жизнь кончилась, и как прежде уже не будет, но ведь…

— Я понимаю. Ладно, поеду домой. Извините, если добавил вам треволнений. Постараюсь расслабиться, и все будет хорошо.

Глядя вслед машине, полицейский гадал, правильно ли он поступил, отпустив Райта. В конце концов он решил, что забирать этого человека не имело смысла. Если тащить в участок каждого, кто норовит свести счеты с жизнью, с ума сойти можно. А этот Райт даже не пытался покончить с собой. Он просто думал о самоубийстве. Не посадишь же всех, у кого появляются такие мысли: нар не хватит.

Полицейский достал из кармана блокнот и карандаш и записал: «Эдвард Райт». А чтобы не забыть, что это за имя, нацарапал рядом: «Густые брови. Похоронил жену. Раздумывал, не прыгнуть ли с моста».

Психиатр поглаживал остренькую бородку и разглядывал лежавшего на кушетке пациента. Бородка и кушетка, как он не раз говорил жене, очень важны. Благодаря этим зримым символам пациенты видят в нем скорее функцию, чем личность, и это облегчает общение. Жена ненавидела его бородку и подозревала, что кушетка служила ему для облегчения общения совсем другого свойства. Да,

верно, думал психиатр, пару раз мы с моей толстой белобрысой секретаршей забирались на эту кушетку вместе. Очень памятные события, мысленно признал он и смежил веки, с наслаждением вспоминая, как приятно было им с Ханной изучать дивно-бредового Краффта-Эбинга. Страницу за страницей.

Психиатр неохотно отогнал эти думы и заставил себя сосредоточиться на пациенте.

— …жизнь утратила всякий смысл, — долдонил тот. — Я буквально заставляю себя существовать, день за днем…

— Все мы живем одним днем, — ввернул психиатр.

— Но разве каждый новый день непременно должен быть тяжким испытанием?

— Нет.

— Вчера я был на грани самоубийства. Нет, позавчера. Чуть не прыгнул с моста через Морисси.

— Ага! Дальше?

— Мимо шел полицейский. Впрочем, я бы все равно не прыгнул.

— Почему?

— Не знаю.

Извечная пьеса шла по наезженной колее. Нескончаемая беседа врача и больного. Иногда врачу удавалось провести целый час, вообще ни о чем не думая, отвечая привычными штампами и не слыша ни единого слова из монолога страждущего. «Интересно, а приношу ли я пользу этим людям? — размышлял психиатр. — Хоть какую-то? Может, им просто хочется выговориться и они довольствуются иллюзией слушателя? Может, моя профессия — не более чем интеллектуальное мошенничество? Будь я священником, усомнившимся в своей вере, пошел бы к ближайшему епископу, но у психиатров нет епископов. В психиатрии одно плохо: не существует четкой иерархии. Разве можно выстроить так же хоть одну абсолютистскую религию?»

А потом ему пришлось выслушать повествование о сне. Почти все пациенты увлеченно скармливали психиатру свои сновидения, и это всегда раздражало его. Порой ему казалось, что все это — грандиозный розыгрыш и на самом деле никаких сновидений не существует. С чисто научным любопытством слушал он изложение сна, изредка поглядывая на часы, жалея, что пятьдесят минут, отпущенные пациенту, еще не истекли. Насколько он понимал, сон этого парня свидетельствовал об утрате жизнелюбия и возникновении подспудной жажды смерти, желания покончить с собой, слабо

подавляемого страхом и воспитанием. Интересно, долго ли он сможет противиться стремлению наложить на себя руки? Он ходит сюда уже три недели, но, если что и меняется, то только к худшему.

И вот, очередной сон. Психиатр смежил веки и перестал слушать пациента. Еще пять минут, сказал он себе. Еще пять минут, и этот болван уберется. А тогда, возможно, удастся подбить толстую белобрысую Ханну на дальнейшее экспериментирование. Накануне психиатр вычитал у Штекеля нечто весьма сладострастное.

Врач пытливо разглядывал мужчину. Густые брови, глубоко посаженные глаза, искаженные страхом и отчаянием черты.

— Мне надо сделать промывание желудка, доктор. Вы можете провести процедуру прямо тут, или придется ехать в больницу?

— А что с вами стряслось?

— Пилюли…

— Какие пилюли? И сколько?

Мужчина перечислил врачу, что входит в состав принятых им пилюль, и сообщил, что проглотил двадцать штук.

— Смертельная доза — десять, — просветил его врач. — Давно это было?

— Полчаса назад. Нет, даже меньше. Минут двадцать.

— А потом вы решили не совершать этой вопиющей глупости, так? Насколько я понимаю, вы так и не уснули. Двадцать минут? Почему раньше не пришли?

— Пытался вызвать рвоту…

— И не смогли? Что ж, попробуем вас прокачать, — решил врач.

Процедура оказалась весьма неприятной, а результаты анализа содержимого желудка — и подавно. К счастью, сказал врач, успели вовремя. Лекарство еще не всосалось в кровь, разве что совсем чуть-чуть.

— Жить будете, — заявил врач на прощание.

— Спасибо, доктор.

— Не стоит благодарности. Как вы понимаете, мне придется сообщить об этом.

— Лучше не надо. Я… я стою на учете у психиатра. По сути дела, я наглотался этой дряни скорее по недосмотру, чем по какой-то иной причине.

— Двадцать пилюль? — Врач передернул плечами. — Ничего себе недосмотр. Вот что, заплатите-ка мне наличными, и немедленно. Терпеть не могу посылать счета потенциальным самоубийцам: можно вообще ничего не получить.

— За такую цену вы лучшего дробовика не достанете, — сказал продавец. — Конечно, можно купить что-нибудь более точное и дальнобойное, с прибамбасами. И стоить будет всего на несколько долларов дороже…

— Нет. Этот меня вполне устраивает. И коробку патронов, пожалуйста.

Продавец поставил коробку на прилавок.

— Можно приобрести три коробки всего за…

— Мне нужна только одна.

— Пожалуйста, — покладисто ответил продавец, извлекая из-под прилавка гроссбух и раскрывая его. — Вам придется расписаться. Уж осчастливьте власти штата.

Продавец внимательно изучил подпись.

— А теперь я обязан взглянуть на какое-нибудь удостоверение личности, мистер Райт. Водительских прав вполне достаточно, если они у вас с собой. — Он посмотрел на удостоверение, сличил росчерки, записал серийный номер и удовлетворенно кивнул.

— Спасибо, — сказал покупатель, забирая сдачу. — Большое спасибо.

— Вам спасибо, мистер Райт. Надеюсь, ружье сослужит вам добрую службу.

— Уверен, что так и будет.

Тем же вечером, в девять часов, Эдвард Райт услышал, как кто-то звонит у задней двери. Он спустился вниз, допил вино и поставил бокал. Он был рослым мужчиной с глубоко запавшими глазами и густыми черными бровями. Выглянув на двор, он узнал гостя и после секундного колебания распахнул дверь.

Гость тотчас приставил к его животу дробовик.

— Марк…

— Пригласи меня в дом, — потребовал пришелец. — Уж больно холодный вечер.

— Марк, я не…

— Поговорим внутри.

Когда они очутились в гостиной и Эдвард Райт округлившимися глазами посмотрел в оба дула дробовика, он понял, что сейчас умрет.

— Ты убил ее, Эд, — проговорил пришелец. — Она хотела развестись, но тебя это никак не устраивало, правильно? Я просил ее ничего тебе не сообщать, предупреждал, что это опасно, поскольку ты — мерзкое животное. Я умолял ее уехать со мной и навсегда забыть тебя, но она хотела, чтобы все было честно. Вот ты и убил ее.

— Ты сошел с ума!

— Все было обстряпано по высшему разряду и выглядело как несчастный случай. Как это тебе удалось? Говори, иначе этот дробовик выстрелит!

— Я ее ударил…

— Просто ударил? И убил насмерть? Только и всего?

Райт сглотнул. Он посмотрел на дробовик, потом — на лицо Марка.

— Да, ударил. Несколько раз… Много раз. А потом сбросил по лестнице в погреб. Ты не можешь пойти с этим в полицию. Тебе не поверят, а доказательств у них нет.

— А мы и не пойдем в полицию, — ответил Марк. — Ведь я не обратился туда раньше. Полиция не знала, что у тебя есть мотив. Я мог бы ее просветить, но не стал, Эдвард. Садись за свой письменный стол. Вот так, хорошо. Бери бумагу и перо. Делай, как я сказал, Эдвард. Сейчас тебе придется кое-что написать.

— Ты не…

— Пиши: «Я так больше не могу. На этот раз я доведу дело до конца». И подпись поставь.

— Ни за что!

— Давай, давай, Эдвард. — Марк прижал стволы дробовика к трясущемуся затылку хозяина.

— Ты не посмеешь! — вскричал тот.

— Еще как посмею.

— Тебя повесят, Марк. Это не сойдет тебе с рук.

— Самоубийство, Эдвард.

— Никто не поверит, что я покончил с собой. Подумаешь, записка!

— Ты напиши ее, Эдвард. А потом я оставлю тебе ружье и уйду. Совесть поможет тебе сделать правильный выбор. Я это точно знаю.

— Ты…

— Пиши, Эдвард. Я не хочу тебя убивать. Для начала нацарапай записку, а потом я уйду.

Райт не поверил. Но, когда к затылку прижат дробовик, выбора не остается. Он написал то, что от него требовали, и расписался.

— Повернись, Эдвард.

Хозяин повернулся и вытаращил глаза: перед ним стоял не Марк, а совсем другой человек. Гость успел приклеить густые брови, натянуть парик и намалевать круги под глазами.

— Догадываешься, на кого я похож, Эдвард?

— Нет.

— Да на тебя! Разумеется, сходство неполное и мне не удалось бы одурачить никого из твоих знакомых, но мы с тобой одного роста и сложены одинаково. Достаточно добавить несколько примечательных черт — брови, волосы, запавшие глаза, — и дело сделано. А если у человека, называющего себя Эдвардом Райтом, есть водительские права с этим именем, что получается? Неплохая копия, вот что.

— Так ты корчил из себя меня?

— Конечно.

— Зачем?

— Развитие характера — так это называется у актеров. Ты только что сказал: никто не поверит в твое самоубийство, поскольку ты не имеешь ни малейшей склонности к нему. Но ты будешь очень удивлен, когда узнаешь о своих недавних поступках. Один полицейский насилу убедил тебя не прыгать с моста через Морисси. Психиатр лечил тебя от депрессии и непреодолимого желания наложить на себя руки. Для полноты клинической картины ты рассказал ему о своих снах и фантазиях. А сегодня одному врачу пришлось промыть тебе желудок. — Марк пощекотал живот Эдварда дробовиком.

— Промыть мне…

— Да, да, желудок. Ужасно неприятная процедура, Эдвард. Видишь, на какие мучения я пошел ради тебя. Это была самая настоящая пытка. Я даже боялся, что с меня соскользнет парик, но этот новый эпоксидный клей — просто чудо. Говорят, парик держится даже в воде. — Марк ковырнул ногтем бровь. — Смотри, как крепко прилипла. И ведь они совсем как настоящие, не правда ли?

Эдвард не ответил.

— Странно, что ты не помнишь, каких дел натворил, Эдвард. Неужто забыл, как покупал этот дробовик?

— Я…

— Да, ты, кто же еще? И часа не прошло. Ты отправился в оружейный магазин и приобрел двустволку, а к ней — коробку патронов. Тебя попросили расписаться и показать водительское удостоверение.

— Как ты им завладел?

— Никак. Нарисовал поддельное. — Марк усмехнулся. — Полицейский сразу распознал бы «липу», но ведь я не показывал его полицейским. А продавец ничего не заподозрил и старательно переписал номер удостоверения. Так что, выходит, ты все-таки купил этот дробовик, Эдвард. — Марк провел ладонью по парику. — Совсем как настоящий, — повторил он. — Просто удивительно. Если я когда-

нибудь облысею, куплю себе такой же. — Он расхохотался. — Говоришь, ты не из тех, кто способен покончить с собой? Эдвард, на прошлой неделе в нашем городе не было человека, более склонного к самоубийству, чем ты, и четверо уважаемых людей готовы заявить об этом под присягой.

— А мои друзья и сослуживцы? Как быть с ними?

— Да никак. Стоит человеку наложить на себя руки, и все его приятели тотчас вспоминают, что последнее время он был мрачнее тучи. Людям свойственно стремление на сцену. Я уверен, что после смерти жены ты корчил из себя убитого горем вдовца. Положение обязывало, правильно? Ты не должен был гробить ее, Эдвард. Я ее любил, а ты — нет. Надо было отпустить ее ко мне, Эдвард.

По телу Райта заструился пот.

— Ты сказал, что не собираешься убивать меня, Марк. Обещал оставить мне ружье…

— Не верь всему, что тебе говорят, Эдвард, — ответил Марк и, с дивной ловкостью вложив стволы дробовика в разинутый рот хозяина, мгновенно спустил курок.

Он снял с Райта один башмак и согнул ногу покойного так, чтобы создалось впечатление, будто тот нажал на спусковой крючок большим пальцем. Стерев с дробовика свои отпечатки, Марк взял руку Эдварда и несколько раз приложил ее к ружью. Записку он оставил на столе, потом сунул в бумажник Райта визитную карточку психиатра, а в карман — чек из оружейного магазина.

— Ты не должен был гробить ее, — повторил Марк, обращаясь к мертвецу. Потом он едва заметно усмехнулся и, выскользнув из дома через заднюю дверь, растворился в сумраке ночи.

Перевел с английского *Андрей Шаров*

Боб ГРЕЙ

КОМНАТА СТРАХА

Когда любишь, готов на все. Мартин Кори обожал Мэрилин Монро. Со всей страстью сердца, до самозабвения. Это его и подвело.

— Одумайся! — говорили родители.

— Не валяй дурака! — советовали друзья.

Добропорядочные лондонцы, они не разделяли его чувств. Впрочем, если бы они относились к Богине с той же пылкостью, было бы еще хуже. Мартин был очень ревнив и не потерпел бы конкурентов рядом с собой.

— Остепенись!

— Не сходи с ума!

После таких слов Мартину оставалось лишь привести взаимоотношения с родными к точке замерзания, а друзьям указать на дверь.

Но в его жизни осталась Мэрилин. Этого было достаточно.

— Есть что-нибудь? — спрашивал он продавца маленького магазинчика недалеко от Пикадилли.

Продавец, привыкший к фетишистам всех стадий умопомрачения, отрицательно поводил плечом и предлагал фотографию Кларка Гейбла с автографом. Но Мартина интересовала только Богиня.

— Если что появится — позвоните.

— Разумеется, мистер Кори. Мы же договорились.

Очутившись на улице, Мартин выпивал кружку пива в ближайшем пабе и торопился домой. К Мэрилин.

Огромный плакат встречал его у дверей. Женщина в белом усмиряла бьющееся в струях ветра платье. Мартин почтительно целовал женщине руку и проходил в комнату. Все стены были в фотографиях, все полки — в книгах, посвященных Богине. Под хрустальным колпаком стояли пластинки с напетыми ею песнями.

Далее следовали ужин и дартс. Метание дротиков помогало Мартину Кори избавляться от черной энергии. Он с наслаждением бросал оперенные стрелки в лица Джона и Роберта Кеннеди, Генри Миллера и других негодяев, предавших Богиню. Вот тебе! Вот тебе! Дротики втыкались в нос, в лоб. У Мартина Кори был верный глаз и твердая рука.

Перед сном он занимался финансами. Очень неплохо. Если так пойдет и дальше, если ничего не случится с акциями российских нефтяных компаний, осенью он сможет достойно выглядеть на аукционе. К продаже будут предлагаться многие вещи Мэрилин Монро, и он не уйдет оттуда с пустыми руками!

В августе разразился кризис. Российский рынок дал трещину, в которую выдуло все сбережения Кори. Он чуть не покончил с собой. Как удержался — о том знала лишь Богиня, улыбавшаяся с сотен снимков на стенах его квартиры.

На аукцион он пошел. Не мог не пойти. Со скрежетом зубовным наблюдал, как проходили торги. Какая гримаса судьбы: вещи, принадлежавшие величайшей из актрис и красивейшей из женщин, попадут к людям, рассматривающим их исключительно как выгодное вложение денежных излишков. Да, конечно, год от года они будут стоить все дороже, но нельзя же все сводить к презренному металлу!

Лоты разлетелись все до единого, но, согласно условию аукциона, приобретенные предметы не сразу ушли к новым владельцам. Придется потерпеть недельку, пока они будут представлены в экспозиции, организованной музеем мадам Тюссо.

И тут у Кори возник план. Сначала это была мысль. Появилась и умчалась. Но потом она вернулась, оформившись деталями. И оказалась столь привлекательна, что у Мартина даже заломило виски. Через несколько часов неспешного обдумывания он пришел к выводу, что намеченное — осуществимо. Под покровом темноты, в час безлунный и безлюдный, он проникнет в чертоги музея и восстановит справедливость. Вещи Богини будут принадлежать тому, кто в них действительно нуждается, кому они по-настоящему дороги.

В музее восковых фигур Мартин Кори бывал бессчетное количество раз. Он приходил сюда полюбоваться Богиней, находя, что неведомый скульптор потрудился на славу; должно быть, Господь водил его рукой. Как живая! Припухлость губ. Глаза с поволокой. Алое платье. Цвета крови.

Ночью в музее Кори не бывал никогда. Но теперь он не законопослушный гражданин, точнее, отныне он руководствуется иным законом — Высшим.

Медлить было нельзя. Три дня Мартин ходил в музей и, стараясь не мельтешить перед видеокамерами, осматривался, прикидывал. Пару раз, прикинувшись туповатым провинциалом, заходил в подсобные помещения якобы в поисках туалета. Параллельно он занимался исследованиями в архиве района Мерилибон, где в огромных папках покоились данные на все дома в округе. Кори верил в свою звезду и оказался прав: постепенно план проникновения в здание и последующего отхода выкристаллизовался в четкую последовательность действий.

В четыре часа ночи, когда самые выносливые полицейские с

трудом одолевают сон, когда мелкий осенний дождь размывает очертания домов, превращая город в декорации к фильму ужасов, когда, наконец, наиболее рачительные из хозяев увеселительных заведений гасят пульсирующий рекламный неон, Кори вышел из своей квартиры. На нем был черный пиджак, темный свитер, перчатки, серые брюки свободного покроя и кроссовки с подошвой из натурального каучука. Через полчаса Мартин был на месте, у неприметной табачной лавочки, соседствующей с музеем восковых фигур.

Дверь он открыл без проблем. Будь замок механическим, пришлось бы повозиться, но в век электроники такая архаика у лондонцев была не в чести. Обычный ключ с бороздками заменили электронные карточки, а обращаться с ними дипломированный инженер Кори умел. Дешифратор через несколько секунд выдал требуемый код. Еще несколько секунд потребовалось, чтобы записать код на магнитной полоске обычной кредитной карточки. Пластиковый прямоугольник лег в паз, раздалось чуть слышное жужжание, и дверь открылась. Мартин скользнул внутрь.

Непроглядную темноту разрезал узкий луч фонаря. Подсвечивая себе, Кори двинулся к служебному ходу, спустя минуту он был в подвале. Отодвинул стеллаж с коробками гаванских сигар и увидел дверь, о которой ему поведали архивные документы. Тут электроникой и не пахло, но счастье по-прежнему улыбалось ему: замка на двери не было! Только засов, тронутый ржавчиной. Мартин отодвинул его — против ожиданий, без лишних усилий и скрипа.

Пахнуло сыростью. Луч фонаря выхватывал из темноты осклизлые стены извилистого каменного туннеля. Мартин бесстрашно шагнул под его своды. Под кроссовками зачавкала раскисшая известь. Поворот, еще поворот.

Огромная крыса стегнула его хвостом по ногам, юркнула в угол и замерла, уставившись на пришельца глазами, в которых полыхала ненависть. Мартин успокаивающе улыбнулся ей.

Двадцать шесть метров отделяли подвал табачной лавочки от подвала музея. Где-то тут должна быть еще одна дверца. Кори водил лучом — влево, вправо, вверх, вниз. Сердце колотилось у самого горла. Он приказал себе не волноваться. Еще раз осмотрел кладку. Что это? Некоторые кирпичи отличались цветом и были изъедены влагой не так безжалостно, как их соседи. Проем заложили! И не поставили о том в известность архитектурное управление. Это было вопиющее нарушение инструкций, однако Кори несказанно обрадовался ему. Если бы дверь сохранилась, еще неизвестно, сколько бы он с ней

промучился.

Мартин открыл сумку с инструментом и достал зубило и молоток. Экипируясь, он старался предусмотреть все неожиданности и теперь мог гордиться собой.

На стыке старой и новой кладки цементные швы были подобны губке. Лишь полчаса понадобилось, чтобы расковырять и оббить их. Затем Кори достал маленький ломик, засунул в щель, навалился всем телом, и кирпичи посыпались к его ногам.

Перед ним был сомкнутый строй костюмов и платьев, принадлежащих разным историческим эпохам. Запустив руки между камзолом флотского офицера и римской туникой, Мартин раздвинул вешалки и проник в помещение, заваленное продуктами жизнедеятельности музейных мастерских. Головы, руки, парики, глаза в стеклянной коробке. Зрелище было жутковатым, но Кори в эту минуту испытывал иные чувства. Он был радостно возбужден. Все шло по плану, и место это было ему знакомо. В поисках туалета он уже оказывался здесь, и был выдворен человеком, наносящим слой пудры на восковое лицо Бенджамина Франклина.

Дверь, ведущая в коридор, была приоткрыта. Кори опустился на четвереньки. До распределительного щитка добираться придется таким не слишком удобным, но безопасным способом.

Над ним проплыло окно комнаты охраны. Из-за стекла пробивались звуки музыки — секьюрити внимали ночному музыкальному каналу. Или спали, что вероятнее. Проверять так это или нет Мартин не стал. Впереди его ждала сложная задача: предстояло вновь продемонстрировать умение укрощать электронику.

Он справился. Зафиксировав картинку пустых залов на пленке микрокамеры, он подключил ее к сети и безбоязненно вышел на середину зала. Охранники его не увидят, даже если проснутся.

Богиня стояла в окружении представительной, но не самой симпатичной компании. Ненавистный ему Джон Кеннеди. Сталин. Выпятивший пузо Черчилль. Слащавый Элвис Пресли. Вместе с тем эти застывшие фигуры и лица служили неплохим фоном, оттеняя неувядающую красоту Мэрилин Монро. Она была как живая! Чудилось, еще мгновение — и полетит, еще секунда — и губы ее изогнутся в капризной зовущей улыбке.

Мартин склонился в поклоне. Выпрямился, коснулся рукой ее пальцев. Они были теплые! Он решился на поцелуй и понял, что не ошибся: пальцы Богини и впрямь были полны жизненного тепла. Волшебство! Чудо! Но только не обман чувств.

Слева раздался странный чмокающий звук. Справа — мелодичный перезвон. Кори повернул голову. Пальцы Пресли перебирали струны гитары! Мартин посмотрел в другую сторону. Премьер-министр Великобритании отлепил сигару от угла рта, и теперь его рука медленно опускалась на колено. А товарищ Сталин дергал усом и хмурил брови.

Легкий треск заставил Кори оглянуться. Монстр в черном плаще с лицом Белы Лугоши восставал из гроба. Его руки силились вытащить осиновый кол, пронзивший грудную клетку. Граф Дракула явно собирался вернуться. Рядом с титулованным вампиром тем же занимались шесть жен кровавого короля Генриха и Гай Фокс, один из авторов знаменитого Порохового заговора. Они шевелились! Они двигались! Они возвращались к жизни!

И снова шорох. Шелест легчайшей ткани. Мартин смотрел и не верил глазам. Мэрилин Монро, его Богиня, приподнимала край платья, обнажая дивной красоты ноги.

Фонарик выпал из руки Кори, ударился, подпрыгнул и погас. Вслед за ним на пол рухнуло тело Мартина. Сознание его отключилось, не выдержав потрясения и мраком беспамятства оберегая себя.

Он очнулся, когда робкое утреннее солнце окрасило окна серым. Мартин пытался понять, где он и что с ним. В голове постепенно прояснялось. Он в музее. Он — преступник. Но почему он лежит? Тут он вспомнил ожившие фигуры и от ужаса зажмурил глаза. В зале было тихо, только на грани слышимости вибрировало стекло, пронизанное тончайшими нитями сигнализации. Этот комариный писк помог Кори уверить себя, что случившееся — всего лишь кошмар, наваждение, что истинный мир — привычный и понятный — там, за окном и стенами музея, с автомобилями, электричеством, склоками в правительстве и экономическим кризисом в России, из-за которого он лишился возможности.

Он приподнял голову и посмотрел на Богиню. Она была прекрасна и неподвижна. Недвижимо было и ее окружение — Сталин, Пресли, Черчилль. Кровопийца из Трансильвании у противоположной стены почивал в своем гробу; жены Генриха VIII мирно сидели кружком; подрывник-любитель Гай Фокс пучил стеклянные глаза, ни капельки не раскаиваясь в попытке покушения на жизнь короля Якова.

Силы возвращались к Мартину. Он сел и схватился за голову — она раскалывалась от боли! Покачавшись из стороны в сторону, он с трудом встал, поднял фонарик и направился к выходу. От дверей взглянул на низкий вычурный столик у ног Богини; на нем были

разложены принадлежавшие ей вещи, ставшие предметом циничного аукционного торга. Он мог взять их все! Он полагал, что имеет на это право. Но Богиня не позволила ему перечить судьбе, как ни сопротивлялась ей сама, той немилосердной судьбе, что вложила в ее руку горсть таблеток снотворного. Это она — Богиня! — вдохнула искру жизни в восковые фигуры, и совместными усилиями они остановили еретика, вздумавшего посягнуть на Божий промысел.

Кори закрыл дверь. От отключил микрокамеру, надеясь, что дрема еще не оставила секьюрити, иначе перемена в освещении залов тут же будет замечена. Все тихо. В подвале тоже не задержался. Жаль, не в его силах восстановить стену, так что ощерившаяся кирпичным крошевом дыра рано или поздно будет обнаружена. Однако не исключено, ее появление спишут на комплекс естественных причин: летние проливные дожди, размытый влагой цемент, сотрясение земли от поездов метро.

Крыса сидела на прежнем месте и все так же сверкала налитыми кровью глазами.

В табачной лавочке никого не было. И улица была пустынна. Мартин шагнул на мостовую и побрел прочь. Душа его была пуста.

Вечером того же дня в здании музея мадам Тюссо состоялся следующий разговор.

— Оборудовав лишь один зал, вы уже превысили смету, — вещал мужчина в строгом костюме. — К тому же, двигаются они как-то неестественно.

Молодой человек, сидевший напротив, набычился, не согласный со скромной оценкой своих трудов. Но промолчал. Сегодня и впрямь лучше молчать. Еще вчера он утверждал, что система отлажена и больше самопроизвольных включений не будет. Ошибся. Ночью снова произошел сбой. Проклятый конденсатор! Теперь надо менять проводку, сервомоторы, тяги.

— У нас музей, а не комната страха, — завершил свою речь управляющий.

— Помнится, вы не возражали против некоторой жути, — осмелился напомнить инженер.

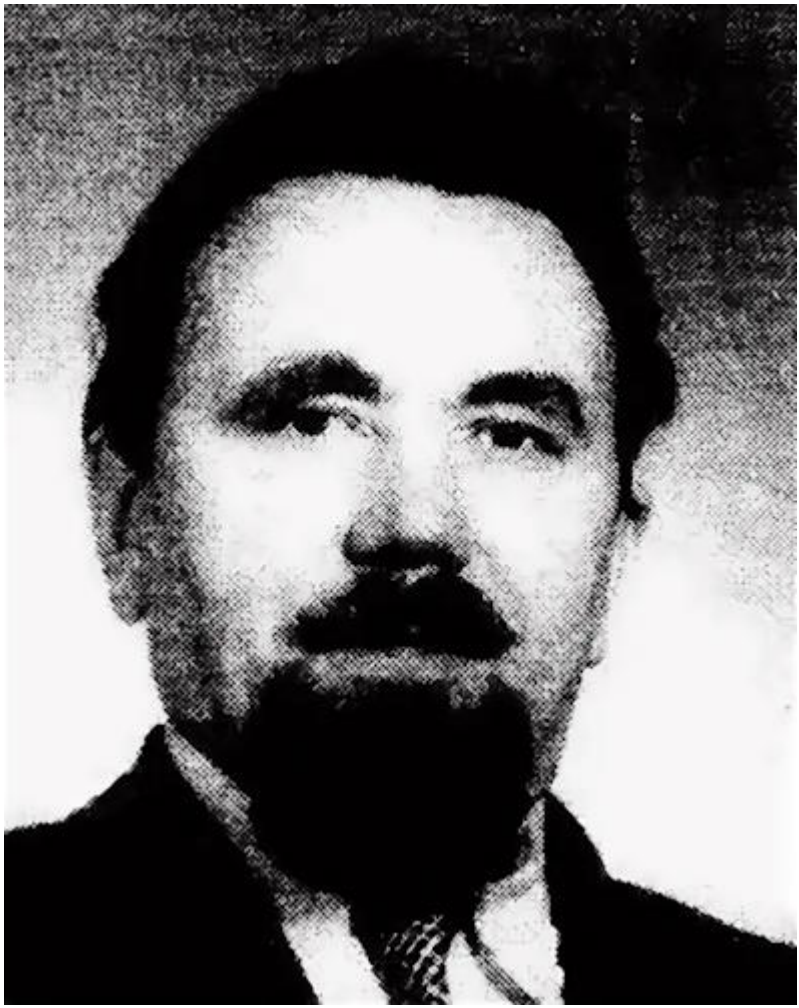
— Все должно быть в меру! — последовал жесткий ответ. — Однако вернемся к финансовой стороне вопроса.

— Если бы охрана была внимательней, — проговорил молодой человек. — Всего лишь нажать кнопку.

— Это не снимает с вас вины! — отрезал мужчина в строгом костюме.

Он хотел сказать еще что-то, но тут за окном раздались крики. Управляющий встал, поднял раму, выглянул. Перед входом в музей стоял голый человек. Наготу его прикрывал лишь плакат, с которого человечеству улыбалась Мэрилин Монро в белом платье.

Перевел с английского *Сергей Борисов*



13 сентября 2002 года ушел из жизни мэтр отечественной фантастики Александр Казанцев. Александр Петрович прожил долгую (96 лет) жизнь. До последних дней он работал над новыми произведениями.

Казанцев родился в 1906 году в городе Акмолинске (ныне Целиноград). После окончания в 1930 году Томского технологического института долгое время работал инженером. Его военные изобретения помогали нашей армии громить врага на Крымском полуострове, а сам изобретатель закончил войну в звании полковника. В 1946 году А. Казанцев написал свой знаменитый

рассказ «Взрыв», где выдвинул гипотезу о гибели в 1908 году над тунгусской тайгой инопланетного корабля.

Наиболее значительные его романы «Пылающий остров» (1941 г.), «Арктический мост» (о наведении мостов между Западом и Востоком) и повесть «Внуки Марса» (1962 г.).

Всего лишь полтора года назад наш корреспондент встречался со знаменитым фантастом (интервью опубликовано в «Искателе» № 1/2001 г.).

Александр Казанцев был инициатором создания «Искателя» и, конечно же, членом редколлегии и одним из самых известных наших авторов. Именно на страницах «Искателя» впервые была опубликована трилогия «Фаэты», а позднее другая — «Клокочущая пустота» — о математике Пьере Ферма и его современниках.

Память об Александре Казанцеве, человеке и фантасте, навсегда останется с нами.

Коллектив журнала

INFO

10 (285)

2002

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Редактор
Александра КРАШЕНИННИКОВА
Художники
Иван ЦЫГАНКОВ
Николай ВАСИЛЬЕВ
Анастасия СМЕРЧКО
Технолог
Екатерина ТРУХАНОВА
Адрес редакции
125015, Москва,
ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607
Телефон редакции 285-4706
Телефон для размещения рекламы 285-4706; 787-3479
Служба распространения 361-4768; 362-8996;
285-3927
E-mail iskateli@orc.ru
mir-iskatel@mtu.ru
Учредитель журнала
ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ»
Издатель
ООО «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
© «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34
Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах.
Свидетельство Комитета Российской Федерации
по печати о регистрации журнала
№ 015090 от 18 июля 1996 г.
Подписано в печать 01. 10. 2002. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 8,4.
Тираж 16000 экз. Лицензия № 06095. Заказ № 23334.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Молодая гвардия»

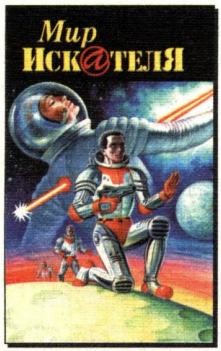
103030, г Москва, Сущевская ул, д 21

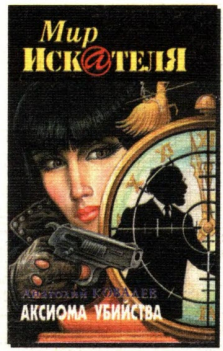
ИСК@ТЕЛЬ

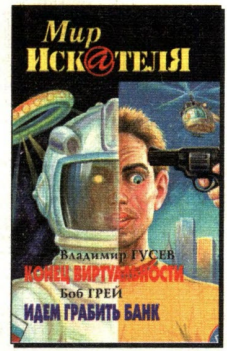
……...

Сканирование и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2025

ИСК@ТЕЛЬ 10'2002







Подписные индексы:

«Искатель»
70424, 42785 и 40940,

«Мир «Искателя»
40920,

«Библиотека «Искателя»
42827,

«Детективы «Искателя»
38304.

Подписаться можно
с любого номера.

ISSN 0130-6634

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ
70424, 40940, 42785